

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2025

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФC77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation O.U. Ilina
(editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.G. Bezverkhov;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Иванова М.С.

К вопросу об исковой давности и форме требования возврата денежных средств по договору бессрочного займа7

Очагова В.С.

Полномочия органов местного самоуправления в сфере культуры.....17

Тарусина Н.Н., Сочнева О.И.

Об укреплении фундамента (основных начал) семейного закона.....26

Актуальные вопросы публичного права

Антонова Н.А.

Требования, предъявляемые к муниципальным правовым актам в современных условиях.....35

Воронин А.В.

К вопросу о достоверности понятия посмертного творческого бытия с позиций конституционной семантики права.....46

Дронова Ю.А., Туманова Л.В.

Восстановление социальной справедливости как цель наказания и право осужденных на судебную защиту: баланс или диссонанс?.....52

Крусс В.И.

Злоупотребление правом и неизбежные противоречия позитивистского дискурса.....66

Мельников Е.А.

Заведомо ложный донос: дискуссионные вопросы характеристики субъекта и субъективной стороны.....76

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Алешукина С.А.

К вопросу о создании государственного юридического бюро в регионе и его месте в системе бесплатной юридической помощи.....87

Афтахова А.В.

Право на страховую пенсию во взаимосвязи с реализацией трудовых прав граждан.....96

Баранова Е.П.

К вопросу о социально-демографических детерминантах преступности женщин, имеющих несовершеннолетних детей.....106

Зарубина К.А.

Социально-экономические детерминанты профессиональной преступности в России в современных условиях развития общества и государства.....116

Орлов А.В., Коркодинов В.А.

Актуальные аспекты взаимодействия подразделений охраны с оперативными и режимными службами в уголовно-исполнительной системе.....127

Яковлева Е.О.

Особенности развития преступности несовершеннолетних и способы ее предупреждения с использованием новых технологий.....138

Вопросы истории государства и права

Смирнов С.Н.

Императорское Православное Палестинское Общество: развитие нормативной базы, организационно-правовой формы и региональной организационной структуры (конец XIX – начало XXI веков).....149

Проблемы организации учебного процесса

Рязанова Е.А.

Патриотическое воспитание и воспитание чувства гражданственности при формировании компетенций будущего юриста.....167

Трибуна молодого ученого

Беляев Р.К.

Лишение родительских прав как основание для перехода к государству родительских прав и обязанностей.....175

Приймак М.В.

Основные модели правового статуса помощника судьи: сравнительно-правовое исследование.....186

CONTENT

Topical issues of private law

Ivanova M.

On the rights of the spouse and the creditor in the initiation of bankruptcy proceedings.....7

Ochagova V.

Powers of local self-government bodies in the field of culture.....17

Tarusina N., Sochneva O.

On strengthening the foundation (basic principles) of the family law.....26

Topical issues of public law

Antonova N.

Requirements for municipal legal acts in modern conditions.....35

Voronin A.

To the question of the validity of the concept of posthumous creative existence from the position of constitutional semantics of law.....46

Dronova Yu., Tumanova L.

Restoration of social justice as the goal of punishment and the right of convicts to judicial protection: balance or dissonance?.....52

Kruss V.

Abuse of rights and the inevitable contradictions of positivist discourse.....66

Melnikov E.

Knowingly false denunciation: controversial issues of the subject and the subjective side.....76

Topical issues of science and law enforcement practice

Aleshukina S.

On the issue of establishing a state legal bureau in the region and its place in the system of free legal aid.....87

Aftakhova A.

The right to an insurance pension in relation to the realization of labor rights of citizens.....96

Baranova E.

On the issue of socio-demographic determinants of crime among women with underage children.....106

Zarubina K.

Socio-economic determinants of professional crime in Russia in modern conditions of development of society and the state.....116

Orlov A., Korkodinov V.

Current aspects of interaction between security units with operational and security services in the penal system.....127

Yakovleva E.

Features of juvenile delinquency development and ways to prevent it using new technologies.....138

Issues of state history and law

Smirnov S.

Imperial Orthodox Palestinian Society: development of the regulatory framework, organizational and legal form and regional organizational structure (late 19th – early 21st centuries).....149

Problems of organization of the educational process

Ryazanova E.

Patriotic education and education of a sense of citizenship in the formation of competencies of a future lawyer.....167

Tribune of young scientist

Belyaev R.

Deprivation of parental rights as a basis for the transfer of parental rights and responsibilities to the state.....175

Priimak M.

Basic models of the legal status of a judge's assistant: a comparative legal study.....186

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.131.222

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.3.007

К вопросу об исковой давности и форме требования возврата денежных средств по договору бессрчного займа

М.С. Иванова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор рассматривает вопрос о форме требования возврата денежных средств по договору бессрчного займа и связанное с ним начало течения срока исковой давности. Объектом исследования являются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре займа, форме сделок и исковой давности. Целью работы является обоснование необходимости использования письменной формы заявления о возврате денежных средств по договору бессрчного займа. С помощью общелогических методов теоретического анализа, системного анализа, формально-юридического метода и толкования исследуются правовая природа востребования денежных средств по договору бессрчного займа, а также подходы к форме такого востребования. Сделан вывод о необходимости фиксации волеизъявления по требованиям о возврате денежных средств по договорам бессрчного займа на каких-либо материальных носителях в целях исключения злоупотребления правом, приводится пример из судебной практики.

Ключевые слова: договор, форма сделки, исковая давность, принцип добросовестности, договор бессрчного займа.

Задачей правового регулирования является такое воздействие на общественные отношения, которое упорядочивает жизнь общества и обеспечивает баланс интересов личности и государства. При помощи абстрактных правовых норм создаются правила поведения, следование которым предотвращает споры и защищает от возможного недобросовестного поведения. Правовая определенность, как фундаментальный принцип права, предполагает ясность норм, их непротиворечивость и согласованность. Предсказуемость и стабильность правоприменения направлено, в том числе на защиту доверия к праву. В этой связи, теоретическое обоснование законодательных пробелов, обнаруженных в ходе практического применения правовых норм, не теряет своей актуальности.

Обязательства, вытекающие из договора займа, регулируются правом достаточно давно и полно. Может показаться, что это устоявшаяся и понятная правовая конструкция. Тем не менее, возникают вопросы, требующего концептуального обсуждения. В данной статье

предлагаются рассуждения о форме, в которой должно быть заявлено требование о возврате денежных средств по договору бессрчного займа, поскольку форма, как объективированное во внешнем мире волеизъявление субъекта, связана с последующим исполнением обязанностей и защитой права.

В соответствии со ст. 808 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] договор займа между гражданами должен быть заключен в письменной форме, если его сумма превышает десять тысяч рублей. В подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющие передачу ему займодавцем определенной денежной суммы.

Статьей 810 ГК РФ В случаях, когда срок возврата договором не установлен или определен моментом востребования, сумма займа должна быть возвращена заемщиком в течение тридцати дней со дня предъявления займодавцем требования об этом, если иное не предусмотрено договором. Что же такое «востребование» по договору займа, в какой форме оно должно быть выражено? Является ли это сделкой или чем-то иным? Законодатель оставляет эти вопросы без строгого нормативного ответа, давая простор толкованию. Логично предположить, что востребование должно иметь некое внешнее выражение, которое должно соответствовать воле кредитора на возврат переданных по договору денег, плюс оно должно быть однозначно воспринято адресатом, то есть должником.

Юридическое действие является таковым, если в существующем правопорядке это действие способно порождать правовые последствия. Юридическое действие должно быть направленным и волевым. ГК РФ в ст. 153 [1] определяет такие действия, как сделки. Сделки согласно закону должны быть совершены в определенной форме, несоблюдение которой имеет правовые последствия. Будет ли требование кредитора к должнику о возврате денег по бессрчному договору займа сделкой, влечет ли заявление такого требования изменение прав и обязанностей сторон? Предположим, что нет, поскольку обязанность по уплате установлена самим договором, но требование о возврате при отсутствии указания на срок, тем не менее, порождает правовые последствия, а именно «запускает» установленную обязанность по возврату займа. Одним из признаков сделки является воля, и ее внешнее выражение (волеизъявление) состоит из фактических действий, основания, конкретных последствий этих действий и желания их наступления. Но волеизъявление само по себе не всегда способно привести именно к желаемым правовым последствиям. Оно должно быть доведено до адресата и воспринято им. Такие волеизъявления относятся к сделкоподобным действиям. То есть, само по себе фактическое заявление о намерениях уже способно привести к правовым последствиям, в том

числе независимо от желания изъявившего его субъекта в силу прямого указания правопорядка. К подобным действиям применяются некоторые правила ГК РФ о сделках, например, о форме и о толковании волеизъявления. Толкование волеизъявления возможно исходя из приоритета внутренней воли лица, то есть, что лицо в действительности намеревалось сделать ради наступления таких именно последствий.

Но подходить к толкованию волеизъявления можно и с точки зрения адресата такого волеизъявления. А именно, как волеизъявление понимается лицом, которое которому оно адресовано. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [4] указывается, что во всех случаях волеизъявление в сделках оценивается не само по себе, а в совокупности с наступлением правовых последствий. В сделкоподобных действиях направленность волеизъявления следует толковать исходя из фактических действий и их восприятия адресатом как обычным участником гражданского оборота. Иными словами, воля в подобных действиях должна быть не просто очевидной, ясно выраженной, но и должна быть понятна адресату. Применительно к рассматриваемой ситуации с займом требование о возврате должно быть заявлено так, чтобы должник понял, что пора пришла возратить долг. В таком случае самая оптимальная форма волеизъявления кредитора, которая соответствует правопорядку и обеспечивает баланс защиты прав как кредитора, так и должника, будет письменная форма. Соблюдение письменной формы обеспечивает стабильность правоотношений, доверие обороту и защиту от возможных споров, делает очевидным начало течения срока для защиты права.

В договоре займа, срок которого не определен, кроме требования о возврате денежной суммы, подлежит установлению и факт возврата денежных средств. То есть, при возникновении спора приходится выяснять, потребовал ли кредитор переданные заемные средства и в какой форме, и были ли они фактически переданы. Гражданский кодекс РФ умалчивает о том, как может быть подтвержден возврат долга, и какие доказательства в случае спора об этом могут быть использованы. Должен ли он подтверждаться письменными доказательствами? Можно ли применять по аналогии ст. 808 ГК РФ, где сказано о расписке или ином документе (т. е. презюмируется письменная форма подтверждения передачи денег) и устанавливать требования к форме возврата?

Предписание о форме сделок, как бы нам этого не хотелось, вряд ли могут быть истолкованы однозначно. Обратимся к ст. 161 ГК РФ. Подпункт 2 п. 1 указанной статьи устанавливает, что сделки граждан между собой на сумму, превышающую десять тысяч рублей, должны совершаться в простой письменной форме.

В данном случае речь идет о сумме сделки. Может ли востребования само по себе иметь какую-то цену? Вероятно, нет. Логично предположить, что речь идет о величине имущественных последствий. Следовательно, если имущественные последствия от конкретных действий превышают десять тысяч рублей, то такие действия должны быть совершены в письменной форме. То же самое можно сказать и о подтверждении факта передачи денег при возврате займа. Факт возврата должен быть письменно зафиксирован, если в результате такого возврата передается сумма, превышающая 10 000 рублей.

Однако, если обратиться к ст. 159 ГК РФ, ссылка на которую дается в ст. 161 ГК РФ, то обнаружится, что если иное не установлено соглашением сторон, могут совершаться устно все сделки, исполняемые при самом их совершении, за исключением сделок, для которых установлена нотариальная форма, и сделок, несоблюдение простой письменной формы которых влечет их недействительность. Сделки во исполнение договора, заключенного в письменной форме, могут по соглашению сторон совершаться устно, если это не противоречит закону, иным правовым актам и договору.

Получается, в силу п. 2 ст. 159 ГК РФ если сделка совершается и тут же исполняется, то письменную форму соблюдать не нужно независимо от суммы. В соответствии с пунктом третьим будет ли требование о возврате и сам возврат сделками во исполнение договора займа? Если следовать строго букве закона, то соблюдение письменной формы при возврате займа не требуется, в расширительное толкование уводит правопорядок от свободы и диспозитивности к излишнему формализму.

И все-таки полагаю, что законодатель преследовал не только цели расширения пределов диспозитивности. Установление письменной формы для сделок, имущественные последствия которых больше десяти тысяч рублей направлены на превентивную защиту от крупных взысканий без надлежащих доказательств. Если сумма сделки превышает десять тысяч рублей, то ее необходимо фиксировать, то есть обеспечивать себя доказательствами на случай спора. А если такой фиксации не было, то в спорных ситуациях не надо приводить в суд свидетелей, которые будут подтверждать незафиксированный факт, потому что «деньги передавались, только забыли записать». В этом усматривается требование к сторонам быть рачительными, добросовестными и осмотрительными, вступая в правоотношения. С другой стороны, отсутствие прямого указания на недействительность при несоблюдении формы и, в общем-то, расширительное толкование требований к форме как заявления востребования, так и к форме возврата, исключает действие принципа свободы формы сделки и смещает акцент материального права на форму, как на инструмент доказывания своей позиции в суде.

Вероятно, что модель устной формы требования о возврате бессрчного займа, если прямо не предусмотрена письменная форма сделки, приводит к необходимости исследования и оценки всех доказательств в случае спора, расширяя судебское усмотрение. И создается ситуация, когда передача денег во исполнение не может подтверждаться свидетельскими показаниями, а обратная передача займа от должника кредитору, может, что вряд ли справедливо.

Обратимся к ст. 162 ГК РФ, которой установлено, что несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства. С точки зрения общих целей правового регулирования, можно предположить, что данная норма направлена защиту публичных интересов и приравнивается к процессуальным положениям о недопустимых доказательствах. Однако, думаю, что устанавливать тождество в данном случае не совсем корректно. Правило ст. 162 ГК РФ – это правило о силе доказательств, а не о способе и порядке их получения, которое установлено для того, чтобы не допускать лжи перед судом. Законодатель прямо говорит, что нельзя приводить свидетелей, чтобы доказать соблюдение письменной формы, которую стороны по каким-то причинам проигнорировали. Кроме того, это правило о запрете ссылаться на свидетельские показания, если сумма сделки превышает десять тысяч рублей, можно рассматривать в качестве защитного эффекта субъективных прав, и как гарантию доверия правопорядку для стороны, оппоненты которой могут привести лжесвидетелей. Сторона в праве заявить о недопустимости использовать свидетельские показания для подтверждения формы сделки, а суд вправе не давать оценку таким показаниям в силу прямого указания закона. Есть, правда, одно но. Пользоваться или нет таким защитным эффектом, решает сторона, которой это право предоставлено. И при отказе от его использования, то есть согласия на допрос свидетелей, суд связан волей стороны, и тогда необходимо будет давать оценку всем представленным доказательствам, в том числе и явно неправдивым. В совокупности с неопределенностью требований к форме заявления о возврате денежных средств по бессрчному договору займа и о форме возврата денег, возможность ссылаться на свидетельские показания может привести к недобросовестному поведению сторон и принятию неправосудных решений.

Кроме того, определение момента востребования денег по договору бессрчного займа напрямую связано с началом течения срока исковой давности. То, что в течение длительного времени существует в реальности без каких-либо изменений, должно приводить к некоему правовому эффекту. Например, приобретательная давность есть не что иное, как и видимость (то, что открыто, явно используется), ставшее

субъективным правом. Однако, время способно также обессиливать некое субъективное материальное право, которое может быть принудительно осуществлено. Это и есть исковая давность. Если право, которое есть у субъекта, на волеизъявление или принудительную защиту в течение определенного времени не используется, то у того, кто претерпевает эффект от этого волеизъявления и принудительной защиты, может сложиться впечатление, что его использование уже не произойдет, а правоотношения между сторонами исчерпали себя за давностью.

Это реализация принципа правовой определенности. Право не должно допускать бесконечной возможности предъявления требований. Поэтому даже бессрочные обязательства должны либо погашаться исковой давностью, либо ограничиваться иными механизмами. На практике это означает: кредитор не может бесконечно откладывать предъявление требования, а должник не должен находиться в состоянии неопределенности десятилетиями. У одного субъекта есть право на защиту, например, требование взыскать долг. У другого субъекта обязанность, которая может быть реализована только через это право, например, вернуть деньги.

Получается, что право само по себе остается, а защитный механизм, то есть возможность принудительной защиты, блокируется законодателем для обеспечения стабильности оборота. Статья 195 ГК РФ определяет исковую давность как срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

В силу ст. 200 ГК РФ по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, срок исковой давности начинается со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется срок для исполнения такого требования, исчисление срока исковой давности начинается по окончании срока, предоставляемого для исполнения такого требования. При этом срок исковой давности во всяком случае не может превышать десять лет со дня возникновения обязательства.

До введения в действие п. 2 ст. 200 ГК РФ в ред. Федерального закона от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ [5] и новых положений об объективном сроке исковой давности по бессрочным обязательствам не было ограничено. Это приводило к эффекту «вечного долга»: пока кредитор не заявит требование, исковая давность не начиналась. Из-за отсутствия требований к форме заявления о возврате займа установить дату начала течения срока исковой давности по бессрочным займам невозможно, если нет письменных доказательств.

Кредиторы по обязательствам, возникшим до 2014 г., и на сегодняшний день могут пытаться утверждать, что срок давности даже не начался, потому что не заявлены требования о возврате.

Но в этом случае у должника есть возможность защищаться не только формально, но и используя принципы гражданского права. Статья

1 ГК РФ закрепляет принцип добросовестности участников гражданских правоотношений. Статья 10 ГК РФ запрещает злоупотребление правом.

Длительное бездействие по востребованию переданных займы денег создает правомерные ожидания у ответчика. Бездействия, как конклюдентные действия, являются волевой формой действия и формируют правовую реальность, на которую опираются другие участники оборота. Из принципа добросовестности следует, что нельзя на длительный срок затягивать решение вопроса о реализации права на востребование и, как следствие, права на защиту. Если стороны не устанавливают срок договора и срок востребования, создается впечатление готовности утратить право на возврат денежных средств с течением времени. В том случае, если правоотношения возникли до введения в действие закона, устанавливающего десятилетний срок, т. е. до 2014 г., при защите своих прав, вытекающих из договора займа, целесообразно использовать комбинацию ст. 1 ГК РФ и ст. 10 ГК РФ и заявлять о пропуске исковой давности в связи с бездействием.

Приведенные выше рассуждения целесообразно дополнить примером судебного акта Верховного Суда РФ.

Суть дела состоит в следующем. В мае 2005 г. между двумя физическими лицами Алексеевой (заимодавцем) и Капурой (заемщиком) заключен договор займа на сумму 4 500 евро с уплатой процентов за пользование заемными средствами в размере 3 % в месяц. Факт передачи денежных средств на указанных условиях подтверждается распиской. При этом срока возврата займа в расписке не указан. В январе 2021 г. Алексеева умерла. В августе 2022 г. ее единственный наследник, направил в адрес заемщика требование о возврате суммы займа и уплате процентов. Поскольку должник отказала в удовлетворении данных требований, указав на отсутствие задолженности, в сентябре 2022 г. наследник займодавца (истец) обратился в суд с иском к заемщику (ответчик) и просил взыскать с последней задолженность в размере 4 500 евро и начисленные с мая 2005 г. проценты в размере более полутора миллионов рублей.

В ходе рассмотрения дела ответчик заявил о пропуске истцом срока исковой давности.

Суд первой инстанции признал заключенный в 2005 г. договор займа бессрочным. Возврат суммы займа по такому договору в силу абз. 2 п. 1 ст. 810 ГК РФ должен быть произведен заемщиком в течение 30 дней со дня предъявления займодавцем соответствующего требования. С учетом этого суд признал, что истец обратился в суд в пределах давностного срока и взыскал с ответчика сумму займа в полном объеме. Относительно процентов суд пришел к выводу, что истец вправе претендовать на их на получение лишь со дня открытия наследства, и взыскал с ответчика проценты за пользование займом, уменьшив их размер на основании правил п. 5 ст. 809 ГК РФ о ростовщических процентах.

Апелляционный суд данное решение отменил, в иске отказал. Сославшись на показания свидетеля, суд констатировал, что заимодавец еще при жизни (в 2005 г.) предъявляла требования к заемщику о возврате суммы займа, а потому иск предъявлен в суд за пределами срока исковой давности.

Кассационный суд согласился с этими выводами.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила акты апелляционного и кассационного судов и направила дело на новое рассмотрение.

Коллегия указала, что согласно абз. 2 п. 2 ст. 200 ГК РФ по обязательствам, срок исполнения которых не определен, давностный срок начинает течь со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется срок для исполнения такого требования, исчисление срока исковой давности начинается по окончании этого срока.

Учитывая, что в расписке от 16.05.2005 г. не указан срок исполнения обязательств по возврату заемных средств, срок их возврата необходимо определять со дня предъявления заимодавцем соответствующего требования. При этом к форме такого требования подлежат применению общие положения о форме сделки. Соответственно, в силу п. 1 ст. 162 ГК РФ предъявление заимодавцем требования заемщику о возврате долга не может быть подтверждено свидетельскими показаниями.

В соответствии с приведенными выше правовыми нормами предъявление заимодавцем требования заемщику о возврате долга не может быть подтверждено свидетельскими показаниями; доказательств направления ответчику такого требования в письменной форме суду не представлено, с учетом даты предъявления требования о возврате долга в надлежащей форме только в августе 2022 г. и последующего направления иска в суд срок исковой давности по заявленным требованиям истцом не пропущен.

В указанном деле высшая судебная инстанция, к сожалению, не дает оценку давности существования обязательства, но делает вывод о необходимости письменного заявления такого требования, при несоблюдении которой наступают последствия в виде невозможности ссылаться на свидетельские показания.

Таким образом, анализируя бессрочный договор займа важно помнить, что отсутствие четких законодательных указаний о форме востребования денежных средств, позволяют делать его устно, однако фиксация волеизъявления на материальных носителях, которые могут достаточно длительное время существовать в объективной действительности, в большей степени одобряется действующим правопорядком, позволяя избежать злоупотребления правом.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г., с изм. от 31.10.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2024 г. № 88-КГ24-4-К8 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016 г.) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ИВАНОВА Мария Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (ул. Желябова, 33, 170100, Тверь, Россия), SPIN-код: 3509-5382, AuthorID: 1185103, e-mail: Ivanova.MS@tversu.ru

On the rights of the spouse and the creditor in the initiation of bankruptcy proceedings

M.S. Ivanova

Tver State University, Tver

The author considers the issue of the form of a refund claim under an indefinite loan agreement and the associated beginning of the limitation period. The object of the research is the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the loan agreement, the form of transactions and the statute of limitations. The purpose of the work is to substantiate the need to use a written application form for the repayment of funds under an indefinite loan agreement. Using general logical methods of theoretical analysis, system analysis, formal legal method and interpretation, the legal nature of the demand for funds under an indefinite loan agreement, as well as approaches to the form of such a demand, are investigated. It is concluded that it is necessary to record the expression of will for the repayment of funds under indefinite loan agreements on any material media in order to exclude abuse of the right, an example from judicial practice is given.

Keywords: *contract, form of transaction, limitation period, principle of good faith, perpetual loan agreement.*

About author:

IVANOVA Maria – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Tver State University (Zhelyabova str., 33, 170100 Tver, Russia), SPIN-code: 3509-5382, AuthorID: 1185103, e-mail: Ivanova.MS@tversu.ru

Иванова М.С. К вопросу об исковой давности и форме требования возврата денежных средств по договору бессрочного займа // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 7–16.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Полномочия органов местного самоуправления в сфере культуры

В.С. Очагова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена правовому регулированию и реализации полномочий органов местного самоуправления в сфере культурных правоотношений. Проанализировано действующее законодательство в отношении полномочий органов местного самоуправления в сфере культуры, в том числе в контексте существующих законодательных изменений. Исследован существующий опыт нескольких муниципалитетов по вопросу вверенных им полномочий. Рассмотрены приоритетные задачи муниципальных органов управления культуры.

Ключевые слова: полномочия, органы местного самоуправления, культура, культурное наследие, перераспределение полномочий, муниципалитет.

Трудно представить более многогранное и всеобъемлющее, а главное дискуссионное понятие, чем культура. Культура вбирает в себя как представления о достижениях и результатах человеческой мысли, труда, так и о постоянно движущемся динамичном процессе развития и постижения окружающей действительности и мира в целом. Но так или иначе категория культуры всегда коррелирует с человеком, его детерминированной ролью в этой цепи общественных связей. Взаимозависимость человека, гражданина и культуры можно проследить и выявить на уровне ежедневных контактов в привычной ему среде повседневной жизни. Как правило, это проявление находит отражение именно на муниципальном уровне, в том муниципалитете, где гражданин проводит большую часть своего времени. Поэтому представляется необходимым уяснить, какие правовые возможности муниципальные власти имеют на сегодняшний день в области культуры и как именно они их реализуют.

Основополагающие термины данной сферы, к которым стоит обратиться, могут выступить вспомогательным инструментарием в рамках рассматриваемой тематики. Культурная политика – это направление политики государства, связанное с планированием, проектированием, реализацией и обеспечением культурной жизни государства и общества [10]. Представляется, что культурная политика в последние годы также включает активное вовлечение населения в сферу культуры посредством различных программ, льготных преимуществ определенным группам граждан и т. д. Закон РФ от 09.10.1992 г. № 3612-І «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [5]

определяет суть термина «культурное наследие». В частности, речь идет о правовых положениях ст. 3. В определении подчеркиваются особенности материальных и духовных ценностей. Касается это и основных памятников историко-культурного типа. Категория культурных благ представлена широким пакетом услуг, которые востребованы среди юридических и физических лиц. Комплекс мер направлен на полное удовлетворение гражданами страны своих культурных потребностей [5]. На наш взгляд, понятие культурных благ имеет сходные черты с понятием культурных ценностей. Представляется достаточно спорным утверждение, что культурные блага – это непременно услуги. Культурные блага сродни культурным ценностям, которые можно использовать с различными целями. Культурная деятельность представляет собой специализированные меры, которые направлены на сохранение и распространение среди населения широкого спектра ценностей [5]. Стоит отметить, что определение дано в обобщенном виде, что может вызывать недостаточное понимание у граждан о ее практических аспектах. Так, оно применимо к отдельному лицу и группе лиц, к различным уровням власти.

Как отмечает Г.Д. Садовникова, закрепление местного самоуправления в качестве основы конституционного строя свидетельствует о приверженности нашей страны демократическим ценностям правового государства и гражданского общества [13]. Имеющаяся законодательная норма о том, что местное самоуправление не входит в систему органов государственной власти, означает фактическое организационное обособление разных уровней осуществления публичной власти. Нельзя не согласиться с вышеизложенной позицией и не добавить, что действительно закрепление данного положения в главе первой «Основы конституционного строя» раздела первого Конституции Российской Федерации [1] свидетельствует о незыблемости и важной роли местного самоуправления.

С принятием Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] (далее – Федеральный закон № 131) была сформирована система самоуправления на местах (муниципальные районы и поселения), состоящая из двух уровней, при этом данные уровни функционировали автономно не только друг от друга, но и от государственной власти, имея строгие разграничения полномочий и предметов ведения. Рассчитывалось, что подобные мероприятия в рамках реформы будут лежать в основе эффективной самоуправляющейся системы публичной власти низового уровня.

Можно предположить, все реформы 2003–2008 гг. в муниципалитетах России имели одну общую направленность и соответствовали этим задачам. Все мероприятия, проводимые в тот

период в рамках данной реформы, подразумевали, что в дальнейшем муниципальные образования в своем управлении отойдут от моноцентрической модели власти, традиционной для нашего государства, и организационное единство власти и приоритет государственного над региональным постепенно сойдут на нет.

В Федеральном законе № 131 закреплена возможность по созданию условий для организации досуга. Например, к вопросам местного значения поселений и городских округов относится создание условий для организации досуга и массового отдыха жителей, обустройство мест массового отдыха. Практика показывает, что содержание вышеприведенных объектов ложится непосредственно на муниципальные органы культуры. Профильные организации должны организовывать и проводить различного рода массовые мероприятия. Речь идет о праздниках, тематических фестивалях и различных мероприятиях с высоким уровнем зрелищности.

Специалисты сходятся во мнении, что сфера культуры и досуга уже давно не ограничивается традиционной клубной практикой. Оценка текущего состояния системы проводится через призму развития интеграционных процессов и барьеров межведомственного типа. Также это касается активизации работы профильных фондов, ассоциаций и ряда объединений. На сегодняшний день широкой популярностью пользуются любительские движения, салонные формы общения.

При грамотной и качественной организации массовой культуры и досуга можно получать стабильный доход. В качестве наглядного примера можно привести концерты популярных артистов. Данного рода мероприятия также позволяют существенно пополнить местные бюджеты. Именно по этой причине местные органы власти должны прикладывать существенные усилия для организации качественной деятельности культурно-досугового типа.

Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2] (далее – Федеральный закон № 33), вступающий в силу с 19.06.2025 г., за исключением некоторых статей, которые вступят в силу с 01.01.2027 г., иначе определяет круг правовых возможностей, которые предоставлены муниципалитетам в сфере культурных правоотношений. В связи с законодательными изменениями теперь множественные полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, в том числе в сфере культуры, могут быть перераспределены законом субъекта Российской Федерации для осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации. Безусловно, это свидетельствует о возможном меньшем участии в будущем органов местного самоуправления в культурной жизни муниципального образования.

Еще одним проблемным моментом является отсутствие четких критериев, позволяющих разграничивать полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления. Следствием этого является замедление темпов решения социальных проблем, усложнение решения собственных задач местного самоуправления. По причине недостаточной проработанности процедур обеспечения ответственности и контроля деятельности органов местного самоуправления возникает ситуация безответственности. Существующие законы в итоге не предполагают создание эффективной системы и мер ответственности, а также правовых механизмов и процедур реализации предусмотренных мер [14]. С принятием Федерального закона № 33 данная проблемная ситуация также не изменится, но может только усложниться. Это представляется возможным, поскольку закрепляемый «люфт» в ч. 2 ст. 32 будет порождать ситуацию постоянного перераспределения полномочий между региональными и муниципальными властями.

В научной литературе вопросы об участии муниципальных образований в сфере ведения культурной политики не были освещены полностью. Многие аналитики ограничиваются приведением основных характеристик деятельности органов местного самоуправления в изучаемом направлении (например, труды В.Б. Зотова [9], В.Н. Парахина [12], А.Л. Гуторова [11] и пр.)

К приоритетным задачам муниципальных органов управления культуры относят следующие: 1) предоставление свободного культурного обслуживания граждан, учитывая их культурные интересы и социально-возрастные потребности; 2) содействие разработке адаптивной культурной среды для воспитания молодого поколения и выработки ценностных установок; 3) сбережение и совершенствование культурного потенциала муниципалитетов, применение особых мер защиты культуры; 4) благоприятное содействие развитию культурно-творческой деятельности; 5) доступность культурных и исторических объектов; 6) слежение за выполнением работы подведомственных структур; 7) сбережение культурно-исторического наследия. Представляется, что эти задачи нельзя назвать первоочередными и, на наш взгляд, они формируются под влиянием региональных и федеральных норм. К сожалению, и в сфере культурных правоотношений наблюдается повсеместное перераспределение полномочий, а точнее их переход от местной власти к региональной власти, что все больше ограничивает возможности местного самоуправления как института власти [8, с. 176].

Так, Администрация города Тулы осуществляет в сфере культуры следующие функции: предоставление информации о проведении вечеров, встреч, отчетных и тематических концертов, работе ансамблей, студий, кружков муниципальных культурно-досуговых учреждений города; согласование проведения культурно-массовых, молодежных и

спортивных мероприятий; запись на интерактивные и обзорные экскурсионные программы; информирование о проведении выставок, ярмарок, музейных занятий; доступ к справочным материалам и поисковым базам библиотек муниципальных образований.

В городах-мегаполисах, таких как Санкт-Петербург и Москва, полномочия органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований в сфере культуры регламентируются несколькими законодательными актами. Один из них называется Закон г. Москва «Об организации местного самоуправления в г. Москве» от 06.11.2002 г. № 56 [7] (далее – Закон № 56). В этом законе Москвы отражены вопросы местного значения (статья восьмая), которые относятся и к культуре. Также это Закон г. Санкт-Петербурга «Об организации местного самоуправления в г. Санкт-Петербург» от 23.09.2009 г. № 420-79 [6] (далее – Закон № 420-79). В третьей главе данного закона описаны вопросы местного значения, в том числе уделяется внимание сфере культуры. Стоит отметить, что вопросы местного значения в данных нормативных актах представляют широкий перечень и в целом схожи между собой, хотя имеются и некоторые отличия в этих актах. Так, Закон № 56 разделяет вопросы местного значения в зависимости от вида муниципального образования, что делает также Федеральный закон № 131. Закон № 420-79 закрепляет те или иные вопросы местного значения за конкретными муниципальными образованиями, перечисляя их.

На муниципальном уровне власти важным аспектом в наращивании культурного потенциала стали мероприятия по усовершенствованию библиотечного дела. Именно библиотеки относятся к уникальному социальному институту, который гарантирует сбережение и развитие информационного и культурного кода.

Библиотеки – это своеобразные подразделения муниципальной библиотечной сети. Например, в Твери библиотечная сеть ежегодно претерпевает изменения. В 2023 г. в ней насчитывалось около 50 000 пользователей, которые (по предварительным подсчетам) ежегодно пользуются 1,5 млн документов. Книжный фонд насчитывает до 669 000 единиц. В библиотечной отрасли постепенно внедряются и digital-технологии. В последнее время отмечена стабильная тенденция роста посещения библиотек, в частности, через официальный web-портал и сеть Internet. Цифровая революция коснулась многих сфер, и библиотечное дело не осталось в стороне. Новейшие технологии способствуют изменению форм библиотечной деятельности, а также поднимают вопросы о расширении библиотечного и информационного пространства. Имеют место и тенденции пересмотра функции библиотек.

В Твери задача сбережения и совершенствования культурных традиций возложена на культурно-досуговые учреждения, которые

реализуются посредством осуществления массовых мероприятий и передачи традиционных форм искусства, сохранения истории и поддержки художественного творчества. Для решения вышеуказанной задачи был сделан упор на решение проблем модернизации фонда музыкальных народных инструментов, износ которого составляет выше 60 %. Для того чтобы решить эту проблему, одновременно с финансированием из городского и областного бюджетов внедряются программы субсидирования на обновление музыкальных народных инструментов для городских школ искусств.

В свою очередь органы местного самоуправления имеют право:

- на установление льгот, касающихся налогов, сборов и выплат в местные бюджеты учреждениям физкультурно-спортивной направленности, а также в отношении спортивных сооружений (независимо от формы собственности), которые осуществляют деятельность, направленную на внедрение в массы спорта и физической культуры, оздоровление населения;

- освобождение учреждений от необходимости уплачивать ту часть налога, которая используется для того чтобы создавать, содержать спортивные конструкции, проводить спортивные мероприятия для населения;

- введение дополнительного компенсирования и гарантий средствами из местного бюджета в отношении спортсменов, тренеров и остальных лиц, занимающихся организацией мероприятий физкультурно-спортивной направленности, а также призеров, отличившихся на соревнованиях городского или районного масштаба, их тренеров.

Практика показывает, что большая часть культурного наследия народов на территории Российской Федерации хранится в музеях, архивах и библиотеках. Также это касается и картинных галерей. Отдельного внимания заслуживает процесс приватизации культурных объектов. Особенности и порядок реализации данной процедуры четко регламентированы действующим законодательством страны. Основанием для ее проведения является гарантия сохранения базового вида деятельности объекта. Данный принцип распространяется и на порядок предоставления профильных услуг, включая обслуживание «льготного населения».

Местные органы власти должны одинаково признавать достоинства всех культур. Также это касается прав и свобод народов. Данный принцип распространяется на все этнические общности и религиозные конфессии. Нормативная правовая база закрепляет за субъектами страны полномочия по комплексной поддержке художественных промыслов. Также это касается и местных национально-культурных автономий. Практика показывает, что местные органы власти имеют право передать активы муниципалитета в пользование непосредственно национальным

культурным автономиям. Особенности и порядок реализации данного процесса четко регламентированы правовыми положениями ст. 18 Федерального закона «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ [4].

Как отдельную форму реализации полномочий муниципальным уровнем власти можно рассмотреть создание национально-культурной независимости. В соответствии со ст. 5 вышеуказанного нормативного акта национально-культурная автономия разделяется на федеральную, региональную и местную.

Современное российское государство стоит на страже всех прав этнических сообществ, проживающих в различных городских локациях и не претендующих на национально-культурную независимость. Современный законодатель рассматривает такую форму независимости как форму национально-культурного самоопределения, являющую собой общественно-культурное объединение российских граждан, причисляющих себя к отдельной этнической группе в рамках добровольной самоорганизации и для независимого решения возникающих вопросов по сбережению и развитию языка, национальной культуры, традиций и истории.

Местные национально-культурные автономные объединения формируются на сходе граждан, причисляющих себя к отдельной этнической группе и проживающих в рамках отдельного муниципалитета. Правомочия отдельно взятой культурной местной автономии регулируются Федеральным законом от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Национально-культурная автономия, в соответствии с этим документом, пользуется разными правами. Речь идет о возможности обращаться к представителям муниципальных властей, отстаивая культурные и этнические интересы, рассчитывать на поддержку органов местного самоуправления и их представителей, вносить в соответствующие местные ведомства предложения о сбережении и развитии культурных ценностей и т. д.

Органы местного самоуправления самостоятельно решают финансовые вопросы для отдельно взятых национально-культурных автономий в рамках предоставленных полномочий. Так, в Лихославле 20 % населения города составляют тверские карелы. В 1997 г. благодаря содействию местных властей была образована Тверская национально-культурная автономия. Карельский язык изучают в школах, издается газета, а также еще с 30-х гг. XX в. существует Карельский национальный краеведческий музей. Также существуют петербургская автономия финнов-инкери, автономия поморов Архангельской области, Чувашская автономия в Красноярске и др.

Карельский национальный краеведческий музей объединяет вокруг себя множество туристов. Помимо выставочной деятельности музей осуществляет работу по просвещению и воспитанию молодежи,

организуя различные мероприятия, тренинги, лекции и встречи с писателями, ветеранами, краеведами и учеными. Также нельзя не сказать о фестивале карельского пирога «Калитка», который проводится в историческом месте проживания современных карел – в селе Толмачи Лихославльского района Тверской области. Миссия фестиваля заключается в развитии самобытного карельского этноса и пропаганде национально-культурной уникальности Лихославльского района. Одной из главных задач фестиваля является укрепление и развитие культурных связей между творческими коллективами Лихославльского района, других регионов Российской Федерации и зарубежья.

Таким образом, органы местного самоуправления в социально-культурной сфере накапливают положительный опыт работы в качестве самостоятельного уровня управления. Рассматриваемая сфера правоотношений на муниципальном уровне власти имеет потребность в развитии и совершенствовании. Но в отношении положительной динамики муниципальных правоотношений в сфере культуры и упорядочения имеющегося опыта в дальнейшем существуют серьезные беспокойства в преддверии вступающего в силу Федерального закона № 33, кардинально меняющего всю систему муниципальной власти и потенциально ограничивающего органы местного самоуправления относительно имеющихся полномочий.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
4. Федеральный закон от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2965.
5. Закон РФ от 09.10.1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // РГ. 1992. № 248.
6. Закон г. Санкт-Петербурга от 23.09.2009 г. № 420-79 «Об организации местного самоуправления в г. Санкт-Петербург» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Закон г. Москва от 06.11.2002 г. № 56 «Об организации местного самоуправления в г. Москве» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Гуторова А.Л. Система муниципального управления. М.: Изд-во ГУУ, 2010. 356 с.
9. Зотов В.Б. Муниципальное управление: Учебник. М.: Юрайт, 2012. 512 с.

10. Лавринова Н.Н. Культурная политика. 2010 [Электронный ресурс]. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-politika/viewer> (дата обращения: 14.06.2025).

11. Музычук В. Культурный мандат местного самоуправления: бег на месте // Федерализм. 2020. № 4. С. 90–106.

12. Парахина В.Н., Галеев Е.В., Панькова Л. Н. Муниципальное управление: учебное пособие. М.: КноРус, 2018. 493 с.

13. Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 10-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2016 // СПС «Гарант».

14. Собянин С.С. Местное самоуправление в Российской Федерации: состояние и перспективы развития. [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/09/17/1265236741/007_Собянин_Местное%20самоуправление%20в%20Рос.ии%20и%20перспективы%20развития_2447.pdf#:~:text=На%20уровне%20органов%20местного%20самоуправления,коррупции%20в%20муниципальном%20звене%20управления (дата обращения: 24.05.2024).

Об авторе:

ОЧАГОВА Валерия Станиславовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6686-2358, AuthorID: 1290298, e-mail: Ochagova.VS@tversu.ru

Powers of local self-government bodies in the field of culture

V.S. Ochagova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the legal regulation and implementation of the powers of local governments in the field of cultural relations. The current legislation regarding the powers of local governments in the field of culture is analyzed, including in the context of existing legislative changes. The existing experience of several municipalities on the issue of the powers entrusted to them is investigated. The priority tasks of the municipal cultural management bodies are considered.

Keywords: *powers, local governments, culture, cultural heritage, redistribution of powers, municipality.*

About author:

OCHAGOVA Valeria – PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law, Tver State University, (Zhelyabova str., 33, Tver, 170100), SPIN-code: 6686-2358, AuthorID: 1290298,; e-mail: Ochagova.VS@tversu.ru

Очагова В.С. Полномочия органов местного самоуправления в сфере культуры // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 17–25.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Об укреплении фундамента (основных начал) семейного закона¹

Н.Н. Тарусина, О.И. Сочнева

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

В связи с юбилеем Семейного кодекса Российской Федерации, конституционными поправками, ориентирующими законодателя и правоприменителя на соответствие и общих начал данного федерального закона, и его конкретных предписаний семейным ценностям, а также правилам современной законодательной техники, в доктрине и законопроектной работе актуализируются задачи по его необходимой корректировке – дефинированию ключевых понятий (прежде всего – семьи, члена семьи, брака и др.), фиксации форм и способов защиты субъективных семейных прав и интересов, отличных от заявленных в гражданском законодательстве, конструкций семейной дееспособности (не совпадающей по возрастным критериям и содержанию с гражданским аналогом) и обязанностей ребенка перед родителями (лицами, их замещающими).

Ключевые слова: семейный закон, общие начала, дееспособность, понятийный аппарат, формы и способы защиты семейных прав, принципы взаимоотношений родителей и детей.

Вхождение Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2] в 30-летний юбилей, наряду с поздравлениями об успехах в деле правового регулирования семейных отношений, предполагает и активизацию размышлений о его совершенствовании. Именно активизацию, т. к. цивилистическая доктрина, разумеется, в течение всего означенного периода отнюдь не отличалась молчаливым согласием с фактурой Кодекса, а законодатель не отказывался от его корректировки. При этом, как известно, юридическая среда обитания семейных отношений формируется из нескольких стратегически значимых компонентов, среди которых «первую скрипку» представляют начала семейного законодательства, а вторую – юридические факты личного характера, которые доминируют над имущественными компонентами и определяют их содержание (или должны определять) как в означенных началах (общих положениях), так и в семейно-правовых институтах. Однако именно эти доминанты являются объектом «яблочного раздора» между представителями доктрины и законодателями: последние склонны к регулировке в основном

¹ Финансирование: ЯрГУ, VIP-015.

«имущественной материи» (причем нередко в угоду интересам гражданского оборота), в то время как представители науки семейного права видят немало пробелов и ошибок в семейно-правовом регулировании «материи» неимущественной природы и характера.

Объем предлагаемого текста не позволяет остановиться на «расшифровке» данной констатации подробно, но все же дает возможность этюдно продемонстрировать «картину» лично-правового бытия действующего семейного закона. Так, совершенно очевидно, что его начала («Общие положения») не отвечают ни современным требованиям законодательной техники, ни развивающемуся институциональному канону, подающему соответствующие сигналы. Во-первых, федеральный закон, конечно же, должен содержать информацию о понятийном аппарате, дефиниции ключевых понятий¹. Попытки их спроектировать и законодателями, и доктринерами предпринимаются, но пока не завершаются надлежащим образом. Впрочем, и перечень дефиниций, и их существенные признаки не имеют единого подхода. Ярким образцом подобного рода является многострадальная дефиниция понятия семьи: последнее либо объявляется вообще не способным к дефинированию, либо в него не включаются признаки, отличающие семью от смежных явлений и категорий. Например, отрицание такого признака, как совместное проживание, ведет к размыванию данного понятия, отождествлению его с другими вариациями семейных отношений. Нами в других работах предложено понимать под семьей (в ее нормативно-правовом аспекте) общность (союз) граждан, объединенных супружеством, родством, свойством, иждивением, проживающих совместно, ведущих общее домашнее хозяйство, проявляющих взаимную заботу друг о друге [19, 20]. Соответственно, должно быть оговорено, что член семьи сохраняет данный статус при временном проживании отдельно от семейного союза по уважительным причинам (забота о престарелых родителях, больных родственниках и других лицах, о малолетних родственниках/свойственниках; длительная командировка; обучение по образовательным программам, характер работы и т. п.). Следует зафиксировать и типы семьи: многодетная (с тремя и более детьми), неполная (при отсутствии одного из родителей или лица, его замещающего). И определение семьи, и закрепление ее основных вариаций необходимо, на наш взгляд, для правильного толкования и последующего применения не только семейно-правовых предписаний, но и норм социального и иного законодательства (недаром в регионах

¹ И не только он: этому требованию в настоящее время отвечает даже большинство не только региональных, но и локальных актов, что убедительно подтверждает, например, анализ локальных нормативных актов ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

предпринимаются попытки самостоятельно определить обсуждаемое понятие в целом или же его отдельные признаки¹).

Вторым, не менее ярким, образцом является, конечно, дефиниция брака. Мы неоднократно обращали внимание на удивительный факт: в учебниках по семейному праву определение предлагается и его версии не имеют принципиальных отличий, кроме чисто филологических (наша версия: брак есть юридически оформленный союз мужчины и женщины, заключенный с целью создания и поддержания семейных отношений и порождающий права и обязанности супругов), а в научных трудах превалирует позиция о невозможности и ненужности такого определения в законе ввиду социальной сложности явления. Однако конституционная поправка 2020 года (п. «ж»¹ ст. 72) зафиксировала один из ключевых признаков брака и создала, на наш взгляд, предпосылку для завершения работы по определению супружеского союза².

Что касается необходимого перечня понятий, то в него следует включить не менее двадцати позиций: определения понятия о семье и ее основных типах; браке; членах семьи; родственниках, близких родственниках, свойственниках; ребенке (квазидефиниция в норме ст. 54 СК РФ далеко не точна); матери (например: мать – женщина, родившая ребенка и связанная с ним кровным родством, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным законодательством (материнство при применении вспомогательных репродуктивных технологий), материнство которой зарегистрировано в установленном законом порядке) и отце (мужчина, связанный с ребенком родством первой степени, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным законодательством, отцовство которого зарегистрировано в установленном законом порядке); суррогатной матери; детях, оставшихся без попечения родителей; законных представителях ребенка; интересах ребенка (как потребностях, необходимых для его физического, психического, интеллектуального и нравственного развития [6]); опеки над детьми, усыновлении/удочерении, приемной семье; фактических воспитателях (наша версия: лица, принявшие на себя заботу о ребенке (фактическую опеку) без соответствующего юридического оформления); организациях для детей, оставшихся без попечения родителей; алиментах; фиктивных актах в семейно-правовой сфере – фиктивном браке, расторжении брака, разделе имущества, брачном договоре, родительстве, усыновлении/удочерении, опеке, соглашении об

¹ Например, в законе Кабардино-Балкарской республики (ст. 9): «Семья является коллективным хозяйствующим субъектом и обеспечивает собственную экономическую самостоятельность за счет совместного труда ее членов и иных источников дохода» [3].

² Поскольку до 2020 г. подобная фиксация отсутствовала, приходилось ссылаться на толкование нормы п. 1 ст. 12 СК РФ (о взаимном согласии мужчины и женщины), а для признания браков с иностранным элементом или заключенных за рубежом – на российский публичный правопорядок (ст. 167 СК РФ).

алиментах и др. (наша версия: акт с использованием предусмотренной семейным законодательством правовой конструкции с корыстной или иной целью, не соответствующей ее назначению и сущности (без цели создания семьи, заботы о ребенке, предоставления необходимого содержания и т. п. [21])¹.

Полагаем также необходимым, с учетом законопроекта П.В. Крашенинникова и др. о защите прав и интересов вдов участников СВО, состоявших в фактическом семейном союзе [9], скорректировать п. 2 ст. 1 СК РФ: «...незарегистрированный семейный союз мужчины и женщины (фактический брак) порождает правовые последствия в случаях, предусмотренных федеральным законодательством». При этом мы не солидарны с проектировщиками [4]² в части локализации такового признания исключительно в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], т. к. супружество (с любыми узаконенными его вариациями) – объект семейно-правового регулирования. Впрочем, вполне допускаем и расширение сферы такого признания, в том числе прижизненного, несмотря на жесткое противостояние по данному вопросу в цивилистике (даже и между авторами статьи [20, 15]).

В доктрине давно и вполне успешно разрабатывается конструкция семейно-правового договора – с его специфическими целями и содержанием [12, 13]. Безусловно поддерживая данную тенденцию, считаем целесообразным зафиксировать ее в семейном законе и конкретизировать соответствующий «ассортимент»: «В семейно-правовой сфере могут заключаться соглашения о браке, месте проживания ребенка при раздельном проживании родителей (лиц, их замещающих на законных основаниях), порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя, другого близкого родственника/свойственника, лица, замещающего родителей на законных основаниях, предоставлении материального содержания (алиментов) лицам, указанным в разделе V настоящего Кодекса, разделе общесупружеского имущества; брачный договор, договоры о суррогатном материнстве, опеке, приемной семье; непоименованные в настоящем Кодексе договоры, если они не противоречат его основным положениям (началам), а также цели, сущности и специальным условиям соответствующего семейно-правового института»³.

¹ Как видно из текста, мы не предлагаем формулировки всех дефиниций, а останавливаемся лишь на тех, которые трактуются в доктрине (или фиксируются в законопроектах) неоднозначно либо ошибочно.

² Комментарий данной правовой позиции предложен одним из авторов законопроекта в журнале «Семейное и жилищное право» за 2024 г. [9].

³ Относительно конструкции непоименованных договоров в доктрине согласия нет. Мы же полагаем, что подобная цивилистическая возможность не имеет противопоказаний для семейно-правовой сферы, позволяет следовать за развивающимися и

Не отвечают не только современным требованиям, но даже и классической технологии цивилистического законодательства нормы ст. 8 СК РФ о формах и способах защиты семейных прав. Видимо, законодатель, опираясь на закрепленные им же возможности правила ст. 4 СК РФ о субсидиарном применении к семейным отношениям гражданского закона, счел достаточным обращение к положениям ст. 12 ГК РФ. Между тем очевидно, что «защитные конструкции» субъективных семейных прав и интересов отличаются от тех, что предлагает материнская отрасль: немало специфики в судебной форме разрешения споров о семейном праве и установлении фактов, имеющих семейно-правовое значение (прежде всего – в смысле ключевых ориентиров – приоритета интересов ребенка, обеспечения интересов «слабой стороны» брачного союза и др., но также и в плане весьма нестандартных изъятий из общих правил гражданско-процессуального закона – вплоть до противоречия его нормам¹, ограниченном действии конструкции судебного мирового соглашения [22] и др.), отличается существенной спецификой признание актов недействительными (значительное ограничение действия классических последствий в образе двусторонней реституции, в том числе относительно недействительного брака, фиктивных семейно-правовых актов [11]), особое значение принадлежит деятельности органов опеки и попечительства и функционалу прокурора как участника процесса по семейным делам и т. д. Нуждается, на наш взгляд, в переосмыслении медиативная форма разрешения семейно-правовых конфликтов [14] (мы являемся сторонниками развития примирительных процедур при судах общей юрисдикции – в противовес медиации, чуждой российской традиции, по крайней мере в ее существующей версии). Необходима корректировка правила об исковой давности (ст. 9 СК РФ), в частности, по делам о разделе общесупружеского имущества – действующее классическое правило давно критикуется в доктрине (с предложением переноса

индивидуально предельно разнообразными вариациями семейных отношений, - разумеется, при обязательном условии соответствия «договорной фантазии» целям и принципам семейного закона.

¹ «Бестселлером» среди подобных примеров являются нормы ст. 24 СК РФ, которые в части процессуальной активности суда (его права самостоятельно, без требования сторон, разрешить вопросы о месте проживания ребенка и алиментах на него) «выключают» действие принципа диспозитивности и не соответствуют норме ст. 4 ГПК РФ. Напротив, правило ч. 2 п. 2 ст. 22 СК РФ, несмотря на целеполагание бракоразводной процедуры на сохранение брака с детьми, превозносит означенный принцип, категорически не разрешая суду отказать в удовлетворении иска, если одна из сторон после применения пассивной примирительной процедуры (отложения дела слушанием на срок до трех месяцев) настаивает на расторжении брака. В связи с этим вполне понятна позиция тех семейноведов, которые не видят смысла в судебном порядке расторжения брака при наличии на то взаимного согласия сторон (в том числе в связи с отказом суду принять решение по своему мотивированному усмотрению) [8].

акцента на момент прекращения брака, что сделает раздельное имущественное бытие бывших супругов более понятным и предсказуемым).

В продолжение темы об ограниченности возможностей субсидиарного применения ГК РФ к семейным отношениям следует особо подчеркнуть необходимость общего правила о семейной дееспособности различных субъектов семейного права – от взрослых до детей. Так, например, совершенно очевидно, что последние, в зависимости от возраста, обладают тем или иным ее объемом. И эти возрастные градации не совпадают с гражданско-правовым видением проблемы: до 10 лет мнение ребенка учитывается (в разумных пределах) при решении вопросов, затрагивающих его семейно-правовой статус, с 10 лет это происходит в обязательном порядке (кроме случаев, если это с очевидностью противоречит его интересам), конструкция согласия десятилетнего ребенка на совершение ряда актов (ст. 57 СК РФ) [7] и вовсе отдаляет семейно-правовые смыслы от гражданско-правовых [17]... Кроме того, наблюдаются нестыковки в реализации дееспособных начал несовершеннолетнего между СК РФ и ГК РФ, а также и внутри СК РФ [16]. Так, например, из «намека» правила п. 2 ст. 20 ГК РФ несовершеннолетний с 14 лет вправе принимать решение о месте своего жительства, а в СК РФ подобный «намека» отсутствует, в том числе при конструировании норм о разрешении спора между родителями о месте проживания ребенка (ст. 24 СК РФ) и его статусе в целом (гл. 11 СК РФ). Норма п. 3 ст. 62 СК РФ утверждает самостоятельную возможность с указанного возраста отыскивать собственное (внебрачное) отцовство, а в предписании ст. 49 СК РФ иск об установлении отцовства можно предъявить лишь с восемнадцати лет. В той же норме п. 3 ст. 62 СК РФ имеется, на наш взгляд, загадочная формулировка о праве несовершеннолетних признавать и оспаривать свое родительство «на общих основаниях». А каких? Без ограничения возраста, с 14 лет, 16 лет?.. Нет полной ясности и об объеме дееспособности некоторых взрослых лиц, в частности, ограниченных в таковой: они не вправе быть усыновителями, опекунами, опосредованным образом (хотелось бы явным, конкретным) предусмотрены вариации относительно их родительского статуса (ст. 73 СК РФ), однако правило о реализации некоторых имущественных семейных прав (например, на заключение брачного договора) отсутствует, трактовка общих положений ГК РФ на данный счет разноречива (высказывается соображение о наличии подобного права – ввиду отсутствия прямого запрета в СК РФ, да и при определении аналогичной возможности несовершеннолетних лиц (до заключения брака) приходится прибегать к систематическому толкованию гражданского закона: обсуждаемое право появляется при двух условиях – разрешения на конкретный брачный союз и эмансипации [10].

Полагаем также необходимым закрепить в общих началах семейного закона принципы взаимоотношений родителей (лиц, их замещающих) и детей, в частности, положение об обязанности детей уважать своих законных воспитателей, подчиняться их решениям и праве обращаться за помощью к третьим (компетентным) лицам в случае неправомерности таковых решений (требований), а с 14 лет – самостоятельно в суд (означенные ранее элементы дееспособности несовершеннолетних позволяют это сделать). Соответственно, в этом случае гл. 11 СК РФ будет нуждаться в переименовании, а ее нормы – в конкретизации означенного принципа [18]. Впрочем, следует заметить, что сторонники данной позиции, к сожалению, по-прежнему не составляют большинства [5, с. 63–71].

Предложенные вариации корректировки основных начал СК РФ не исчерпывают всей проблематики, однако демонстрируют явную потребность в их разумном переосмыслении.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ. Часть 4 (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Закон Кабардино-Балкарской республики от 17.08.1996 г. № 21-РЗ «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства» (с изм. и доп.) // Кабардино-Балкарская правда. 1996. № 157. 21 августа.
4. Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о фактических брачных отношениях) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 29.12.2024).
5. Детское право / отв. ред. Н.Н. Тарусина. М.: Проспект, 2024. 616 с.
6. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 192 с.
7. Ильина О.Ю. Мнение и согласие ребенка при рассмотрении споров о его воспитании: формы выражения и правовые последствия // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации: Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования Российской Федерации О.Ю. Ильиной. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. С. 485–489.
8. Ильина О.Ю. Особенности рассмотрения судами дел о расторжении брака по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 34–41.
9. Крашенинников П.В., Демкина А.В. Перспективы правового регулирования незарегистрированного в установленном порядке брачного отношения в законодательстве Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2024. № 6. С. 15–18.
10. Максимович Л.Б. Брачный договор в российском праве. М., 2003. 143 с.

11. Микрюков В.А. Пределы аналогии в установлении правовых последствий фиктивного развода // *Lex Russica (Русский закон)*. 2024. Т. 77. № 6. С. 45–56.
12. Низамиева О.Н. Система договора семейно-правовой сферы // *Семейное и жилищное право*. 2024. № 6. С. 19–22.
13. Низамиева О.Н. Система договоров семейно-правовой сферы (начало) // *Семейное и жилищное право*. 2024. № 5. С. 10–13.
14. Сочнева О.И. О применении медиации к спорам, возникающих при раздельном проживании родителей с ребенком // *Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации: Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования Российской Федерации О.Ю. Ильиной*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. С. 255–261.
15. Сочнева О.И. Фактический брак: юридическое забвение или право выбора // *Демидовский юридический журнал*. 2023. Т. 13. № 3. С. 394–405.
16. Тарусина Н.Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // *Lex Russica (Русский закон)*. 2022. Т. 75. № 10 (191). С. 17–32.
17. Тарусина Н.Н. Об актуальных вариациях конструкции согласия в семейно-правовой сфере // *Семейное и жилищное право*. 2024. № 5. С. 18–21.
18. Тарусина Н.Н. Ребенок как субъект семейного права: от пассивного до пассионарного восприятия возможного и должного // *Демидовский юридический журнал*. 2024. Т. 14, № 2. С. 158–171.
19. Тарусина Н.Н. Семья как общеправовая конструкция // *Lex Russica (Русский закон)*. 2020. Т. 73, № 4 (161). С. 21–33.
20. Тарусина Н.Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // *Демидовский юридический журнал*. 2023. Т. 13, № 3. С. 364–381.
21. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2015. № 6. С. 78–84.
22. Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // *Lex Russica*. 2019. № 5 (150). С. 40–48.

Об авторах:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», заслуженный юрист РФ, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: tant@uniyar.ac.ru

СОЧНЕВА Ольга Игоревна – старший преподаватель кафедры социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», SPIN-код: 2913-8840, AuthorID: 644867, e-mail: o.sochneva@uniyar.ac.ru

On strengthening the foundation (basic principles) of the family law

N.N. Tarusina, O.I. Sochneva

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

In connection with the anniversary of the Family Code of the Russian Federation, constitutional amendments that orient the legislator and law enforcement officer to the compliance of both the general principles of this federal law and its specific prescriptions with family values, as well as the rules of modern legislative technology, the tasks of its necessary adjustment are being updated in doctrine and legislative work – defining key concepts (primarily – family, family member, marriage, and others), fixing the forms and methods of protecting subjective family rights and interests other than those stated in civil law, constructions of family capacity (which do not coincide in age criteria and content with their civil counterpart) and the child's responsibilities to parents (persons acting in their place).

Keywords: *family law, general principles, legal capacity, conceptual framework, forms and methods of protecting family rights, principles of parent-child relations.*

About author:

TARUSINA Nadezhda – PhD in Law, Professor, Head of the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Honored Lawyer of the RF, SPIN-code: 5565-5523, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

SOCHNEVA Olga – Senior Lecturer at the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, SPIN-code: 2913-8840, AuthorID: 644867, e-mail: o.sochneva@uniyar.ac.ru

Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Об укреплении фундамента (основных начал) семейного закона // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 26–34.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 342.9:352.075

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.3.035

Требования, предъявляемые к муниципальным правовым актам в современных условиях

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Органы местного самоуправления признаны Конституцией РФ элементом единой системы публичной власти. Осуществление публичной власти данными органами предусматривает их возможность разрабатывать и принимать муниципальные правовые акты, которые, как и любые правовые акты, должны соответствовать определенным требованиям, которые к ним предъявляются. Однако муниципальные правовые акты обладают рядом специальных признаков, которые нельзя не учитывать при разработке и принятии таких актов. Особое значение вопрос о требованиях, предъявляемых к муниципальным актам, имеет в условиях изменяющегося законодательства о местном самоуправлении. Были изменены требования, предъявляемые к порядку обнародования муниципальных правовых актов. Кроме того, в Государственной Думе РФ находится на обсуждении законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», в связи с чем также имеется необходимость анализа требований, предъявляемых к муниципальным правовым актам.

Ключевые слова: *местное самоуправление, муниципальные правовые акты, обнародование муниципальных правовых актов.*

Органы местного самоуправления как субъекты единой системы публичной власти согласно Конституции РФ, взаимодействуют с органами государственной власти с целью наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. В рамках реализации этой цели муниципальные органы наделены рядом полномочий, в том числе и правом принятия муниципальных правовых актов.

Залогом построения единой эффективной правовой системы государства является необходимость осуществления правотворческой деятельности органов местного самоуправления, основанной на общих для правотворчества принципах. Конституционное положение о том, что народ осуществляет свою власть не только непосредственно и через органы государственной власти, но и через органы местного самоуправления, свидетельствует о том, что правотворческая деятельность органов местного самоуправления не может не подчиняться общим правилам осуществления правотворчества в государстве. Исходя из этого, следует сказать, что те требования, которые предъявляются к нормативным актам, принимаемым органами государственной власти, в

равной степени распространяются и на нормативные правовые акты, принимаемые органами местного самоуправления в пределах их полномочий.

Однако опыт развития законодательства о местном самоуправлении последних лет показывает, что существует необходимость обобщить ряд вопросов, связанных с требованиями, применяемыми к муниципальным правовым актам.

Необходимость муниципального правотворчества определяется несколькими факторами. Прежде всего, наличием в Российской Федерации местного самоуправления как самостоятельной формы осуществления власти (согласно ст. 3 Конституции РФ). Правотворчество органов местного самоуправления осуществляется в пределах установленных для муниципальной власти предметов ведения – вопросов местного значения. Разграничение публичных дел на местные и государственные в Российской Федерации свидетельствует как о взаимосвязи муниципальной и государственной власти (поскольку существует единый источник различных форм власти), так и о том, что вопросы местного значения выступают в качестве относительно обособленной сферы правотворческой деятельности. При этом правотворчество органов местного самоуправления не должно противопоставляться правотворчеству государственных органов. Результатом правотворчества органов государственной власти и органов местного самоуправления является создание внутренне согласованной системы нормативных правовых актов.

Государство наделило органы местного самоуправления правом принимать нормативные правовые акты в пределах своих полномочий. Гарантируя местное самоуправление, государство обеспечивает и обязательную силу этих актов.

Качество правовых актов, как известно, определяется их соответствием предъявляемым требованиям. С этим непосредственно связана реализация предписаний актов.

Исключение дефектных актов – обязательное условие успешного осуществления органами местного самоуправления их функций и полномочий. Отсюда необходимость иметь четкие требования к актам, строго их соблюдать. Требования, предъявляемые к нормативному правовому акту местного самоуправления, – это установленные законом правила, обязательные условия, которые необходимо соблюдать при подготовке и принятии акта.

В теории правовых актов еще с советского периода стали выделять разные группы требований [5, с. 200–204]. Говоря о требованиях, предъявляемых в настоящее время к муниципальным правовым актам, конечно, следует не только учитывать имеющиеся в науке наработки, но и анализировать действующее законодательство, которое в ряде случаев прямо указывает на те или иные требования, которым должен

соответствовать, прежде всего, нормативный правовой акт, принимаемый в муниципальном образовании.

Исходя из устоявшейся в науке классификации требований, предъявляемых вообще к правовым актам, в том числе и к муниципальным правовым актам, на первом месте стоит требование законности. По общему правилу это требование заключается в том, что принимаемый субъектом правотворчества акт должен соответствовать действующему законодательству. И в этом случае, чтобы обеспечить соблюдение данного требования, необходимо обратить внимание на сферу правотворчества, в рамках которой муниципальные органы могут принимать правовые акты.

Вопрос определения пределов правотворчества органов местного самоуправления решается исходя из определения в целом компетенции органов местного самоуправления. А это, как известно, вопрос непростой.

Основываясь на Федеральном законе от 6.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ), можно сказать, что компетенция органов местного самоуправления, в пределах которой они могут осуществлять правотворческую деятельность, складывается из ряда вопросов их ведения и полномочий по решению данных вопросов. При этом круг вопросов, входящих в компетенцию органов местного самоуправления, складывается из нескольких групп таких вопросов. Прежде всего, это вопросы местного значения, которые дифференцированы по видам муниципальных образований и закреплены в Федеральном законе № 131-ФЗ в ст. 14–16 и ст. 16.2. Например, к числу таких вопросов относится: установление, изменение и отмена местных налогов и сборов в муниципальном образовании; владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности; организация электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжение населения топливом в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации, и ряд других.

Вторую группу вопросов, которые могут находиться в компетенции органов местного самоуправления, составляют вопросы, связанные с осуществлением отдельных государственных полномочий. Правом наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями органы государственной власти федерального и регионального уровня наделены Федеральным законом № 131-ФЗ.

Так, согласно ст. 19 Федерального закона № 131-ФЗ «отдельные государственные полномочия, передаваемые для осуществления органам местного самоуправления, осуществляются органами местного самоуправления муниципальных районов, органами местного

самоуправления муниципальных округов и органами местного самоуправления городских округов, если иное не установлено федеральным законом или законом субъекта Российской Федерации».

И, наконец, третью группу вопросов, входящих в компетенцию органов местного самоуправления составляют вопросы, решаемые органами местного самоуправления в пределах прав органов местного самоуправления на решение вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения, которые закреплены соответственно в ст. 14.1, 15., 16.1 Федерального закона № 131-ФЗ.

Исходя из вышесказанного, соблюдение требования законности органами местного самоуправления при принятии ими муниципальных правовых актов заключается в соблюдении пределов тех вопросов, которые входят в компетенцию органов местного самоуправления.

Помимо этого, требование законности проявляется и в том, что любой акт должен быть принят в пределах полномочий субъектов правотворчества. Такими субъектами в муниципальном образовании выступают: само население муниципального образования, которое может принять муниципальный правовой акт на местном референдуме, представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация, иные органы муниципального образования. Проблематика этого вопроса заключается в том, что полномочия органов местного самоуправления в Федеральном законе № 131-ФЗ распределены между представительным и исполнительными органами в самом общем виде. Кроме определения исключительных полномочий представительного органа в ст. 35 Федеральный закон № 131-ФЗ не распределяет полномочия между представительной властью муниципального образования и его исполнительно-распорядительным органом. Отсюда возникают проблемы правоприменения. Они усугубляются и тем, что не во всех уставах муниципальных образований такое распределение полномочий, в том числе и правотворческих, между представительным и исполнительно-распорядительным органом осуществляется. Например, в Уставе г. Ельца глава города в пределах своих полномочий издает правовые акты. Однако, исходя из тех полномочий, которые закреплены в этом Уставе за главой муниципального образования невозможно определить, что же является сферой правотворческой компетенции данного субъекта. И такой пример, к сожалению, далеко не единичный.

Нынешняя ситуация правового регулирования местного самоуправления в Российской Федерации свидетельствует о том, что требования, предъявляемые к муниципальным правовым актам, закрепляются в федеральном законодательстве и на уровне муниципальных образований.

Так, общее требование законности, применяемое к муниципальным правовым актам, выражено в ст. 7 Федерального закона № 131-ФЗ,

согласно которой «Муниципальные правовые акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, настоящему Федеральному закону, другим федеральным законам и иным нормативным правовым актам Российской Федерации, а также конституциям (уставам), законам, иным нормативным правовым актам субъектов Российской Федерации».

Помимо этого, в Федеральном законе № 131-ФЗ можно выделить ряд иных требований, предъявляемых к муниципальным правовым актам. Так, можно выделить группу требований, предъявляемых к порядку принятия муниципальных правовых актов. Так, согласно ч. 3 ст. 43 Федерального закона № 131-ФЗ, решения представительного органа муниципального образования, устанавливающие правила, обязательные для исполнения на территории муниципального образования, принимаются большинством голосов от установленной численности депутатов представительного органа муниципального образования, если иное не установлено Федеральным законом. В соответствии со ст. 44 Федерального Закона № 131-ФЗ устав муниципального образования принимается представительным органом муниципального образования, а в поселениях, в которых полномочия представительного органа осуществляются сходом граждан, – населением непосредственно на сходе граждан.

К этой же группе требований, которые предъявляются к содержанию муниципальных правовых актов, можно отнести требования, заключенные в статьях главы 5 Федерального закона № 131-ФЗ. В данной главе содержатся нормы, определяющие общие правила реализации форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, так называемые императивные и консультативные формы муниципальной демократии. При этом в каждой статье названной главы законодатель предъявляет определенные требования к муниципальным правовым актам, которые должны определить порядок реализации той или иной формы муниципальной демократии. Например, в уставе муниципального образования должны быть определены основания и порядок отзыва депутата, члена представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица (ст. 24), порядок организации и проведения публичных слушаний (ст. 28), порядок организации и осуществления территориального общественного самоуправления, условия и порядок выделения необходимых средств из местного бюджета (ст. 28) и т. п.

Особые требования предъявляются Федеральным законом к муниципальным правовым актам, принимаемым по вопросам предпринимательской деятельности и вопросам благоустройства территории муниципального образования. Так, федеральный законодатель требует, чтобы муниципальные нормативные правовые акты, затрагивающие вопросы осуществления предпринимательской и

инвестиционной деятельности, подлежали экспертизе, проводимой органами местного самоуправления. Цель такой экспертизы – выявление положений, необоснованно затрудняющих осуществление предпринимательской и инвестиционной деятельности в муниципальном образовании (ч. 6 ст. 7 Федерального закона № 131-ФЗ). При этом в городских и муниципальных округах, а также муниципальных районах это требование является обязательным, а в иных муниципальных образованиях такая экспертиза данных актов *может* (выделено мной – Н.А.) быть проведена. В этой ситуации возникает вопрос: насколько оправдана такая правовая норма, которая ставит, по сути дела, субъектов предпринимательской деятельности в разных муниципальных образованиях в неодинаковые условия. Более того, формулирование полномочий органов местного самоуправления в данной ситуации в формуле «может» с позиции антикоррупционного законодательства выступает в качестве коррупциогенного фактора.

Особые требования к содержанию муниципальных правовых актов предъявляются и в том случае, если они принимаются по вопросам благоустройства территории муниципального образования. Требованиям, которым должны соответствовать муниципальные правовые акты, принимаемые по вопросам благоустройства территории муниципального образования, посвящена отдельная ст. 45.1 Федерального закона № 131-ФЗ. Эти требования предъявляются к содержанию таких муниципальных правовых актов. Определяется тот круг вопросов, который должен быть отражен в таком правовом акте.

Отдельную группу требований, предъявляемых к муниципальным правовым актам, составляют требования к вступлению акта в силу. Согласно ч. 6 ст. 44 Федерального закона № 131-ФЗ устав муниципального образования, а также муниципальный правовой акт о внесении изменений и дополнений в устав муниципального образования подлежат государственной регистрации в территориальном органе уполномоченного федерального органа исполнительной власти в сфере регистрации уставов муниципальных образований. Без государственной регистрации и последующего официального опубликования (обнародования) устав муниципального образования не может вступить в силу.

В этой связи стоит обратить внимание и на требования, которые предъявляются к порядку обнародования (опубликования) акта. Нынешняя редакция ст. 47 Федерального закона, действующая с 2023 г., существенно отличается от предыдущих правил опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов, установленных Федеральным законом № 131-ФЗ. Федеральный законодатель, поставив на первое место в ряду способов официального доведения муниципального правового акта до сведения населения обнародование, определил способы такого обнародования, к которым относятся теперь:

официальное опубликование муниципального правового акта; размещение муниципального правового акта в местах, доступных для неограниченного круга лиц (в помещениях государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных библиотек, других доступных для посещения местах); размещение на официальном сайте муниципального образования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; иной предусмотренный уставом муниципального образования способ обеспечения возможности ознакомления граждан с муниципальным правовым актом, в том числе соглашением, заключенным между органами местного самоуправления.

К числу новых требований, предъявляемых к муниципальным правовым актам, следует отнести требование оценки регулирующего воздействия. Муниципальные правовые акты, устанавливающие новые или изменяющие ранее предусмотренные муниципальными нормативными правовыми актами обязательные требования для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, обязанности для субъектов инвестиционной деятельности, подлежат оценке регулирующего воздействия. Такая оценка проектов муниципальных нормативных правовых актов проводится в целях выявления положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующих их введению, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности и местных бюджетов.

Характеризуя это действие, производимое с муниципальными правовыми актами, можно говорить, что в этом случае происходит оценка правотворческого процесса, осуществляемого в муниципальном образовании. По сути, идет процесс мониторинга муниципальных правовых актов, их правоприменения, с одной целью – не допустить возникновения административных барьеров в осуществлении предпринимательской деятельности в муниципальном образовании.

Помимо требований, которые предъявляются к муниципальным правовым актам, установленных в Федеральном законе № 131-ФЗ, законодательством закрепляются специальные требования к определенной категории муниципальных правовых актов. Постановлением Правительства РФ от 25. 10. 2023 г. № 1782 «Об утверждении общих требований к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление из бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг и проведение отборов получателей указанных субсидий, в том числе грантов в форме субсидий» [2]

установлен ряд требований, которые исходя из названия Постановления, относятся в равной степени и к актам органов местного самоуправления. Все эти требования, в целом, касаются содержания муниципальных правовых актов, регулирующих предоставление из местных бюджетов субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг. Указанное Постановление Правительства разделяет эти требования на несколько групп: требования в части условий и порядка предоставления субсидий; в части представления отчетности, осуществления контроля (мониторинга) за соблюдением условий и порядка предоставления субсидий и ответственности за их нарушение; в части установления особенностей предоставления субсидий, предусматривающих последующее предоставление получателем субсидии средств иным лицам; в части установления особенностей предоставления грантов в форме субсидий и др.

Рассматривая эти требования в системе требований, предъявляемых к муниципальным правовым актам, конечно, их стоит отнести к требованиям законности, ибо в случае нарушения данных требований акт муниципального органа может быть признан не соответствующим закону.

Но помимо требований законности муниципальных правовых актов, к ним предъявляются и требования организационно-технического характера. По общему правилу к разряду таких требований относятся требования к языку акта (юридико-лингвистические требования), к стилю акта, его структуре.

Следует отметить, что значительную помощь в соблюдении этих требований при разработке муниципальных правовых актов муниципальному образованию оказывают Методические рекомендации по подготовке муниципальных нормативных правовых актов, утвержденные Министерством юстиции России в 2018 г. Выработке указанных Методических рекомендаций предшествовал анализ экспертных заключений, который позволил выявить наиболее типичные нарушения правил юридической техники при подготовке муниципальных нормативных правовых актов.

Целью рекомендаций является методическое сопровождение работы по подготовке муниципальных нормативных правовых актов путем соблюдения единообразия в оформлении муниципальных нормативных правовых актов и использования средств, правил и приемов юридической техники. В том числе уделяется внимание в указанных рекомендациях и требованиям, которые должны быть соблюдены при подготовке и принятии муниципального правового акта.

Неслучайно в данных рекомендациях выделены правила юридической техники, которые предъявляются к муниципальным

правовым актам и подразделяются на несколько групп: правила, относящиеся к структуре, содержанию, внешнему оформлению муниципальных актов; языковые требования, относящиеся к изложению правового акта; логические требования; процедурные требования.

Например, в Методических рекомендациях определены требования к наименованию правового акта, в соответствии с которыми наименование акта должно быть четким (правильно отражать содержание правового акта и основной предмет правового регулирования); кратким (в сжатой форме передавать суть правового акта); формализованным (изложенным в официальном стиле).

Минюст рекомендует муниципальным образованиям избегать сложных и неоправданно длинных наименований, а также наименований, которые могут быть истолкованы неоднозначно, и указывает, что цель наименования правового акта – передать его содержание, обозначить предмет правового регулирования, облегчить его поиск, а также обеспечить проставление ссылок на него при подготовке других правовых актов.

Наконец, определенные требования к муниципальным правовым актам могут устанавливаться в самом муниципальном образовании. Показателен пример Решения Совета депутатов сельского поселения Аверкиевское Павлово-Посадского муниципального района Московской области от 15.06.2007 г. № 30/6 «Об утверждении Положения о порядке принятия муниципальных правовых актов представительным органом муниципального образования сельское поселение Аверкиевское» [4]. В частности, указанное Положение содержит требования организационно-технического характера, предъявляемые к муниципальным правовым актам, а именно, требования к реквизитам акта, формулированию его наименования. Но основное внимание в Положении уделено вопросам подготовки, внесения и предварительного рассмотрения проектов муниципальных правовых актов, рассмотрению проектов муниципальных правовых актов Советом депутатов, а также правилам опубликования и вступления в силу муниципальных правовых актов.

Стоит отметить, что задача повышения эффективности нормативных актов любого уровня публичной власти является одной из важных на современном этапе, особенно в условиях проходящего процесса цифровизации государственного и муниципального управления. В Российской Федерации принимаются попытки правового регулирования процесса цифровизации процесса управления. Неслучайно в ушедшем году было принято Постановление Правительства РФ от 11.09.2024 г. № 1230 «Об утверждении Положения о государственной информационной системе “Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса”» [3], которое вступило в силу с 1.10. 2024 г. Целью государственной информационной системы «Нормотворчество» является создание единого электронного рабочего пространства для всех

участников нормотворческого процесса. Эта система будет использовать отечественное программное обеспечение, приспособленное для нужд законотворчества.

Однако Положение о ГИС «Нормотворчество» распространяется лишь на нормотворческую деятельность федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, а также федеральных государственных органов и организаций, указанных в Положении. Поэтому ни органы власти субъектов Российской Федерации, ни тем более органы местного самоуправления к числу участников данной системы не относятся. Однако процессы цифровизации продолжаются, и нельзя отрицать возможности со временем включения в эту систему действительно всех участников правотворческого процесса, как это заявлено в наименовании указанного Положения.

Подводя итог, можно констатировать, что сложилась правовая база, определяющая требования, предъявляемые к муниципальным правовым актам органов местного самоуправления, которая включает в себя нормы федерального законодательства, а также нормы муниципального уровня. Нормативное регулирование правотворческой деятельности органов местного самоуправления на сегодняшний день поддерживается и методическими указаниями Минюста России. Что касается перечня самих требований, предъявляемых к муниципальным правовым актам, то он расширяется за счет включения в него требований, предъявляемых к муниципальным правовым актам, принимаемым по определенным вопросам (благоустройства, предпринимательской деятельности, бюджетирования).

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
2. Постановление Правительства РФ от 25.10.2023 г. № 1782 «Об утверждении общих требований к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление из бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг и проведение отборов получателей указанных субсидий, в том числе грантов в форме субсидий» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства РФ от 11.09.2024 г. № 1230 «Об утверждении Положения о государственной информационной системе «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса»» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Решение Совета депутатов сельского поселения Аверкиевское Павлово-Посадского муниципального района Московской области от 15.06.2007 г. № 30/6 «Об утверждении Положения о порядке принятия муниципальных правовых актов представительным органом муниципального образования сельское поселение Аверкиевское» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/543781268> (дата обращения: 06.01.2025).

5. Власов В.А., Студеникин С.С. Советское административное право. М.: Издательство: Госюриздат, 1959. 535 с.

6. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом (опыт системного исследования). М.: Политиздат, 1968. 384 с.

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Requirements for municipal legal acts in modern conditions

N.A. Antonova

Tver State University, Tver

Local self-government bodies are recognized by the Constitution of the Russian Federation as an element of a unified system of public authority. The exercise of public authority by these bodies provides for their ability to develop and adopt municipal legal acts, which, like any legal acts, must comply with certain requirements that are imposed on them. However, municipal legal acts have a number of special features that cannot be ignored when developing and adopting such acts. The issue of requirements for municipal acts is of particular importance in the context of changing legislation on local self-government. The requirements for the procedure for the publication of municipal legal acts have been changed. In addition, the draft law «On general principles of the organization of local self-government» is under discussion in the State Duma of the Russian Federation, in this regard, there is also a need to analyze the requirements for municipal legal acts.

Keywords: *local government, municipal legal acts, promulgation of municipal legal acts.*

About author:

ANTONOVA Nana – the doctor of jurisprudence, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Требования, предъявляемые к муниципальным правовым актам в современных условиях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 35–45.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

К вопросу о достоверности понятия посмертного творческого бытия с позиций конституционной семантики права

А.В. Воронин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблематика конституционно-семантической идентификации посмертного творческого бытия в контексте актуально достоверного юридического концепта действительности. На основе использования ресурсов конституционной методологии права определяются имманентные свойства идентифицируемого явления, устанавливаются его формальные (внешние) связи в нарративе основных прав человека. Вопреки предшествующим представлениям о допустимости использования категории «творческая жизнь после физической смерти» автор приходит к выводу о необходимости корректировки понятийного аппарата посредством введения в научный оборот категории «посмертное творческое бытие».

Ключевые слова: посмертное творческое бытие, понятие, категория, семантика, достоверность, конституционное право.

Понятийно-категориальный аппарат юриспруденции вообще и теории конституционного права, наиболее подверженной влиянию различных вызовов времени в силу специфики своего предмета, в частности неизбежным образом обогащается за счет восприятия и последующей адаптации понятий, категорий и иных смысловых единиц подлинно доктринального мышления из других областей знания, а также путем переосмысления содержания заимствований. В рамках заявленной темы может сложиться впечатление, будто использование философской категории «бытие», проблема которого занимала умы мыслителей тысячи лет, на современном этапе развития юридической науки является действием догматического характера, в связи с чем попытки актуализации соответствующей проблематики могут рассматриваться, с одной стороны, в качестве «очередной» спекуляции на востребованном в широких научно-практических кругах материале, с другой, как действия, едва ли связанные с научным целеполаганием. Между тем, предвзято потенциально возможную (вполне допустимую и закономерную) критику со стороны оппонентов, представляется необходимым обратить внимание на то, что актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, отсутствием в теории конституционного права единого подхода к пониманию сущности феномена цифрового «воскрешения» умерших творческих деятелей, во-вторых, связанной с отсутствием такого понимания неготовностью российской правовой системы

воспринять соответствующие практики и осуществить сопутствующую перцепции рефлексии посредством нормативной конкретизации конституционно-правовых положений и, в-третьих, утвердить онтологическую достоверность указанных паттернов на уровне актов Конституционного Суда РФ.

В предшествующих исследованиях автором настоящей статьи был выдвинут тезис, согласно которому возможность посмертного продолжения человеком своего творческого пути с конституционно-правовых позиций надлежит идентифицировать в качестве конституционного права «на творческую жизнь после физической смерти» [6, с. 23]. Фактически в основе данного утверждения лежал элементарный синтез содержания положений Конституции РФ, сопряженный с буквальной интерпретацией содержащихся в конституционном тексте слов и их сочетаний. Вследствие этого для цели настоящего исследования, состоящей в конституционно-семантической идентификации посмертного творческого бытия, представляется необходимым уяснение смысла лексических единиц, образующих категории «творческая жизнь после физической смерти» и «посмертное творческое бытие». При этом важно сделать следующую методологическую оговорку. Выполнение конституционно-семантического анализа предполагает уяснение смысла слов, в своей композиционной целостности образующих конституционный тезаурус, в их общеупотребимом значении. Как следствие, видится целесообразным обращение не только к конституционному тексту, но и к наследию российской лексикографии.

В ст. 20 Конституции РФ закреплено право каждого на жизнь. Исходя из того, что под «каждым» в конституционном тексте понимается любое физическое лицо независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения и иных обстоятельств (ч. 2 ст. 19) [1], толкование положений, закрепляющих конституционный принцип равенства и вышеназванную фундаментальную возможность человека, надлежит осуществлять системно и контекстуально. Так, под жизнью, согласно мнению С.И. Ожегова, применительно к заданному контексту следует понимать физиологическое существование человека [9, с. 166]. Схожего мнения придерживался живший более чем на четверть века раньше В.И. Даль, определявший жизнь человека как все продолжение его земной жизни: от рождения до смерти [7, с. 110].

Нормативными конкретизациями положений ст. 20 Конституции РФ являются нормы ст. 53, 66 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3]. По смыслу указанных правовых норм физиологическое существование человека берет свое начало с рождением (отделением плода от организма матери посредством родов) и заканчивается смертью (гибелью человеческого мозга или необратимой гибелью человека). С позиций

теории конституционного правопользования нормативное закрепление вышеуказанных юридических фактов имеет особое значение, поскольку пользование субъектом *apriori* принадлежащим ему правом возможно лишь при жизни субъекта.

Категория «жизнь» также используется в тексте ч. 2 ст. 44 Конституции РФ. Вместе с тем в указанной норме права речь идет о наличии у человека возможности принимать участие в культурной жизни, которая по своей природе неразрывно связана с творчеством (ч. 1 ст. 44). Обращаясь к содержанию словаря С.И. Ожегова, необходимо отметить, что под жизнью может пониматься и деятельность общества и человека во всех ее проявлениях [9, с. 166]. В.И. Даль определял данное понятие схожим образом (в аспекте деятельности) [7, с. 110].

Законодатель в ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре (утв. Верховным Судом РФ 09.10.1992 г. № 3612-1), развивая содержание конституционных положений и сохраняя исконный смысл слов, подтвержденный наиболее авторитетными представителями отечественной лексикографии, закрепил понятие культурной деятельности, включив в его содержание творческую деятельность. Последовательным шагом законодателя в данном направлении, по нашему мнению, также является закрепление понятия творческого работника как физического лица создающего или интерпретирующего культурные ценности [2].

Между тем, как видится, практики цифрового «воскрешения» творческих деятелей не могут быть исчерпывающим образом описаны в рамках понятия жизни, принимая во внимание ее хронометрические пределы, зафиксированные в актах позитивного законодательства. В этой связи адекватно целям описания указанных практик и конституционно-семантической идентификации соответствующего феномена представляется верным использование категории «бытие».

Несмотря на отсутствие в конституционном тексте прямого упоминания о человеческом бытии, системное истолкование ряда конституционных положений позволяет прийти к выводу о признании государством, действующим от лица многонационального народа России, возможности каждого человека существовать не только физиологически, но и «*post mortem*». Исходя из содержания преамбулы, ст. 2, 17, 18; ч. 1, 2 ст. 19; ч. 1 ст. 20–24; ч. 1, 2 ст. 44; ч. 1 ст. 55; ч. 2 ст. 67¹ Конституции РФ каждый человек в рамках своей личностной (включая информационно-цифровую) автономии имеет признаваемую (и равным образом соблюдаемую, защищаемую) государством возможность существовать не только физиологически, но и в памяти других людей (на что обращает внимание Н.С. Певцова [10, с. 59], в том числе после собственной смерти, рассчитывая при этом на достойное (уважительное) отношение к своей личности независимо от форм и метаформ (среди которых создание аватара личности) объективирования

сохранившихся данных о ней. Одновременно цель пользования заявленным базовым полномочием каждого не должна противоречить общим конституционным установлениям о целях правопользования (ч. 3 ст. 55), ведь в указанной форме правопользование, по нашему мнению, возможно исключительно для «воссоздания» созидательных (творческих) способностей умершего в интересах неопределенного круга лиц.

Только за последние пять лет широкой аудитории стали доступны «продукты» такой «реставрации», например, аватары личностей актеров Л.В. Куравлева [12], В.Б. Галкина [13]. При этом, по нашему мнению, «воссоздание» образа умершего человека, содержащего отдельные черты его личности и способного взаимодействовать (в объективно ограниченном формате) с живыми людьми, не может быть признано тождественным жизни, ведь жизнь с позиций конституционной семантики права предполагает физиологическое существование, сводимое к функционированию человеческого организма и, прежде всего, человеческого мозга. В содержание бытия же входит значительно больший круг явлений, включая посмертное человеческое воплощение при помощи искусственного интеллекта. Жизнь представляет собой категорию, обозначающую период времени физиологического существования человека, в то время как бытие, являя собой реальность (действительность, на что обращали внимание С.И. Ожегов [9, с. 53], В.И. Даль [7, с. 42]), предполагает абстрагирование от телесности, восхождение к идее человеческой духовности, творческого наследия человека. Соответственно, наряду с аксиологичностью посмертному творческому бытию свойственны абстрагированность (отвлеченность) от материальности, континуальность.

Так, постулируя особый, ценностно детерминированный характер посмертного бытия, Конституционный Суд РФ отметил, что государство должно гарантировать достойное отношение к памяти человека, т. е. обеспечивать человеку возможность рассчитывать на то, что и после смерти его личные права будут охраняться, а государственные органы, официальные и частные лица – воздерживаться от посягательства на них [4]. По мнению Конституционного Суда РФ, частная жизнь, честь, достоинство и добрая память об умершем, гарантии их защиты не могут быть исключены из сферы общего (публичного) интереса в государстве, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью [5].

В связи с вышеизложенным, использование категории «творческая жизнь после физической смерти» видится некорректным, поскольку жизнь характеризует физиологичность человека, а бытие, в конечном счете, свободно от такового. «Каждое право человека – это универсальная, неисчерпаемая возможность», – отмечает В.И. Крусс [8, с. 18]. При этом, по нашему мнению, для корректного формирования механизма опосредования правопользования, отделения права от неправа

важно корректно использовать соответствующие понятия и категории. Это возможно исключительно на основе диалектического соотнесения теории, буквы закона, а также его надлежащего воплощения в жизнь. «В языке науки и юридической практики отражается язык права», – справедливо подчеркивал А.Ф. Черданцев [11, с. 18].

Таким образом, конституционно-семантический анализ положений Конституции РФ и актов текущего законодательства, актов Конституционного Суда РФ (несмотря на то, что количество практических примеров невелико), данных, накопленных юридической и лексикографической науками, позволил скорректировать понятийный аппарат, установив подлинную достоверность понятия посмертного творческого бытия. Установлено, что посмертному творческому бытию свойственны аксиологичность, абстрагированность (отвлеченность) от материальности, континуальность. При этом доказан факт наличия формальных связей между посмертным творческим бытием и рядом конституционных прав человека, а именно прав, входящих в сферу личностной автономии, непосредственно культурных прав. Дальнейшее изучение проблематики посмертного творческого бытия, по нашему мнению, надлежит осуществлять в контексте определения его духовных оснований.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 г. № 8-П // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 г. № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».
6. Воронин А.В. Злоупотребление конституционным правом на творческую жизнь после физической смерти в контексте семейно-родственной заинтересованности // Бакалавру.net. Альманах научно-исследовательского клуба по актуальным проблемам права «Бакалавру.net». Тверь, 2024. С. 23–26.
7. Даль В.И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, Форум, 2007. 288 с.
8. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М. 2017. 240 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. 848 с.

10. Певцова Н.С. Право на физическое существование как новое комплексное конституционное право: монография. М.: Проспект, 2023. 208 с.

11. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2025. 320 с.

12. Сбер заплатил семье Куравлева за «оживление» образа на экране [Электронный ресурс]. URL: https://octagon.media/novosti/sber_zaplatil_seme_kuravleva_zhivlenie_obraza_na_ekrane.html (дата обращения: 31.08.2025).

13. Как играют умершие актеры: что такое дипфейк [Электронный ресурс]. URL: <https://cb.kiozk.ru/article/kak-igrayut-umersie-aktery-cto-takoe-dipfejk> (дата обращения: 31.08.2025).

Об авторе:

ВОРОНИН Алексей Витальевич – ассистент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тверской государственный университет» (г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Voronin.AV@tversu.ru

To the question of the validity of the concept of posthumous creative existence from the position of constitutional semantics of law

A.V. Voronin

Tver State University, Tver

The article examines the problem of constitutional and semantic identification of posthumous creative existence in the last place of a reliable legal concept of the operation. Based on the use of constitutional resources of the methodology of law, technology, immanent properties of the identified phenomenon, provide its formal (external) connections in the narrative of fundamental human rights. Contrary to previous ideas about the admissibility of using the category of «creative life after physical death», the author comes to the conclusion about the need to adjust the conceptual apparatus by introducing the category of «posthumous creative existence» into scientific circulation.

Keywords: *posthumous creative existence, concept, category, semantics, reliability, constitutional law.*

About author:

VORONIN Alexey – assistant of the Department of Judicial Power and Law Enforcement of the Tver State University (Tver, Zhelyabova st., 33); e-mail: Voronin.AV@tversu.ru

Воронин А.В. К вопросу о достоверности понятия посмертного творческого бытия с позиций конституционной семантики права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 46–51.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Восстановление социальной справедливости как цель наказания и право осужденных на судебную защиту: баланс или диссонанс?

Ю.А. Дронова, Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена вопросам соотношения целей наказания и судебной защиты лиц, находящихся в местах лишения свободы. Обращено внимание на динамику целей наказания и совершенствование правового регулирования вопросов судебной защиты лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в части условий отбывания наказания в исправительных учреждениях. Кратко охарактеризованы исторический и сравнительный аспекты целеполагания и условий отбывания наказания. Основная проблема исследования связана с необходимостью осмысления восстановления социальной справедливости как цели наказания. Исследований уголовно-правовой природы социальной справедливости недостаточно для понимания этой важнейшей категории как цели уголовного наказания. Право на судебную защиту принадлежит каждому и для обеспечения его лицам, находящимся в местах лишения свободы, Кодекс административного судопроизводства РФ был дополнен специальной нормой, которая определила порядок обращения в суд для оспаривания неправомерных действий и взыскания компенсации. Многочисленная практика показывает, что лица, отбывающие наказание, в т. ч. пожизненное лишение свободы, постоянно находят поводы для обращения в суд. Значительная часть таких дел проходит все судебные инстанции до Верховного Суда РФ, а нередко жалобы на нормы Кодекса административного судопроизводства РФ направляются и в Конституционный Суд РФ. Возможность обратиться за судебной защитой является важнейшим достижением цивилизации, недопустим возврат к прежним временам, но должны быть и разумные пределы, которые ограничивают возможность злоупотребления правом на судебную защиту.

Ключевые слова: уголовное наказание, система наказаний, цели наказания, восстановление социальной справедливости, право на судебную защиту, условия содержания в местах лишения свободы, право на компенсацию, административное судопроизводство.

С момента возникновения человечества в отношениях между людьми неизбежно возникали конфликты и всегда находились те, которые нарушали правила, установленные в обществе, а после возникновения государства и права эти нарушения становились все более опасными. Как ни парадоксально, но развитие цивилизации сопровождается и совершенствованием форм и методов совершения

правонарушений и преступлений, что требует от любого государства создания соответствующего правового механизма. Экскурс в историю развития системы наказаний в России заслуживает специального исследования, но некоторое сравнение прошлого и настоящего в рамках данной статьи необходимо.

Практически до нового времени основной целью наказания было устрашение, поэтому меры наказания отличались особой жестокостью, а казни проводили, как правило, публично. Современному человеку страшно даже представить, что испытывал человек, приговоренный к колесованию и мучительно умирающий несколько дней на глазах людей. Но история доказала, что жестокость наказания не снижает уровень преступности, а следовательно, надо менять систему и цели наказаний.

Проблематика целей наказания имеет непреходящую актуальность с древнейших времен и по сей день. Это подтверждается интересом к ней в юридической литературе: «Проблема целей уголовного наказания относится к числу традиционно актуальных в отечественной уголовно-правовой теории» [4]. Однако акценты и приоритеты в этом вопросе, безусловно, смещаются и ранжируются согласно динамике общественного развития и специфике государственного строя.

В максимально упрощенном виде историю развития целей наказания можно представить в виде двух достаточно далеко отстоящих друг от друга позиций: от принципа талиона и кровной мести до так называемой этико-утилитарной концепции, суть которой сводится к тому, что преступление не должно быть совершено вновь. То есть смыслом наказания становится не возмездие преступнику, а его исправление, по меньшей мере юридическое, а в идеале нравственно-юридическое. При этом, с учетом тренда на либерализацию уголовного законодательства, как система наказаний, так и сроки, и условия их отбывания в современных демократических государствах становятся все более гуманистичными, порой до абсурдных пределов. Одним из характерных примеров данного тренда выступает осуждение в 2012 г. норвежского террориста Андерса Беринга Брейвика, жертвами преступлений которого стали 77 человек, а еще 151 получили ранения, к 21 году лишения свободы. При этом Брейвик получил максимально возможный по уголовному законодательству Норвегии срок. Об условиях отбывания им наказания писала вся мировая пресса: «ему выделили три комнаты (спальню, спортзал и кабинет) по восемь квадратных метров каждая и внутренний дворик для прогулок» [14].

Отечественный законодатель при разработке в середине 90-х г. XX в. проекта Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), принятого в 1996 г. [1], естественным образом руководствовался опытом зарубежных государств, впрочем как и наработками русской уголовно-правовой доктрины. В соответствии с правоположениями ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления

осужденных и предупреждения совершения новых преступлений. Отметим, что из целеполагания ушла формулировка «исправление и перевоспитание осужденных», которая использовалась в УК РСФСР 1960 г. В целом это своеобразное секвестирование ранее декларируемой государством цели наказания характеризовалось специалистами как правильное и продуманное в связи с заведомой невозможностью перевоспитания в процессе отбывания наказания с учетом логики процесса социализации личности.

Научное сообщество весьма критическим образом восприняло новую формулировку целей наказания в УК РФ 1996 г. Лейтмотив критики – нецелесообразность излишнего целеполагания (даже с учетом правовой природы уголовных наказаний как максимально строгих мер государственного принуждения), равно как и заведомая недостижимость указанной в законе совокупности целей. Как пишет Ю.И. Бытко: «Поток критики по поводу отдельной цели, а иногда и их всех нарастал и к 2008 г. сформировалось представительное мнение о кризисе уголовного наказания как социального института» [4].

Не вдаваясь в глубокий анализ существующих в уголовно-правовой науке позиций по поводу критики целей наказания, декларируемых в действующем УК РФ, отметим лишь, что цель любой деятельности есть лишь предвосхищаемый результат, а результат реальный может с этой целью и не совпасть. Никакой специфики в этом смысле нет и в деятельности государства, связанной с назначением и исполнением наказаний. Пожалуй, за одним исключением. Если мы говорим о наказании в виде смертной казни, то при ее применении цели восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений достигаются в абсолютной степени. Что касается цели исправления осужденного, то здесь вопрос философский. Однако смертная казнь – это лишь один из 13 видов наказаний в действующем УК РФ, кроме того, не находящийся уже более 25 лет в сфере практического применения. Какой же вид наказания был и остается лидирующим в плане частоты применения, вопрос, как говорится, риторический.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ к реальному лишению свободы на определенный срок в 2020 г. было осуждено 28,5 % от общего количества осужденных к различным видам наказаний, в 2021 – 28,6 %, в 2022 – 29,5 %, в 2023 – 29,8 %, в 2024 – 29,6 % [13]. Отметим, что сравнимый удельный вес имеет условное осуждение к лишению свободы, которое при этом отнюдь нередко отменяется и лицо отбывает назначенное наказание реально. Таким образом, лишение свободы было и остается абсолютно лидирующим видом в системе наказаний по частоте применения судами.

Если актуализировать вопрос о целях наказания относительно этого, увы, но по-прежнему самого часто назначаемого вида наказания, то

применительно к исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений своеобразным мерилем их достижения является уровень рецидива среди лиц, отбывших лишение свободы. Так, в 2022 г. на встрече с Президентом РФ министр юстиции К. Чуйченко отметил, что «ежегодно из мест лишения свободы освобождается порядка 100 тысяч человек. При этом зачастую эти люди не подготовлены к жизни, как говорится, на свободе, т. е. они не могут получить работу, не имеют денежных средств, которые необходимы для того, чтобы начать новую жизнь, и, конечно же, они нуждаются в помощи. В этой связи очень высок рецидив, на сегодняшний день он составляет порядка 44 %, т. е. из 100 000 человек примерно 44 000 человек опять пойдут в места лишения свободы» [5].

Специалисты отмечают, что благодаря внедрению системы пробации в последние два года уровень рецидива среди лиц, отбывших лишение свободы, снижается. И тем не менее он остается весьма значительным. Однако, как уже отмечалось, цель не всегда совпадает с результатом, и не следует в этом смысле идеализировать институт уголовного наказания, равно как и возможности российской пенитенциарной системы. Но вернемся к первой цели наказания, указанной в ст. 43 УК РФ, – восстановление социальной справедливости. Каким образом она достигается при назначении и исполнении таких видов наказаний, как лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы?

Относительно этапа назначения наказания, очевидно, вопрос сводится прежде всего к адекватности срока лишения свободы тяжести совершенного преступления, в том числе, и с учетом восприятия потерпевшим. Хотя и Конституционный Суд РФ, и Верховный Суд РФ не раз обращали внимание на недопустимость указания на учет мнения потерпевшего при назначении наказания¹, невозможно отрицать, что при

¹ См., например: п. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 г. № 5-П: «В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в ряде его решений, обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделение их правом определять необходимость осуществления публичного уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности и наказания – такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов; юридическая ответственность, если она выходит за рамки восстановления нарушенных неправомерным деянием прав и законных интересов потерпевших, включая возмещение причиненного этим деянием вреда, является средством публично-правового реагирования на правонарушающее поведение, в связи с чем вид и мера ответственности лица, совершившего правонарушение, должны определяться исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевшего» [17]; п. 36 Обзора судебной практики Верховного

наличии лица, признанного потерпевшим по уголовному делу, его восприятие справедливости назначенного наказания является важным ее измерителем. Далее начинается двуединый процесс исполнения и отбывания наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Продолжается ли реализация цели восстановления социальной справедливости на данном этапе? Представляется, что, безусловно, да. В обоснование данной позиции целесообразно солидаризироваться с позицией авторов, которые в определенном смысле отождествляют цель восстановления социальной справедливости с элементами кары в уголовном наказании. Сам по себе термин «кара» стал весьма непопулярным в условиях гуманизации уголовного законодательства и в нем никак не фигурирует, но мало кто из исследователей проблематики целей и функций наказания не упоминает о том, что кара и есть его сущность. Так, Ю.И. Бытко, анализируя данный вопрос, в частности отмечает: «Третьи (*авторы*) отождествляют эту цель с карой. В частности, В.К. Дуюнов пишет, что, вводя в закон цель восстановления социальной справедливости, законодатель камуфлирует более понятную цель кары преступника. Поскольку термин "кара" себя скомпрометировал родством с местью и талионом, было принято решение его облагородить высоким сравнением со справедливостью, т.е., по его мнению, происходит простая замена терминов – неудобного термина "кара" его оборотом – "восстановление социальной справедливости"» [4]. Таким образом, в процессе отбывания наказания цель восстановления социальной справедливости актуализируется особым образом и достигается посредством совокупности тех лишений и ограничений прав осужденного, которыми сопровождается этот процесс.

В связи с этим, безусловно, значимым является вопрос об условиях содержания осужденных в местах лишения свободы. В последние годы этот вопрос оказывает существенное влияние на деятельность российской судебной системы в связи с рассмотрением судами в порядке административного судопроизводства значительного количества жалоб осужденных на действия (бездействие) администраций учреждений Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН), исполняющих наказание в виде лишения свободы. Своего рода квинтэссенцией и одновременно апогеем в этом потоке жалоб может выступать тяжба с ФСИН России по вопросу о переводе в более «теплую» колонию осужденного к пожизненному лишению свободы Александра Пичушкина, так называемого «битцевского маньяка», лишившего жизни более сорока человек: «Пичушкин участвовал в рассмотрении своего иска по видеосвязи из колонии. Как выяснилось в ходе слушания, он просил взыскать со ФСИН 100 тысяч рублей в качестве компенсации за

Суда Российской Федерации. 2023. № 3: «Мнение потерпевшего о назначении строгого наказания не может учитываться судом при вынесении приговора» [22].

понесенные “глубокие морально-нравственные страдания”, указав, что “страдает от заболевания системы кровообращения второй степени” из-за сложных климатических условий – колония расположена в поселке Харп Ямало-Ненецкого автономного округа» [3]. Еще один осужденный к пожизненному лишению свободы террорист Ислам Яндиев также уже несколько лет судится с ФСИН из-за условий содержания: «Его претензии касаются СИЗО, где он содержался во время судебного процесса, этапирования и самой колонии. В одном из исков Яндиев требует компенсировать ему моральный ущерб за применение наручников при передвижении вне камеры – при выводе на прогулку, в баню, к врачам, краткосрочное свидание, а также за нехватку личного пространства в камере, отказ в соседстве – переводе к нему в камеру кого-либо из арестованных» [12]. И таких дел российские суды рассматривают десятки тысяч.

Каковы же корреляции между достижением цели социальной справедливости в процессе исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, с одной стороны, и правом осужденных на подачу соответствующих жалоб в порядке административного судопроизводства, с другой?

Гуманизм является одним из важнейших принципов цивилизованного общества и проявляется, в числе прочего, в гуманизации уголовного законодательства. Вместо этого необходимость смягчения уголовных наказаний прогрессивные юристы и общественные деятели отстаивали еще в XIX в., что во многом определило содержание Великой реформы законодательства и правосудия, но гуманизация уголовного законодательства далеко не всегда встречала поддержку власти. Так, Владимир Данилович Спасович, который был признан «королем русской адвокатуры», еще в 1863 г. опубликовал свой учебник по уголовному праву, в котором анализировал «Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных» и обоснованно критиковал чрезмерную суровость уголовного закона и системы наказаний. Но власть сочла учебник опасным, даже враждебным и он был изъят, а его автор лишен права преподавать [9, с. 102–103]. К сожалению, и в первой половине XX в. в России гуманизация уголовного законодательства и особенно его исполнения не поддерживались властью.

На современном этапе общечеловеческие ценности становятся важнейшим объектом охраны и защиты. Вопрос о гуманизации уголовного законодательства был предметом обсуждения на X Всероссийском съезде судей, где еще раз прозвучало, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» [6, с. 7]. Согласно уголовного закона, как уже отмечалось, первоочередной (в соответствии с текстом ч. 2 ст. 43 УК РФ) целью является восстановление

социальной справедливости. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ, принятая еще в 2021 г., в соответствии с этим обозначила необходимость в целях гуманизации обеспечить «учет особенностей содержания отдельных категорий осужденных, подозреваемых и обвиняемых, в том числе женщин, медицинское обеспечение лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» [15, с. 112].

За последние годы система исполнения наказаний и условия содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, изменились кардинально. Трехразовое питание, причем с точным соблюдением рациона, прогулки, возможность работать (но это не является обязанностью осужденных), организация досуга, продолжение образования и еще многое другое, что невозможно изложить в пределах одной статьи.

Но на один важный вопрос следует обратить особое внимание: это обеспечение родительских прав осужденных к лишению свободы. Проблема эта неоднозначная, но если родитель не лишен родительских прав и его поведение не может оказать вредного воздействия на детей, то нет необходимости лишать детей хотя бы ограниченного общения с родителями. Предложенные К.В. Лапиной формы общения родителей, отбывающих наказание в виде лишения свободы, со своими детьми, во многом реализованы (например, краткосрочные и длительные свидания, переписка), а организация доставки детей, хотя бы за счет самих женщин, и краткосрочные выезды [11, с. 9–10] вызывают некоторые сомнения.

Представляется, что условия содержания женщин в России намного гуманнее, чем, допустим, в США. В исследованиях по этому вопросу В.А. Шетневой отмечено, что в США осужденным женщинам запрещены все возможные тактильные контакты друг с другом, поскольку они могут быть оценены как действия сексуального характера, кроме того «запрещается иметь при себе соль, зеркала, кофе, сигареты, смотреть телевизор и слушать музыку» [16, с. 219].

В рамках статьи нет возможности анализировать и оценивать уголовно-исполнительное законодательство других стран. Можно только отметить, что есть и более строгие условия отбывания наказания, а есть почти комфортные (как у Брейвика из Норвегии), на которые нередко ссылаются ряд авторов, призывая следовать этим стандартам без учета тех реальных условий, в которых живут еще многие люди, абсолютно законопослушные, но у них до сих пор нет элементарного бытового комфорта, есть еще сельские школы, где печное отопление, нет горячей воды и прочих удобств. Соответственно, есть и менее «комфортабельные» учреждения уголовно-исполнительной системы, где, как и везде, у нас могут быть перебои с горячей водой, отоплением, не быстро бывает оказана медицинская помощь, но она, к сожалению, никому не оказывается моментально даже при вызове «скорой помощи»,

а уж про очереди на прием к врачу в районной поликлинике тоже известно всем. Вот и возникает законный вопрос: нужно ли понимать гуманизацию уголовно-исполнительной системы как необходимость создания условий, которые лучше, чем те, которые доступны многим жителям нашей страны?

И в этом контексте необходимо попытаться осмыслить, что же следует понимать под восстановлением социальной справедливости как цели наказания. Проблема социальной справедливости волновала человечество с древних времен. Все выдающиеся философы прошлого и настоящего в той или иной мере обращаются к проблеме социальной справедливости. Исследований правовых аспектов социальной справедливости значительно меньше, хотя справедливость является одним из важнейших принципов права.

На современном этапе вопросы социальной справедливости приобретают все большую актуальность, даже по инициативе ООН 20.02.2007 г. что получило статус «День социальной справедливости», а также были обозначены основные принципы, относящиеся к гендерному и расовому равенству, доступности труда и образования, равный доступ к ресурсам, а также защита прав человека. В таком понимании социальная справедливость является скорее принципом исполнения наказания, но не его целью. Подтверждением этому служит вывод Н.С. Григорьевой. По итогам ее исследования, «социальная справедливость – это как та лакмусовая полоска бумаги, которая выявляет скрытое и окрашивает события социальной жизни в определенные цвета» [7, с. 112–122]. Подходящий этому исследованию античный афоризм: «Справедливость есть постоянная и неизменная воля каждого воздать по заслугам», как представляется, не соответствует выводу о содержании социальной справедливости, но более подходит к цели наказания.

Право на судебную защиту, безусловно, является важнейшим элементом социальной справедливости, ведь это азбучная истина, что любое право, не обеспеченное механизмом защиты, превращается в фикцию, а принцип равенства перед законом и судом гарантирует доступ к правосудию всем. Мы не должны повторить не просто печальный, а страшный период, когда не было никаких гарантий защиты лицам, которые попадали в «жернова» уголовного преследования. Сегодня раскрыты многие тяжелые страницы истории деятельности наших правоохранительных органов. Подследственные и заключенные были абсолютно бесправны и не только не могли надеяться на судебную защиту от произвола, но даже прокуратура не рассматривала их жалобы. Так, печально известный генеральный прокурор А.Я. Вышинский заверял, что «органы прокуратуры не будут принимать во внимание заявления о побоях и истязаниях» [8, с. 202]. Подобное никогда не должно повториться, как и страшные меры наказания прежних веков.

Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ), десятилетие которого отмечается в этом году, прежде всего обеспечивает особые условия рассмотрения дел по различным спорам гражданина с властью и осуществляет судебный контроль за соблюдением основных прав и свобод человека и гражданина. Этот процессуальный кодекс является не только самым «молодым», но и наиболее быстро развивающимся. Глава 22 КАС РФ, предусматривающая оспаривание решений, действий (бездействий) различных органов, организаций и должностных лиц, осуществляющих публичные полномочия, позволяет разрешать множество спорных ситуаций, но законодатель счел необходимым дополнить в 2019 г. эту главу специальной ст. 227.1 «Особенности подачи и рассмотрения требования о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительных учреждениях» [2]. Принятию данной статьи предшествовало издание постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания». Соответствующая норма явилась некой новеллой, т. к. по правилам административного судопроизводства может быть возмещен только моральный вред, следовательно, для лиц, находящихся в местах принудительного содержания, установлено особое правило.

Комментируя данную статью, А.В. Чуряев отмечает: «По своей правовой природе компенсация за нарушение условий содержания лиц под стражей, содержание их в исправительных учреждениях является разновидностью компенсации им нравственных и физических страданий вследствие допущенных в отношении них нарушений условий содержания» [10, с. 130]. В определенной степени такую мотивацию можно считать обоснованной, но в таком случае законодатель следовало и назвать это моральным вредом, тогда не оставалось бы сомнений. Гражданский процесс также задействован для защиты прав лиц, находящихся в условиях изоляции, т. к. для возмещения вреда, причиненного здоровью и имуществу, надо обращаться в порядке гражданского судопроизводства, хотя уже без активной роли суда и по общему правилу распределения обязанности доказывания, но, однозначно, право на судебную защиту гарантировано с соблюдением всех процессуальных прав истца. Информатизация судебной системы и уголовно-исправительных учреждений позволяет обеспечивать удаленное участие в процессе. Важным является и право на конфиденциальное общение с адвокатом. Таким образом, в отношении судебной защиты социальная справедливость реализована при отбывании наказания. Возникает только вопрос, считают ли потерпевшие и другие граждане, что это справедливо?

Лица, находящиеся в местах лишения свободы, используют право на судебную защиту в полном объеме, включая обращение в Конституционный Суд РФ. Жалобы в Кассационный Суд РФ об оспаривании тех или иных положений законодательства чаще всего завершаются определением об отказе в принятии к рассмотрению как не относящихся к его компетенции, а обжалованию эти определения не подлежат. В некоторых жалобах оспаривается сразу большинство правил административного судопроизводства. Так, например, В.В. Усманов просил признать неконституционными нормы статей о распределении обязанности по доказыванию, требований к содержанию судебного решения, сроках обращения в суд, нормы о порядке кассационного производства [19]. В жалобе Э.А. Гусейнова поставлена под сомнение конституционность правил об оставлении заявления без движения, о порядке принятия решения, и требовании его законности, включая вопросы, разрешаемые при принятии решения, и его содержание, а также вопросы апелляционного производства [21]. Особо удивляет оспаривание правил ст. 227.1 КАС РФ [18, 20], которая предусматривает возможность не только обжаловать ненадлежащие условия содержания, но и взыскать соответствующую компенсацию, однако заявителей не удовлетворяет необходимость соблюдения определенного порядка обращения в суд. Практика обращения с административными исковыми заявлениями по ст. 227.1 КАС РФ становится все более многочисленной, большинство таких дел проходит все судебные инстанции, вплоть до Верховного Суда РФ, затем на основе его определения процесс начинается заново, так проявляется гуманизм, но вот только не совсем понятно, как при этом восстанавливается социальная справедливость в отношении потерпевших. Практика столь многочисленна, что даже нет смысла приводить конкретные примеры, в обобщенном виде это связано чаще всего с определенными бытовыми неудобствами и недостатками медицинского обслуживания. Более половины таких исковых заявлений удовлетворяются, если не в первой инстанции, то в порядке апелляции. А с учетом того, что для удовлетворения таких требований не является обязательным установление вины, то даже в случаях объективной невозможности выполнить все условия содержания лиц, лишенных свободы, иски удовлетворяются.

Бесспорно, что не должно быть условий содержания, доставляющих физические и нравственные страдания, но должен быть разумный подход. Сколько еще людей на свободе проживает в ветхих и аварийных домах, лишенных элементарных удобств. Тверские «морозовские казармы» по многим показателям отстают от тех условий, которые созданы в исправительных учреждениях, можно сказать, что в них живут люди, которые не лишены свободы, но в тоже время у большинства нет выбора, и семьи поколениями живут в таких условиях.

Напрашивается вновь риторический вопрос: в чем же смысл такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости? Да, лишение свободы – это серьезное испытание, но, если условия в исправительных учреждениях нередко лучше, чем у тех, которые потеряли своих близких от рук преступников, можно ли даже такую меру наказания, как пожизненное лишение свободы считать способом восстановления социальной справедливости? Защищать права лиц, лишенных свободы, безусловно нужно, но только именно от заведомых нарушений, а не от каждой бытовой проблемы или того, что медицинская помощь оказана в порядке очереди, а не немедленно. Это все абсолютно не свидетельствует о необходимости ужесточения правил отбывания наказания и, тем более, ограничения права на судебную защиту, но должен быть баланс и более четкое понимание правового содержания социальной справедливости.

Гуманизм как принцип права должен бесспорно обеспечиваться и при реализации уголовной политики, и в деятельности пенитенциарной системы: должны последовательно меняться виды и сроки (размеры) наказания, система уголовно-исполнительных учреждений и условия отбывания наказания. Но в правовом регулировании этих вопросов, как и в судебной практике, необходим взвешенный подход: баланс, а не диссонанс. Статья ставит проблему соотношения целей наказания и пределов судебной защиты прав осужденных, но решение ее требует серьезных исследований и системных решений.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. «Битцевский маньяк» оспорил отказ в переводе в колонию ближе к Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20250806/koloniya-2033604131.html> (дата обращения: 11.07.2025).
4. Бытко Ю.И. Цели уголовного наказания // Вестник СГЮА. 2018. № 4 (123) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-ugolovnogo-nakazaniya-1> (дата обращения: 11.07.2025).
5. Встреча с Министром юстиции Константином Чуйченко // Сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67666> (дата обращения: 11.07.2025).
6. Выступление Вячеслава Михайловича Лебедева на пленарном заседании Совета судей РФ 05.12.2023 г. // Судья. 2024. Январь. С. 5-7.
7. Григорьева Н.С. Социальная справедливость: эволюция понятия и практики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2008. Выпуск 6. С. 112–122.
8. Звягинцев А. Г. Жизнь и деяния видных российских юристов: Взлеты и падения. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 384 с.

9. Звягинцев А.Г. Роковая Фемида. Трагические судьбы известных российских юристов. М.: Астрель: АСТ, 2010. 480 с.

10. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства: в 2 ч. / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2025. Ч. 2. 544 с.

11. Лапина К.В. Осуществление родительских прав и исполнение обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид.наук. Краснодар, 2010. 25 с.

12. Осужденный за теракт в «Домодедово» судился с ФСИН за отсутствие солнца [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20250208/solntse-1998107538.html?ysclid=merj2gpkMZ148386702> (дата обращения: 11.07.2025).

13. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020–2024 годы [Электронный ресурс]. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2Fsbornik_Sudimost_2020-2024.xls&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 11.07.2025).

14. Попова А. Брейвик получил максимально возможный срок [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2012/08/24/friday/> (дата обращения: 11.07.2025).

15. Щербаков А.В. Особенности функционирования отечественной пенитенциарной системы: организационно-правовой аспект // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 109–116.

16. Щетнева В.А. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении заключенных женщин в США и Великобритании // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (1–2 июня 2023 г.). Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2023. 228 с.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160518/ (дата обращения: 11.07.2025).

18. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2023 г. № 1412-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Буховецкого Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав рядом норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 г. № 2627-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усманова Вагита Викторовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”, а также Постановлением Правительства Российской Федерации “О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в

совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов федеральной службы безопасности, лиц, подвергнутых административному аресту, задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации на мирное время» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 г. № 2923-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шефера Анатолия Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 227.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 г. № 1702-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусейнова Эльдара Афрайловича на нарушение его конституционных прав статьями 130, 175-180, 309 и 316 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463125/5ca4413a89ba8342999b1d66c8c4f34f93766ca5/ (дата обращения: 11.07.2025).

Об авторах:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, AuthorID: 651111, e-mail: Dronova.YA@tversu.ru

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

Restoration of social justice as the goal of punishment and the right of convicts to judicial protection: balance or dissonance?

Yu.A. Dronova, L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the issues of correlation between the purposes of punishment and judicial protection of persons in places of deprivation of liberty. Attention is drawn to the dynamics of the purposes of punishment and improvement of legal regulation of issues of judicial protection of persons serving a sentence of imprisonment in terms of the conditions of serving a sentence in correctional institutions. The historical and comparative aspects of

goal-setting and conditions of serving a sentence are briefly characterized. The main problem of the study is related to the need to understand the restoration of social justice as the purpose of punishment. Studies of the criminal-legal nature of social justice are not enough to understand this most important category as the purpose of criminal punishment. The right to judicial protection belongs to everyone and in order to ensure it to persons in places of deprivation of liberty, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation was supplemented by a special norm that determined the procedure for applying to the court to challenge illegal actions and collect compensation. Numerous practices show that persons serving a sentence, including life imprisonment, constantly find reasons to go to court. A significant portion of such cases go through all judicial instances up to the Supreme Court of the Russian Federation, and often complaints against the norms of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation are also sent to the Constitutional Court of the Russian Federation. The ability to seek judicial protection is the most important achievement of civilization; a return to the old days is unacceptable, but there must also be reasonable limits that limit the possibility of abuse of the right to judicial protection.

Keywords: *criminal punishment, punishment system, purposes of punishment, restoration of social justice, right to judicial protection, conditions of detention in places of deprivation of liberty, right to compensation, administrative proceedings.*

About authors:

DRONOVA Julia – PhD in Law, associate professor of the department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, AuthorID: 651111, e-mail: Dronova.YA@tversu.ru

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Восстановление социальной справедливости как цель наказания и право осужденных на судебную защиту: баланс или диссонанс? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 52–65.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Злоупотребление правом и неизбежные противоречия позитивистского дискурса¹

В.И. Кресс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье обосновывается принципиальная несостоятельность попыток отечественных ученых-юристов раскрыть природу феномена злоупотребления правом и выработать убедительные рекомендации по противодействию нарастающей экспансии таких актов в правовой системе России. С позиций конституционного правопонимания причиной происходящего выступает принципиальная неготовность авторов отказаться от догматики неопозитивистского правопонимания вкупе с методологией классической рациональности, обуславливающих внутренние противоречия соответствующих научных суждений и выводов. Следствиями юридического формализма оказываются также взаимоисключающие и равно несостоятельные доводы по вопросам соотношения злоупотреблений правом и правонарушений, мер противодействия и юридической ответственности, а также оптимизации алгоритма необходимого правового реагирования на злоупотребления правом. Фокус критического анализа направлен на представителей процессуального права российской науки.

Ключевые слова: *юридический позитивизм, конституционное правопонимание, злоупотребление правом, субъективные процессуальные права и обязанности.*

В 2025 г. российская юридическая наука могла бы отметить своеобразный «юбилей». Именно на рубеже третьего тысячелетия в отечественном правоведении была стремительно и широко актуализирована проблематика явления, определяемого как злоупотребление правом. Во всяком случае, впечатляет как число научных публикаций и успешно защищенных диссертаций по этому вопросу в нулевые годы XXI в., так и в целом согласие их авторов (независимо от научной специализации) в чрезвычайной опасности повсеместного роста числа злоупотреблений правом и, соответственно, достоверной актуальности намерений научного прояснения природы этого социально-деструктивного явления, столь «демонстративно» несовместимого с идеалом современного правопорядка, и выработки юридических мер противодействия ему и его предупреждения [8]. «Юбилейных» торжеств, однако, не случилось. Отмеченный рост профильных научных разработок в нулевые годы оказался своего рода

¹ Статья подготовлена при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

«девятым валом», за которым наступил период выраженного спада публикационной активности. В наибольшей мере это касается молодых авторов, реализовавших прагматические цели и, не исключено, оставшихся в неведении о подлинной «новизне» своих разработок. Вместе с тем ученые, предложившие труды достаточно глубокие и даже концептуально артикулированные, также все менее проявляют заинтересованность первоначального («искреннего») характера. И говорят (пишут) они уже преимущественно о «частных случаях» [13] и особенных или исключительных формах, видах, «схемах» воплощения того, что в целом остается критично дискуссионным и далеко не общепризнанным. При том что «снежный ком» злоупотреблений правом меньше отнюдь не становится, скорее напротив, явление это уверенно прогрессирует количественно и «качественно», и связанные с ним проблемы тем более ждут своего решения.

Не исключено, что выраженный диссонанс обозначенного выше положения дел в разнообразных сферах общественных отношений и его спекулятивного юридического отражения коренится в рефлексиях научного правосознания, доходящего «внутри себя» до серьезных (как минимум) сомнений в наличии поводов для «гордости за проделанную работу». Возможно, впрочем, что все обстоит ровно наоборот, и признанные авторитеты в области теории злоупотреблений правом перешли в режим факультативных уточнений, поскольку убеждены в безупречности своих исходных построений и выводов. Как бы там ни было, мы полагаем уместным и важным, в научном и практическом отношении, еще раз обратить внимание на те онтологические и гносеологические спецификации их научного позиционирования, которые характеризуют приверженность юридическому позитивизму (эклектическому неопозитивизму) и потому делают принципиально невозможным научное содействие реализации единственно эффективной стратегии противодействия злоупотреблениям правом, которая вырабатывается на основе конституционного правопонимания и получает необходимую легитимацию в практике Конституционного Суда Российской Федерации.

Выделив уточнение «еще раз», мы не умаляем значимости собственных притязаний на «окончательную истину» в затрагиваемом вопросе, поскольку таковыми не обременены. Конституционное правопонимание равноудалено от всех догматов, в том числе позитивистских и тяготеет к апофатической гносеологии. Такую установку «санкционирует» неисчерпаемость эксплицитных и имплицитных значений (смыслов) и уникальность свойств источника научного «вдохновения» и всей системы права – текста Конституции РФ. Важно тем не менее подчеркнуть, что доводы о заведомой несостоятельности любых позитивистских концепций злоупотребления правом высказывались нами ранее в разгар соответствующей полемики,

причем с позиций общей конституционной теории права [11]. И даже были обобщены в издании, не без умысла определенном как «учебное пособие» [10]. Услышаны они «благоразумно» не были. Позитивизм не может прислушиваться к аргументам, ставящим под сомнение аксиомы и логику такого нормативного регулирования, при котором содержательная полнота права признается лишь до момента, пока она вмещается в рамки формальной определенности (закона), с одной стороны, и сохраняет примат самодостаточности по отношению к иным социальным регуляторам (включая ценности и цели), с другой стороны. Между тем, злоупотребление правом – не конструкт, а деятельный акт, чуждый и враждебный праву не формальному, а живому, органичному в своей всеобъемлющей полноте главным потребностям человеческого духа и интенциям здорового сознания. Поэтому позитивизм сказать ничего «внятного» о злоупотреблении правом не может, а когда все же начинает – по необходимости или недоразумению, – то говорит «и вяло, и темно» (Д. Самойлов), постоянно сбиваясь на повторы и впадая в противоречия. Задача настоящей публикации собственно и сводится уже не к тому, чтобы вновь попытаться убедить в несостоятельности аконституционных теорий злоупотребления правом, но показать «родовые» пороки таких высказываний, предлагая тем самым подумать и о конституционализации научно-правового дискурса в контексте формирования судебного конституционализма [3].

И еще одно пояснение: поскольку объем статьи допускает лишь узкую фокусировку предмета содержательного критического анализа, мы решились ограничиться трудами некоторых представителей современной отечественной науки процессуального права, как сообщества, возможно, наиболее строгих приверженцев классической рациональности в юриспруденции.

Научная дискуссия о злоупотреблении правом открывает то предопределяющее обстоятельство, что ученые-процессуалисты не имеют (с чем они, конечно, не согласятся) своей теоретико-правовой платформы. (Что, впрочем, еще не равно недостатку.) Их специальные (отраслевые) суждения о праве и его сущности опираются на сложную догматическую конструкцию, в которой больше эклектики, чем синтеза. Отчасти она фундирована государственно-волевой трактовкой природы права, доходящей в неопозитивизме до идеала верховенства закона, что особенно благополучно проецируется на область публичного права (к которой изначально «приписано» право процессуальное). Отчасти, однако, процессуалисты вынуждены (во всяком случае, если заходит речь о злоупотреблении правом) обращаться к идеям ученых-цивилистов, как, преимущественно, апологетов частного права. Именно цивилисты, многие из которых заявили о себе и как крупные теоретики права, внесли наибольший вклад в разработку теории субъективных гражданских прав и интересов (понемногу редуцированных до понятия

«законный интерес»). Цивилисты же первыми осознали, что абсолютизация ценности субъективного гражданского права (включая сферы личной и экономической свободы) ведет к логическому тупику, в котором понятие «злоупотребление правом» фигурирует либо как оксюморон [12, с. 160], либо как термин сугубо условный даже с позиций советского легизма [2, с. 429].

Концепция и широко цитируемое определение классика цивилизма В.П. Грибанова ярко отражают указанные трудности [7, с. 63–64]. Предложенное им «вспомогательное» понятие «пределы осуществления субъективных гражданских прав» из упомянутого тупика не выводит, но переводит проблему поиска выхода на следующий «уровень». Цивилисты «примиряются» с таким обоснованием постольку, поскольку им удастся ставить знак равенства между предметами гражданского и частноправового регулирования, попутно «приватизируя» и ключевое понятие добросовестности [4, с. 13]. Процессуалисты воспринимают такой пристрастный «рецепт» как универсальный, хотя им-то он и «противопоказан», учитывая, что подлинное правосудие, даже если речь идет о гражданско-правовых спорах или деликтах, есть функция публичной власти.

Так, один из авторитетных исследователей проблемы злоупотреблений правом в сфере гражданского судопроизводства А.В. Юдин, во-первых, фактически не проводит различия – в этом аспекте – между участниками гражданского процесса и судом, а во-вторых, понятие пределов осуществления процессуальных прав номинально заменяет условиями их реализации, умышленное недобросовестное нарушение которых трактуется как «имитация» или «искусственное создание юридических фактов гражданского процессуального права, с которыми связывается наступление правовых последствий в виде совершения судом определенных процессуальных действий (бездействия)» [18, с. 10]. Вопросы о том, как очевидно противоправная «имитация» проецируется на гипотезу непосредственно судебной (судейской) активности (действий или бездействия), а также, что к добавляет к составу правонарушения умышленная недобросовестность его субъекта, – остаются без ответа. Тем более когда злоупотреблениями правом называют случаи прямого нарушения законодательных положений о недопустимости неосновательного иска (ст. 99 Гражданского процессуального кодекса РФ) [20, с. 112] или подачу в суд заявления от мнимых истцов как элемента состава уголовного преступления [19, с. 191]. Справедливое допущение и констатация, того, что злоупотребить можно любой закрепленной процессуальным законодательством возможностью «дискредитируется» полным смещением процессуальных правонарушений и злоупотреблений правом.

Спустя около четверти века после диссертационных публикаций А.В. Юдин признал, что столь «активное» использование инструментария противодействия процессуальным злоупотреблениям правом «чревато размыванием юридических границ категорий "добросовестность" и "злоупотребление"», и тем самым «актуализирует задачу по размежеванию злоупотреблений с иными процессуально-правовыми явлениями» [21]. Что ж, лучше поздно... Но как провести такое межевание, если остается непререкаемым авторское определение злоупотребления процессуальными правами «как особой формы гражданского (арбитражного) процессуального правонарушения», которые «должны влечь применение мер процессуального принуждения»?

Есть и еще один вопрос, предлагаемый ответ на который, скорее, озадачивает. Ученый обращается к известной позиции Верховного Суда РФ для пояснения «ошибочности» квалификации форм процессуального поведения со ссылкой на «привлекательную» ст. 10 ГК РФ, в виду необходимости строгого разграничения в действиях сторон того, что имеет отношение либо к материальному, либо – к процессуальному праву (как к закону). При чем такая возможность отвергается ученым безоговорочно, включая «ссылки по аналогии права». Однако поскольку в действительности Верховный Суд РФ подчеркнул системную правоприменительную связь ряда нормативных положений Арбитражного процессуального кодекса РФ и ст. 10 Гражданского кодекса РФ [14], постольку его допущение «нетривиально» характеризуется как «актуализация последствий материального злоупотребления». Чем такая актуализация отличается от применения последствий злоупотребления правом (точнее, противодействия реализации намерения) – не поясняется. Как и то, почему заключение соглашения об изменении территориальной подсудности является актом реализации материального права. И хотя сам по себе сопутствующий общий довод А.В. Юдина о том, что «процессуальное злоупотребление может служить продолжением злоупотребления материального», отчасти справедлив, остается догадываться о связи предлагаемого процессуального казуса с «ошибочной» квалификацией злоупотребления правом.

Небезупречна и логика сопутствующего утверждения о принципиальной невозможности квалификации в качестве злоупотребления правом факта неисполнения участником (стороной) судопроизводства своей, отчетливо определенной в законе процессуальной обязанности. Здесь нет повода для научной рефлексии, как, впрочем, не приводятся и примеры из судебной практики. Хотя соответствующая «авторитетная» аргументация в целом известна и воспроизводит риторику Европейского Суда по правам человека [1].

Неслучайно, как нам думается, в последних по времени работах известного процессуалиста недобросовестность сторон спора, «состоящая в имитации судебного процесса для достижения каких-либо противоправных целей», с понятием злоупотребления правом лексически уже не связывается [17].

Научное признание получила в свое время попытка Я.В. Греля (специалиста, имеющего непосредственное отношение к судебной практике), дать комплексное обоснование природы злоупотреблений процессуальными правами, отправляясь от доктринального догмата о «противоречиях между формальной определенностью норм закона и потребностью справедливого правового регулирования» [5, с. 6]. В очередной раз это свелось к поиску «дополнительных критериев, образующих пределы права», а концептуальной новизной – применительно к обычным (цивилистическим и частноправовым) аргументам – стала «цель процесса в правильном и скором разрешении дела». Автор упустил из виду главное: необходимость обосновать, каким образом такая – объективно-правовая – цель оказывается «внутри» субъективного процессуального права, и без каких-либо пояснений заключил, что «некоторые виды недобросовестного осуществления процессуального права на уровне закона возводятся в ранг правонарушения», за совершение которого «могут предусматриваться специальные меры ответственности» [5, с. 8–9]. При этом упомянутый видовой критерий в обосновании отсутствует, точнее – подменяется заурядным позитивистским правом законодателя. Важное замечание о «разной амплитуде» действия общей оговорки процессуальной добросовестности, концептуального развития не получает, хотя именно здесь мог бы состояться переход к конституционному правопониманию.

Так же как многие исследователи вопроса, после защиты диссертации Я.В. Грель о злоупотреблении правом в литературе практически не высказывается, даже там, где это было бы вполне уместным. Например, применительно к значению принципа разумного срока как одного из ключевых элементов права на справедливое судебное разбирательство [6].

Не помогает утвердить процессуальную истину о сущности злоупотреблений правом и методология компаративизма [9, 15], хотя обращение к опыту правовой системы такой страны, как Германия выглядит оправданным, учитывая исторические связи и научный авторитет в России немецкой теоретико-правовой традиции и теории и практики конституционализма [1]. Показательно, что общие представления по названной проблеме сложились в Германии в результате противоборства двух юридико-идеологических течений: «либерального», выступавшего за диктат личности, и «социального», настаивавшего на примате общественных интересов в гражданском судопроизводстве [1, с. 7–8]. И представления эти предвосхищают

современные находки российских ученых, поскольку речь идет о примате целей гражданского процесса, к которым относится защита частных и публичных интересов, а также сохранение мира и общественного порядка. Любое злоупотребление процессуальным правом входит в противоречие с такими целями, чему противостоит обязанность каждой стороны добросовестно осуществлять свои права. Поэтому именно добросовестность (а не формальная законность) признается основным принципом как гражданского процессуального права, так национального правопорядка в Германии [1, с. 9, 15, 19–20].

Казалось бы, понемногу все становится на свои места. Далее, однако, перспективу научной рецепции «затемняет» то обстоятельство, что в юридической практике Германии выделяют четыре формы недобросовестного поведения, среди которых помещается и злоупотребление процессуальными полномочиями, но наряду с другими, вполне конкретизированными нарушениями процессуальных запретов. Не раскрывают искомого общего понятия и последующая конкретизация видов злоупотребления правом на иск, а также еще одна доктринальная инновация: «обход закона» [1, с. 16–18]. Позитивистское дробление и классификация внешних форм нарастают, точно так же, как в «собственных» исследованиях российских ученых, вплоть до объявления, казалось бы, общеправового (межотраслевого) принципа добросовестности вначале гражданским, а затем и «материально-правовым по своей природе», что исключает «возможность его прямого действия применительно к процессуальным правоотношениям».

Стоит отдать должное В.О. Аболонину, который с редко присущей отечественным процессуалистам склонностью обращается и к конституционной аргументации. В положениях ч. 3 ст. 17 Конституции РФ ученый справедливо находит связь с доктринальной посылкой немецких ученых о возможности применения «идеальной конструкции “правового единства”», согласно которой допускается взаимное влияние гражданского и гражданского процессуального права в некотором ограниченном числе случаев, одним из которых является злоупотребление правом» [1, с. 8. 20–24]. Уточним только, что применяться этот конституционный принцип судами не может, а должен, и не «по аналогии с принципом добросовестности в § 242 ГК Германии», и не как исключение, а всюду, где этого требуют цели признания и обеспечения российских конституционных ценностей, в том числе, как они определены в стратегически значимом Указе Президента РФ [16], и как (включая конституционные права, свободы и интересы) обуславливают системно-структурное единство российского национального правопорядка.

В завершение повторим, что выбор для критического анализа проблематики злоупотреблений правом только работ ученых-процессуалистов продиктован сугубо прагматическими соображениями

и предлагаемые оценки во многом остались бы теми же в случае обращения к трудам представителей других юридических наук. Общий дефицит конституционного правопонимания и примат формального неопозитивизма в отечественном правоведении не позволяют уйти от противоречий и непоследовательности в суждениях о природе злоупотреблений правом, их отграничении от правонарушений и иных юридически значимых деяний, универсальных критериях идентификации, а также о мерах и алгоритме необходимого противодействия легально-токсичным (неконституционным) актам и притязаниям, заявляющим о себе во всех сферах жизни. Изменить такое положение дел можно только в контексте конституционализации отечественной правовой системы, включая юридическую науку и практику.

Список литературы

1. Аболонин В.О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 27 с.
2. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. 1946. № 6. С. 425–436.
3. Бондарь Н.С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 5–27.
4. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 43 с.
5. Грель Я.В. Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006. 27 с.
6. Грель Я.В. Новации о разумном сроке в контексте эффективности судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Серия Право. 2011. № 1. С. 20–23.
7. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2012. 414 с.
8. Зайцева С.Г. Злоупотребление правом как правовая категория (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 26 с.
9. Коренченко Р.Е. Процессуальная добросовестность: необходимость или излишество? (на примере законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан) // Российский судья. 2023. № 2. С. 54–57.
10. Крусс В.И. Злоупотребление правом: учеб. пособие. М.: Норма, 2010. 176 с.
11. Крусс В.И. Конституция и злоупотребления правом: современный контекст // Вестник ТвГУ. Серия: «Право». 2009. № 9, вып. 15. С. 67–75.
12. Малейн Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. 243 с.
13. Мельник В.Д. «Дробление» иска как частный случай злоупотребления процессуальными правами // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 7. С. 28–30.

14. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» (абз. 3 п. 17) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Приходько А.И. Подача явно необоснованной жалобы и злоупотребление правом подачи жалоб: подходы Европейского Суда и отечественная практика // Европейская интеграция и развитие цивилистического процесса в России: сб. научных статей. М., 2006. С. 71–81.

16. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Юдин А.В. Очерк 7. Обязанность доказывания в контексте правомерности заявленных исковых требований и возражений // Очерки современного цивилистического процесса: In Мемориал заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Тамары Евгеньевны Абовой / Д.Б. Абушенко, Т.К. Андреева, С.Ф. Афанасьев и др.; под ред. Е.И. Носыревой, И.Н. Лукьяновой, Д.Г. Фильченко. М.: Статут, 2023. 324 с.

18. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2009. 47 с.

19. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 360 с.

20. Юдин А.В. «Злоупотребление правом на обращение» по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц // Журнал российского права. 2006. № 10. С. 108–114.

21. Юдин А.В. Разграничение злоупотреблений процессуальными правами в цивилистическом процессе со смежными правовыми явлениями // Закон. 2022. № 7. С. 30–38.

Об авторе:

КРУСС Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4253-0971, e-mail: t-prava@yandex.ru

Abuse of rights and the inevitable contradictions of positivist discourse

V.I. Kruss

Tver State University, Tver

The article substantiates the fundamental failure of attempts by domestic legal scholars to reveal the nature of the phenomenon of abuse of law and to develop convincing recommendations for countering the growing expansion of such acts in the Russian legal system. From the standpoint of constitutional legal understanding, the reason for what is happening is the fundamental

unwillingness of the authors to abandon the dogmatics of neopositivist legal understanding, coupled with the methodology of classical rationality, which determine the internal contradictions of the corresponding scientific judgments and conclusions. The consequences of legal formalism also turn out to be mutually exclusive and equally untenable arguments on issues of the relationship between abuses of law and offenses, countermeasures and legal liability, as well as the optimization of the algorithm of the necessary legal response to abuses of law. The focus of the critical analysis is on representatives of Russian procedural law science.

Keywords: *legal positivism, constitutional legal understanding, abuse of rights, subjective procedural rights and obligations.*

About author:

KRUSS Vladimir – the doctor of Law, professor, Head of the Department of Theory of Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: t-prava@yandex.ru

Крусс В.И. Злоупотребление правом и неизбежные противоречия позитивистского дискурса // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2025. № 3 (83). С. 66–75.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Заведомо ложный донос: дискуссионные вопросы характеристики субъекта и субъективной стороны

Е.А. Мельников

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва

В доктрине существует ряд дискуссионных вопросов относительно субъекта заведомо ложного доноса. В частности, высказываются различные точки зрения относительно того, может ли субъектом заведомо ложного доноса выступать лицо, имеющее уголовно-процессуальный статус обвиняемого (подозреваемого). Автор приходит к выводу, что такие лица в определенных случаях могут быть субъектами рассматриваемого преступления. В статье проанализированы вопросы возможной квалификации действий лица, который совершает заведомо ложный донос в целях самозащиты. Показано, что на квалификацию действий такого лица может оказывать влияние его уголовно-процессуальный статус, а также характер заведомо ложного доноса. Даны предложения по квалификации действий лиц, объединившихся для совершения преступления, предусмотренного ст. 306 Уголовного кодекса РФ, которые распределяют роли между собой, но заявление о преступлении подают только некоторые из них или одно лицо. Автор делает вывод, что при определенных обстоятельствах данные лица могут рассматриваться как соисполнители.

Ключевые слова: заведомо ложный донос, преступления против правосудия, субъективная сторона преступления, субъект преступления, состав преступления, пособник, подстрекатель, организатор.

Субъект заведомо ложного доноса условно общий, т. е. лицо, достигшее возраста 16 лет на момент совершения преступления. Однако в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда России такое лицо должно быть официально предупреждено об уголовной ответственности, установленной ст. 306 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)¹ [1].

В некоторых работах, посвященных рассматриваемой проблематике, предлагается снизить возраст субъекта преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ, по аналогии с преступлением, предусмотренным ст. 207 УК РФ, до 14 лет [20]. Аргументы в пользу такого решения выглядят неубедительными. Стоит учитывать, что критерием определения пониженного возраста уголовной ответственности прежде всего должен

¹ Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» (далее – ППВС РФ № 20) [24].

выступать фактор очевидности неблагоприятных общественно опасных последствий совершенного деяния, а не категория преступления или, как в данном случае, аналогия со специальной нормой. Представляется, что общественно опасные последствия заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ) для 14-летнего не столь очевидны, как последствия заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), когда в целях проверки такого сообщения в ряде случаев парализуется или существенным образом нарушается деятельность организации или, например, объектов транспортной инфраструктуры.

Представляет интерес вопрос о возможности привлечения по ст. 306 УК РФ лица, совершившего преступление, имеющего уголовно-процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого (подсудимого), когда заведомо ложный донос делается им в ходе осуществления уголовного судопроизводства по делу в целях самозащиты. Очевидно, что вышеперечисленные субъекты не могут быть привлечены к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ.

С момента принятия УК РФ судебная практика долгое время придерживалась позиции, что подозреваемый, обвиняемый (подсудимый) не могут рассматриваться как субъекты ложного доноса, в случае, если такой донос совершен в целях защиты [25, 28, 30]. Подобная позиция разделялась и в некоторых доктринальных источниках [10; 17, с. 64].

Примечательно, что когда заведомо ложный донос подавался лицом, не имеющим процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого (подсудимого), в целях превентивной защиты, чтобы скрыть совершенное им преступление, суды, наоборот, в ряде случаев усматривали в таком деянии наличие состава преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ [23, 31]. В рассматриваемых случаях в отношении указанных лиц не осуществлялось каких-либо процессуальных действий, затрагивающих их права и свободы, и соответствующие заявления были даны за рамками уголовного судопроизводства по конкретному делу. В некоторых работах, посвященных данной проблематике, поддерживается идея, что ложный донос в целях «самозащиты» может быть сделан исключительно лицом, имеющим процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого (подсудимого) [5, с. 52].

Однако в современной уголовно-процессуальной науке наряду с концепцией формального обвинения существует концепция материального обвинения – когда уголовное преследование фактически осуществляется в отношении лица без наделения его соответствующим процессуальным статусом обвиняемого (подозреваемого), в связи с чем данное лицо наделяется соответствующими процессуальными права и гарантиями. Отдельные элементы данной концепции интегрированы и в

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (см. п. 5–6 ч. 3 ст. 49, ст. 144 в части «лица, подозреваемого в совершении преступления»), хотя, безусловно, говорить о том, что уголовное судопроизводство в России исходит из концепции материального обвинения, преждевременно [2]. Вместе с тем при разрешении вопроса о признании действий лица как действий, совершенных в целях защиты от уголовного преследования, по нашему мнению, следовало бы руководствоваться не формальным процессуальным статусом такого лица, а наличием или отсутствием в отношении него действий, свидетельствующих о его фактическом уголовном преследовании.

В последние 10–15 лет концепция о возможности самозащиты подозреваемого, обвиняемого (подсудимого) от уголовного преследования путем совершения заведомо ложного доноса была пересмотрена. В частности, в научных работах отмечалось, что право на защиту должно реализовываться указанными лицами только такими способами, которые не противоречат закону [3, с. 171; 7, 9] и тем более не затрагивают права и законные интересы иных лиц (когда ложный донос осуществляется в отношении конкретного заведомо невиновного лица) [4, 14; 18, с. 151]. На отсутствие у обвиняемых неограниченного права использовать любые аргументы в целях своей самозащиты также указывалось в практике Европейского суда по правам человека [11, с. 7; 15, с. 22].

По данному вопросу сформировал свою позицию и Конституционный Суд Российской Федерации, который отметил, что «наделение гражданина правом представлять доказательства в свою защиту от подозрения или обвинения в совершении преступления не означает возможности его реализации незаконными, в том числе преступными, средствами. Обвиняемый вправе в целях своей защиты либо хранить молчание, либо давать показания таким образом, чтобы с очевидностью не нарушать права других лиц, не прибегать к запрещенным законом способам защиты. В случае заведомо ложного доноса о совершении преступления виновный посягает не только на интересы правосудия, но и на права личности, умаляя ее достоинство. Следовательно, такие действия лица, хотя и предпринятые в качестве инструмента своей защиты, не могут рассматриваться как допустимые, предусмотренные УПК РФ, согласно которому обвиняемый вправе защищаться средствами и способами, не запрещенными данным Кодексом, возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний (пункты 3 и 21 части четвертой статьи 47), а также противоречат положениям статей 17 (часть 3) и 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации» [22].

Рассмотрим пример. В организации тяжкого преступления гражданин Ш. обвинил заведомо невиновного для него человека – главу

администрации города Сибая Республики Башкортостан. В связи с нарушением прав и законных интересов третьего лица действия Ш. не были признаны судами как законный способ защиты. Деяние, совершенное Ш., было квалифицировано по ч. 2 ст. 306 УК РФ.

Однако, как квалифицировать совершение ложного доноса подозреваемым (обвиняемым) без указания на конкретное лицо? Например, в целях защиты подозреваемый (обвиняемый) может указать, что орудие преступления или иное вещественное доказательство по делу были у него похищены неустановленными лицами еще до совершения вменяемого ему преступления, и в связи с этим подать заявление о преступлении в установленном законодательством порядке. Представляется, что в данном случае заявитель, имеющий статус подозреваемого (обвиняемого) по другому уголовному делу, в связи с расследованием которого и подано соответствующее заявление о преступлении, не должен рассматриваться как субъект преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ. Указанное деяние близко по содержательной части другому способу воспрепятствования осуществлению правосудия – уничтожению лицом, совершившим преступление, следов преступления или предметов, которые могли бы в последующем стать доказательствами по уголовному делу. Однако за указанные действия лицо, совершившее преступление, привлечено быть не может (если, конечно, в результате таких действий не было совершено иного преступления).

Таким образом, по нашему мнению, если заведомо ложный донос без указания на конкретное лицо совершается лицом до начала фактического осуществления в отношении него уголовного преследования, то следует исходить из того, что данное деяние посягает на авторитет правосудия, и такое лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 306 УК РФ, вне зависимости от целей и мотивов, которыми оно руководствовалось, совершая ложный донос.

Однако, если заведомо ложный донос без указания на конкретное лицо исходит от лица, совершившего преступление, в условиях его фактического уголовного преследования в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, то к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 306 УК РФ, оно привлекаться не должно. При этом ложное сообщение должно содержать информацию о преступлении, которое каким-то образом связано с преступлением, по факту совершения которого в отношении доносителя фактически осуществляется уголовное преследование. В противном случае такие действия подозреваемого (обвиняемого) должны рассматриваться как посягательство на авторитет правосудия и вести к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 306 УК РФ. Также следует учитывать, что заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) и лжесвидетельство (ст. 307 УК РФ) имеют различные непосредственные

объекты посягательства. Поэтому заведомо ложный донос не может рассматриваться как приготовление к лжесвидетельству и не может поглощаться последним в случае выполнения его объективной стороны. Стоит согласиться с позицией Верховного Суда России, что действия лица, совершившего заведомо ложный донос и впоследствии давшего заведомо ложные показания в ходе производства по уголовному делу, возбужденному по его заявлению, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 306 и 307 УК РФ (п. 22 ППВС РФ № 20) [13].

Стоит отметить, что до указанных разъяснений правоприменительная практика, в том числе самого Верховного Суда РФ, придерживалась иной позиции:

«При таких обстоятельствах предъявление к лицу, допрашиваемому в качестве потерпевшего, требования дать правдивые показания означает возложение на него обязанности изобличить самого себя в совершении преступления под угрозой уголовного преследования по ст. 307 УК РФ.

Несмотря на то, что дача заведомо ложных показаний в ходе предварительного расследования и имела место, и нашла свое подтверждение, она не образует состава преступления, так как фактически явилась средством защиты от обвинения в заведомо ложном доносе, то есть другого преступления.

Между тем ст. 51 ч. 1 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом, в связи с чем привлечение Х. к ответственности по ч. 2 ст. 307 УК РФ явилось нарушением этой конституционной нормы, гарантирующей право гражданина не свидетельствовать против себя» [29].

Представляет интерес ситуация, когда в целях совершения преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 306 УК РФ, объединяется несколько лиц, которые распределяют роли между собой, но заявление о преступлении подают только некоторые из них или одно лицо. В рассматриваемом случае действия лиц, непосредственно не подающих заявление о преступлении, могут заключаться в том числе в подготовке искусственных доказательств обвинения для создания видимости реальности события преступления в целях подачи заведомо ложного доноса иным лицом. В правоприменительной практике есть разные подходы к квалификации действий лиц в описанной ситуации.

Встречаются примеры, когда в зависимости от роли каждого лица их действия в рассматриваемой ситуации квалифицируются по ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 306 УК РФ (организация), ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 306 УК РФ (пособничество – в части создания искусственных доказательств обвинения в целях последующей подачи иными лицами заведомо ложного заявления о преступлении). И лишь действия лица (лиц),

непосредственно подавшего заявление о преступлении, – по ч. 3 ст. 306 УК РФ [26].

В других случаях суды действия лиц, которые непосредственно не подавали заявление о преступлении, но принимали участие в искусственном создании доказательств обвинения в целях последующего совершения заведомо ложного доноса иным лицом, не рассматривают как какую-либо форму соучастия в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 306 УК РФ.

Так, по одному из дел судом было установлено, что несколько человек, включая доносителя, совершили действия, направленные на имитацию похищения доносителя, т. е. предприняли действия по созданию искусственных доказательств обвинения. В последующем доноситель подал заявление о совершении в отношении него преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ. Его «сообщник» в качестве свидетеля дал показания в ходе производства по уголовному делу. При этом действия этого лица не были ограничены простым лжесвидетельством. Оно также помогало симитировать похищение лжепотерпевшего в целях создания видимости преступления. Суд в данном случае квалифицировал действия лжепотерпевшего по ч. 3 ст. 306 УК РФ, а его «сообщника» лишь по ч. 2 ст. 307 УК РФ, не усмотрев даже пособничества в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 306 УК РФ [32].

В ряде случаев правоприменительная практика в последнее время следует логике, когда непосредственное участие в преступлении (ч. 2 ст. 33 УК РФ) больше не рассматривается как единственная форма выполнения объективной стороны преступного деяния [8]. В данных случаях речь идет об умышленных действиях лиц, непосредственно направленных на совершение преступления, но формально в объективную сторону преступного деяния не входящих. О таких действиях, в частности, упоминается в ч. 3 ст. 30 УК РФ. Именно такие действия в ряде случаев включаются правоприменительной практикой в объективную сторону преступного деяния при квалификации соисполнительства [8].

С учетом сказанного считаем рассмотренные выше квалификации деяний «сообщников» не в полной мере верными. По нашему мнению, действия лиц, непосредственно не подающих заявление о преступлении, но участвующих в создании искусственных доказательств обвинения для создания видимости реальности события преступления в целях подачи заведомо ложного доноса иным лицом, следует квалифицировать по ч. 3 ст. 306 УК РФ, а не как пособничество, или не квалифицировать в принципе.

Возможность такой квалификации подтверждают некоторые примеры из судебной практики.

Апелляционная судебная инстанция подтвердила доказанность вины осужденного К. в совершении преступления и правильность квалификации его действий по ч. 3 ст. 306 УК РФ. При этом суд признал несостоятельным высказанное в апелляционной жалобе суждение К. о том, что в правоохранительные органы о похищении ребенка сообщил не он, а его жена Ш., она же написала заявление об этом, поэтому в его действиях нет состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 306 УК РФ. Как правильно установлено судом первой инстанции, все действия, направленные на инсценировку похищения, осужденный Кулагин совершил по ранее разработанному плану с осужденной Ш. После инсценировки похищения своей малолетней дочери в соответствии с разработанным планом Ш. непосредственно сообщила о похищении ребенка неизвестным лицом правоохранительным органам. При таких обстоятельствах в действиях осужденного К. усматривается состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 306 УК РФ [27].

Преступление, предусмотренное ст. 306 УК РФ, может быть совершено только умышленно, на что указывает признак «заведомости» ложного доноса. Преступление характеризуется только прямым умыслом, на что указывает сам термин «заведомость» ложного доноса.

При заведомо ложном доносе лицо сообщает о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении, при этом фактические обстоятельства дела, касающиеся события преступления и (или) лиц, его совершивших, заведомо для доносителя не соответствуют действительности [16, с. 164]. Добросовестное заблуждение доносителя относительно ложности сведений, содержащихся в доносе, исключает возможность его привлечения к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 306 УК РФ. Аналогичный подход к квалификации деяния действует и в случаях сообщения о возможных или свершившихся актах терроризма (ст. 205.6, 207 УК РФ).

Особого внимания заслуживает ситуация, когда в основе заявления о преступлении лежит личная субъективная оценка заявителем обстоятельств дела. В этом плане показателен следующий пример:

«Судебным следствием установлено, что ссора между К. и А. действительно происходила, и последний высказывал слова, которые К. восприняла как угрозу в будущем. Эти обстоятельства она указала в заявлении и в дальнейшем подтвердила при допросе в качестве потерпевшей, поэтому суд пришел к правильному выводу о том, что К. не желала и не сообщала в правоохранительный орган ложных сведений» [21, с. 949].

В ст. 306 УК РФ отсутствует указание на цель и мотивы ложного доноса. Вместе с тем установление цели данного деяния имеет значение для квалификации, например, для разграничения со смежными составами в случае самоговора. Определение цели ложного доноса также имеет значение для разрешения вопроса о привлечении к уголовной

ответственности по ст. 306 УК РФ подозреваемого (обвиняемого), совершившего ложный донос без указания на конкретное лицо, в целях самозащиты.

Также при заведомо ложном доносе в отношении конкретного лица требуется установление наличия цели на привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного лица. Подобный вывод поддерживается правоприменительной практикой [27]. При этом в доктрине отмечается, что цели действий доносителя могут различаться в зависимости от ситуации. В частности, когда доноситель сообщает, что к нему применялось насилие, под воздействием которого он оговорил себя, он преследует цель избежать уголовной ответственности путем оговора сотрудников правоохранительных органов. В данном случае доносителю безразлично, привлекут ли их реально к уголовной ответственности или нет. Ложный донос используется как средство достижения цели [6, с. 17].

В законодательстве некоторых иностранных государств корыстный мотив или низменные побуждения рассматриваются как квалифицирующие признаки ложного доноса [12]. Корыстный мотив рассматривался как квалифицирующий признак ложного доноса в УК РСФСР 1926 года (ст. 95).

В правоприменительной практике встречаются случаи, когда заведомо ложный донос совершается в отношении сотрудников правоохранительных органов (вымогательство взятки, применение незаконного насилия в целях получения показаний или признания вины и т. д.). Зачастую в таких ситуациях возможности для доказывания сильно ограничены. В ряде случаев есть только заявление о преступлении и объяснения сотрудников правоохранительных органов, данные ими в ходе проверки этого заявления. Другими словами, как поступать в ситуации, когда доказывание осуществляется по модели «слово против слова»? В этом аспекте показателен следующий пример:

М. подал в правоохранительные органы заявление о возбуждении уголовного дела в отношении старшего следователя <...> С. по ст. 163 УК РФ якобы за то, что в ходе личного приема последний потребовал у него за прием и регистрацию заявления в отношении Председателя Верховного Суда РФ деньги в размере 5 тыс. долларов США.

По заявлению М. в отношении следователя С. была проведена проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, по результатам которой вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием события преступления. Одновременно в отношении М. было возбуждено уголовное дело в связи с заведомо ложным доносом в отношении следователя С. Приговором Басманного районного суда г. Москвы от 21.12.2010 г. по делу № 1-361/11 М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 306 УК РФ [19].

Фактически в данном деле и в ряде подобных случаев недоказанная причастность (виновность) сотрудника правоохранительных органов

отождествляется органами следствия и судом с доказанной непричастностью (невиновностью) данного сотрудника. В противном случае привлечь заявителя к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 306 УК РФ было бы невозможно. Представляется, что практика применения такого стандарта доказывания по указанной категории дел требует внимания со стороны Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Адаменко В.Д. Охрана свобод, прав и интересов обвиняемого. Кемерово: Кемеров. книжн. изд-во, 2004. 270 с.
4. Баев О.Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий: проблемы и возможные решения) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Блинников В.А., Устинов В.С. Лжесвидетельство: уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. 340 с.
6. Бриллиантов А. Заведомо ложный донос: вопросы квалификации // Уголовное право. 2014. № 3. С. 13–18.
7. Гончаров М. Заведомо ложный донос – не способ защиты // Законность. 2009. № 8. С. 31–32.
8. Данилов Д.О., Яни П.С. Соисполнительство (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору): позиция высшего судебного органа // Законность. 2020. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Дикарев И.С. Законные интересы обвиняемого // Государство и право. 2010. № 8. С. 55–62.
10. Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 33–35.
11. Нафиев С., Васин А. Право на защиту – не беспредельно // Законность. 1999. № 4. С. 5–7.
12. Петрова Г.О. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос в России и за рубежом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Скрипченко Н.Ю. Квалификация преступлений против правосудия в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2023. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Смолин С. Ответственность подозреваемого (обвиняемого) за заведомо ложный донос // Законность. 2012. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Смолькова И.В. Должен ли обвиняемый нести уголовную ответственность за оговор заведомо невиновного лица? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 3 (78). С. 15–25.

16. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.Я. Дорохов, Л.М. Карнеева, и [др.]; Отв. ред. Н.В. Жогин М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.

17. Фаргиев И. Заведомо ложный донос (актуальные вопросы судебной практики) // Уголовное право. 2007. № 5. С. 61–66.

18. Федоров А.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации) / отв. редактор А.И. Чучаев. Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2004. 284 с.

19. Цветков Ю.А. Заведомо ложный донос: соотношение материального и процессуального // Мировой судья. 2017. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Цветкова Е.В. Ограничение прав несовершеннолетнего при подаче заявления о совершенном преступлении // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 638–640.

21. Энциклопедия уголовного права. Т. 28. Преступления против правосудия. Издание профессора Малинина. СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС. СПб., 2017. 1124 с.

22. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2013 г. № 661-О // СПС «КонсультантПлюс».

23. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 г. № 1818-О // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // СПС «КонсультантПлюс».

25. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.06.2010 г. № 83-Д10-2 // СПС «КонсультантПлюс».

26. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31.01.2012 г. № 48-О11-122 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 06.11.2013 г. № 83-АПУ13-13 // СПС «КонсультантПлюс».

28. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второе полугодие 1997 года (утв. постановлением президиума Верховного Суда РФ от 14.01.1998 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 4.

29. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 15.08.2012 г. по делу № 22-11076/12 // СПС «Гарант».

30. Кассационное определение Пермского краевого суда от 12.07.2011 г. по делу № 22-4394 // СПС «КонсультантПлюс».

31. Приговор Балахнинского городского суда Нижегородской области от 13.08.2012 г. // СПС «Гарант».

32. Приговор Преображенского районный суда г. Москвы по делу № 01-0714/17 [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/01cbac30-e80d-4510-bbb6-36fb032a9d22> (дата обращения: 03.07.2025).

Об авторе:

МЕЛЬНИКОВ Евгений Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы

государственного аудита ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы), SPIN-code: 6170-9104, Author ID: 7718546; e-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

Knowingly false denunciation: controversial issues of the subject and the subjective side

E.A. Melnikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

There are a number of controversial issues in the doctrine regarding the subject of a knowingly false denunciation. In particular, various points of view are expressed as to whether a person with the criminal procedural status of an accused (suspect) can be the subject of a knowingly false denunciation. The author concludes that such persons may in certain cases be the subject of the crime in question. The article discusses the issues of possible qualification of the actions of a person who commits a knowingly false denunciation in self-defense. It is shown that the qualification of such a person's actions can be influenced by his criminal procedural status, as well as the nature of a deliberately false denunciation. Suggestions are given on how to qualify the actions of persons who have joined together to commit a crime under Article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation, who assign roles to each other, but only some of them or one person file a crime report. The author concludes that under certain circumstances, these individuals can be considered as co-executors.

Keywords: *knowingly false denunciation, crimes against justice, the subjective side of the crime, the subject of the crime, the composition of the crime, an organiser, an instigator, an accessory.*

About author:

MELNIKOV Eugeny – PhD in Law, Associate Professor of the Department of economic and financial investigations of the Higher school of public audit of Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow, GSP-1, Leninskiye Gory), SPIN-code: 6170-9104, AuthorID: 7718546; e-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

Мельников Е.А. Заведомо ложный донос: дискуссионные вопросы характеристики субъекта и субъективной стороны // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 76–86.

Статья поступила в редакцию 15.07.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 347.965

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.3.087

К вопросу о создании государственного юридического бюро в регионе и его месте в системе бесплатной юридической помощи

С.А. Алешукина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье освещается генезис становления и развития государственных юридических бюро в различных регионах, их преимущества в вопросах оказания бесплатной юридической помощи в сравнении с остальными ее участниками. В подтверждение значимости и необходимости функционирования государственных юридических бюро в каждом регионе приведена статистика Минюста России за 2024 г. Методами исследования являются формальная логика, сравнение и системный подход.

Ключевые слова: *государственное юридическое бюро, бесплатная юридическая помощь, статистика.*

Вопрос создания государственного юридического бюро уже не первый год стоит на повестке дня различных совещаний и форумов региональных органов власти [4, 6], однако конкретные действия по реализации инициативы Минюста России о наличии государственных юридических бюро в каждом регионе РФ находятся еще только на первоначальном этапе. Вместе с тем проблема оказания правовой помощи и правового просвещения населения не теряет своей актуальности и требует консолидации усилий всех участников как государственной, так и негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи.

Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [1] (далее – 324-ФЗ) закрепляет достаточно разветвленную систему участников бесплатной юридической помощи (далее – БЮП), разделяя ее на государственную и негосударственную составляющие. К государственной системе участников БЮП относятся федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения, органы управления государственных внебюджетных фондов, государственные юридические бюро. Отдельно 324-ФЗ указывает на возможность участия в государственной системе адвокатов и нотариусов. В последующем данный перечень участников был дополнен

Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации и уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации. К участникам негосударственной системы БЮП относятся юридические клиники и негосударственные центры бесплатной юридической помощи. Стоит отметить особое положение государственных юридических бюро в сравнении со всеми иными участниками БЮП. Федеральные и региональные органы исполнительной власти, подведомственные им учреждения и органы управления государственных внебюджетных фондов осуществляют свои полномочия в пределах установленной законом компетенции и оказывают бесплатную юридическую помощь опосредованно в контексте своей деятельности. Нотариусы также оказывают бесплатную юридическую помощь гражданам, обратившимся за совершением нотариальных действий, исходя из своих полномочий путем консультирования по вопросам совершения нотариальных действий в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о нотариате. Адвокаты, участвуя в функционировании государственной системы бесплатной юридической помощи, руководствуются 324-ФЗ и Федеральным законом от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2]. Адвокаты участвуют в БЮП на основании «соглашений с государством», но их основная деятельность – платные услуги. Юридические клиники, создаваемые при образовательных организациях, участвуют в процессе правового просвещения и консультирования населения в целях формирования у студентов профессиональных навыков и профессиональной адаптации, обучения «работы юристом». Юридические клиники ориентированы в первую очередь на обучение студентов, а не системное оказание правовой помощи населению.

Деятельность всех указанных субъектов по оказанию бесплатной юридической помощи носит не самостоятельный характер, а вытекает из их профессиональных задач и является опосредованным результатом «повседневной работы», лишь одним из параллельных направлений деятельности. Государственные юридические бюро, в свою очередь, создаются исключительно и специально в целях оказания бесплатной юридической помощи населению и именно качество и количество случаев оказания БЮП является показателем результативности деятельности бюро. Вопрос создания государственных юридических бюро поднимался еще задолго до принятия 324-ФЗ. Так, первые государственные юридические бюро были созданы на основании постановления Правительства РФ от 22.08.2005 г. № 534 «О проведении эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам» в десяти субъектах Российской Федерации (Республика Карелия, Чеченская Республика, Волгоградская, Иркутская, Магаданская, Московская, Самарская, Свердловская, Томская и Ульяновская области) за счет

средств федерального бюджета» [3]. С принятием 324-ФЗ государственные юридические бюро подлежали передаче в срок до 31.12.2013 г. в ведение субъектов Российской Федерации, и к обозначенному сроку во всех десяти субъектах РФ они перешли в собственность субъектов, на территории которых располагались [7]. На сегодняшний день, по данным Минюста России, государственные юридические бюро созданы более чем в 50 субъектах РФ [8].

Государственные юридические бюро являются юридическими лицами, созданными в форме казенных учреждений субъектов Российской Федерации. Их штатная численность и объем финансирования определяются на уровне региона с учетом его потребностей и возможностей. Анализ данных по субъектам РФ показывает значительную диспропорцию в организации штата сотрудников ГКУ (табл. 1, рис. 1):

Таблица 1

Штатная численность сотрудников ГКУ по регионам

Регион	Штатная численность
Архангельская область	16 человек
Магаданская область	17 человек
Ненецкий АО	7 человек
Нижегородская область	30 человек
Новгородская область	5 человек
Пензенская область	11 человек
Свердловская область	14 человек

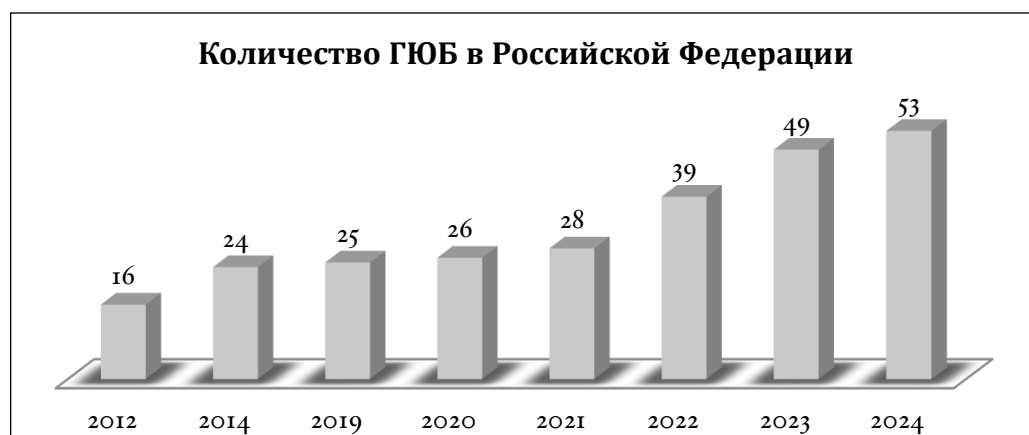

Рис. 1. Количество ГЮБ В РФ за 2012–2024 гг.

Такие различия обусловлены экономическими возможностями региона, потребностью в оказании бесплатной юридической помощи, политикой местных властей и иными факторами.

Фактическое количество сотрудников всех существующих в РФ государственных юридических бюро по состоянию на конец 2024 г. составляет 975 человек, при штатной численности 1 125 человек [5].

Статьей 17 Федерального закона № 324-ФЗ определено, что для обеспечения функционирования государственной системы бесплатной юридической помощи, а также для оказания гражданам бесплатной юридической помощи в соответствии с законами субъектов Российской Федерации могут создаваться государственные юридические бюро и (или) могут привлекаться к участию в государственной системе бесплатной юридической помощи адвокаты. Как следствие, в настоящее время сложилось три модели реализации положений данной статьи закона: в отдельных регионах бесплатную юридическую помощь оказывают только адвокаты, в других регионах – только государственные юридические бюро, в остальных субъектах задействованы как госюрбюро, так и адвокаты (смешанная модель).

Стоит отметить, что в тех регионах, где созданы государственные юридические бюро, они играют ключевую роль в системе БЮП, поскольку их деятельность полностью ориентирована на помощь социально незащищенным слоям населения. Можно выделить безусловные преимущества функционирования государственных юридических бюро в сравнении с иными участниками системы:

1. Организация рабочего места, пространства и тайминга. Сегодня практически во всех регионах без исключения проводятся дни бесплатной юридической помощи, организуемые под эгидой Ассоциации юристов России, территориальных управлений Минюста России и др. В качестве площадок приема и консультирования граждан выбираются общественные приемные высших должностных лиц и органов власти, где представители различных правоохранительных органов консультируют граждан по соответствующим вопросам. Юридические клиники как правило, консультируют граждан на площадках образовательных учреждений, библиотек и других социальных объектов. С учетом ситуации на местах, не всегда возможно обеспечить конфиденциальность беседы с клиентом и подготовленность рабочего места. Такой «передвижной характер» иногда не способствует стабильности в работе. Это проблема, безусловно, отсутствует у государственного юридического бюро с конкретным адресом размещения и ведения приема граждан и четким режимом работы. Более того, постоянное место консультаций способствует «нахоженности» граждан, а наличие у юридических бюро организационно-правовой формы в виде государственных казенных учреждений вызывает доверие населения.

2. Материальная заинтересованность и мотивация сотрудников государственных юридических бюро при оказании БЮП населению. Безусловно, размер оплаты труда адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь, вряд ли стимулирует посвящать много времени этому делу. Оказание БЮП нотариусами по вопросам совершения нотариальных действий носит предварительный характер и не освобождает от необходимости обращения в последующем за совершением конкретного нотариального действия с его оплатой в соответствующем размере. Мотивация преподавателей и студентов юридических клиник в оказании БЮП не имеет в принципе материальной составляющей и сконцентрирована на формировании профессиональных навыков. В противовес всем этим фактам сотрудники государственных юридических бюро, оказывая бесплатную юридическую помощь населению, находятся в трудовых отношениях и получают соответствующую заработную плату и, как следствие, мотивированы на надлежащее выполнение своих трудовых обязанностей.

3. Возможность выступать координирующим центром государственной системы БЮП. Сегодня все участники БЮП функционируют разрозненно, в рамках своей ниши. Безусловно, Минюст России и его территориальные управления в субъектах, выступая координирующим органом по вопросам оказания БЮП, осуществляют деятельность по выработке единой политики в данной сфере и взаимодействию всех участников БЮП между собой. Вместе с тем, имея контрольные функции, Минюст России не всегда может выполнять роль форума для обсуждения соответствующих вопросов и проблем, тем более осуществлять консультативную помощь. Адвокаты и нотариусы загружены своей основной деятельностью и не всегда располагают достаточным временем. А государственные юридические бюро, создаваемые для оказания БЮП, обеспечивают полную вовлеченность в данный процесс своих сотрудников, возможность анализа статистики обращения граждан, ведения работы по обмену опытом, в том числе с юридическими клиниками и др.

4. Наличие у государственного юридического бюро права на официальный запрос в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации в порядке, установленном законом, по входящим в компетенцию указанных органов и организаций вопросам о предоставлении справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания гражданам бесплатной юридической помощи. Введенная в 2021 г. в 324-ФЗ возможность осуществления официального обращения по сути приравняла данных участников БЮП с адвокатами, использующими аналогичный институт адвокатского запроса.

5. Прозрачность, понятность и доступность деятельности государственных юридических бюро. Так, деятельность государственных юридических бюро характеризуется понятной для граждан структурой оказания бесплатной юридической помощи, при ней открывается возможность создания филиальной сети пунктов оказания бесплатной юридической помощи на всей территории субъекта Российской Федерации, подконтрольной органам государственной власти региона [5]. Кроме того, в силу сложившегося менталитета поведение граждан в казенном учреждении характеризуется дисциплинированностью, а оказываемые правовые консультации сотрудниками государственного учреждения вызывают доверие у граждан.

Анализ статистических данных обращений за БЮП свидетельствует о различиях в методике подсчета соответствующих обращений граждан. Органы власти в качестве БЮП считают подчас все обращения граждан в пределах компетенции их деятельности. С другой стороны, адвокатское сообщество не каждый год выбирает региональный бюджет, предусмотренный на компенсацию затрат на оказание помощи. Статистика юридических клиник варьируется, какие-то клиники показывают сотни, тысячи и десятки тысяч обращений за отчетный период, какие-то – в пределах ста. Такая противоречивая статистика не может дать прогноз на востребованность деятельности государственного юридического бюро. Вместе с тем здесь не действуют законы рынка, наоборот, если будет предложение – будет и спрос. Как следствие, создание дополнительного субъекта БЮП представляется своевременным, востребованным и полезным как для граждан в целях оказания им БЮП, так и других участников системы в целях сотрудничества, в том числе с юридическими клиниками.

Статистика деятельности государственных юридических бюро за последний год прямо свидетельствует об их востребованности и ключевом месте в системе БЮП в тех регионах, где они созданы и функционируют.

В 2024 г. в 376 868 случаях оказана помощь в рамках государственной системы БЮП (в 2023 г. – в 332 062 случаях, в 2022 г. – в 283 851 случае), в том числе государственными юридическими бюро помощь оказана в 219 977 случаях (в 2023 г. – в 186 634; в 2022 г. – в 158 596 случаях), адвокатами – в 156 891 случае (в 2023 г. – в 145 428; в 2022 г. – в 125 155 случаях). Приrost по системе государственных юридических бюро составил 17,8 % [5].

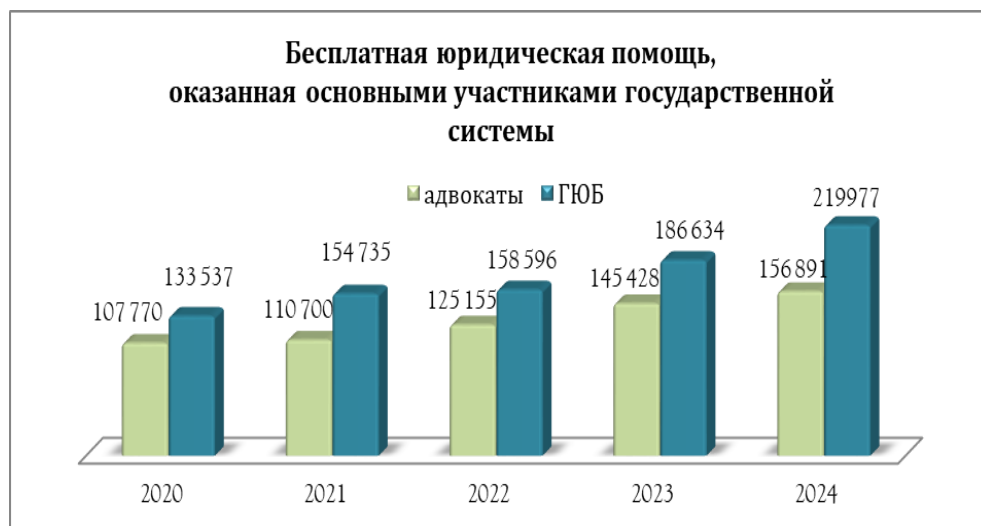

Рис. 2. Бесплатная юридическая помощь за 2020–2024 гг.

Таким образом, государственные юридические бюро занимают особое место среди участников БЮП. В отличие от других субъектов, их деятельность целиком направлена на оказание бесплатной юридической помощи, а не является сопутствующей функцией, что повышает их значимость в системе. Несмотря на положительную динамику в вопросах создания и организации деятельности государственных юридических бюро в регионах, наличествует ряд трудностей, в числе которых финансовая зависимость от региональных бюджетов, дефицит квалифицированных кадров, недостаточная координация с другими участниками системы БЮП. Вместе с тем своевременное принятие решения о создании государственного юридического бюро выступает одним из ключевых вопросов, решаемых на региональном уровне, поскольку именно от него зависит уровень доступности и эффективности существующей системы бесплатной юридической помощи в регионе.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
3. Постановление Правительства РФ от 22.08.2005 г. № 534 «О проведении эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам» (утратило силу) // СЗ РФ. 2005. № 35. Ст. 3615.
4. В Тверской области создадут государственное юридическое бюро [Электронный ресурс]. URL: <https://tver.mk.ru/social/2023/07/12/v-tverskoy->

oblasti-sozdatut-gosudarstvennoe-yuridicheskoe-byuro.html (дата обращения: 12.07.2025).

5. Доклад о реализации государственной политики в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/pravovaya-informaciya/besplatnaya-yuridicheskaya-pomoshh/> (дата обращения: 12.07.2025).

6. Круглый стол по вопросам оказания бесплатной юридической помощи в Тверском регионе [Электронный ресурс]. URL: <https://to69.minjust.gov.ru/ru/events/977/> (дата обращения: 12.07.2025).

7. Рыбакова О.С. К вопросу о совершенствовании правового регулирования деятельности государственных юридических бюро // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: материалы V Национальной научно-практической конференции, Казань, 26 февраля 2021 года. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2021. С. 139–144.

8. Сведения о государственных юридических бюро [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-gosudarstvennyh-yuridicheskikh-byuro/> (дата обращения: 12.07.2025).

Об авторе:

АЛЕШУКИНА Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-код: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

On the issue of establishing a state legal bureau in the region and its place in the system of free legal aid

S.A. Aleshukina

Tver State University, Tver

The article covers the genesis of the formation and development of state legal bureaus in various regions, their advantages in matters of providing free legal aid in comparison with other participants. In confirmation of the importance and necessity of functioning of state legal bureaus in each region, statistics of the Ministry of Justice of Russia for 2024 are given. The research methods are formal logic, comparison and systems approach.

Keywords: *state legal bureau, free legal aid, statistics.*

About author:

ALESHUKINA Svetlana – PhD in Law, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-code: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

Алешукина С.А. К вопросу о создании государственного юридического бюро в регионе и его месте в системе бесплатной юридической помощи // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 87–95.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

УДК 349.3

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.3.096

Право на страховую пенсию во взаимосвязи с реализацией трудовых прав граждан

А.В. Афтахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу взаимосвязи трудовых и социальных прав граждан в сфере пенсионного обеспечения. Автор изучает порядок и условия назначения страховой пенсии по старости, предусмотренные действующим законодательством, анализируя проблематику их применения во взаимосвязи с надлежащим исполнением работодателем своих обязанностей по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование. Отмечаются особенности современной занятости населения в связи с формированием пенсионных прав граждан. Отдельный акцент сделан на необходимости формирования пенсионной грамотности населения.

Ключевые слова: *труд, занятость, работник, страховая пенсия, обязательное пенсионное страхование, страховые взносы, индивидуальный пенсионный коэффициент.*

Право на труд закреплено в ст. 37 Конституции РФ как одно из основополагающих личных прав каждого гражданина Российской Федерации [1]. Труд свободен, что означает прямой запрет на принудительный труд. Каждый человек имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также получать вознаграждение за труд без дискриминации и не ниже установленного федеральным законодательством минимального размера оплаты труда. С 2020 г. в ч. 5 ст. 75 Конституции РФ закреплено, что минимальный размер оплаты труда не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации [1]. Таким образом, минимальный размер заработной платы, приравненный к величине прожиточного минимума, должен обеспечивать удовлетворение минимальных базовых потребностей каждого человека.

Следует отметить, что в последнее время законодатель отказался от системы расчета размера прожиточного минимума, ориентированного на потребительскую корзину. Последний Федеральный закон, регулирующий потребительскую корзину в целом по Российской Федерации, устанавливающий набор продовольственных и непродовольственных товаров, а также услуг для основных социально-демографических групп населения (трудоспособное население,

пенсионеры, дети) утратил силу с 1 января 2021 г. [11]. С этой же даты вступили в силу изменения в ФЗ от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», согласно которым величина прожиточного минимума рассчитывается исходя из медианного среднедушевого дохода.

Согласно ст. 1 указанного Федерального закона, медианный среднедушевой доход – величина денежного дохода, относительно которой половина населения в целом по Российской Федерации имеет значение среднедушевого дохода ниже данной величины, другая половина – выше данной величины и которая ежегодно исчисляется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти [10]. На 2021-2025 годы установлен переходный период поэтапного «доведения» величин прожиточного минимума на душу населения в субъектах Российской Федерации, установленных на 2021 год, до величин прожиточного минимума на душу населения в субъектах Российской Федерации, рассчитанных с учетом коэффициентов региональной дифференциации. Таким образом предполагается, что расчет размера прожиточного минимума будет соответствовать действительной социально-экономической ситуации, обеспечивая справедливое распределение мер социальной поддержки, а также достойный уровень заработных плат по стране.

Согласно действующему законодательству, каждый гражданин Российской Федерации имеет право выбирать, будет ли он работать по трудовому договору, по договору гражданско-правового характера, выберет иной тип занятости (например, будет являться плательщиком «налога на профессиональный доход», станет индивидуальным предпринимателем) или не будет работать вовсе. При этом каждому гарантируется защита от безработицы, что предполагает, что в случае, когда человек не может найти работу, государство помогает ему в этом с использованием специальных механизмов и созданных учреждений, таких, например, как Центр занятости населения.

Исходя из изложенного, реализация права на труд является важнейшим элементом социализации каждого человека, является его психофизической потребностью, которая обеспечивается на законодательном уровне созданием соответствующих условий для труда и занятости населения.

Несмотря на то, что свободное участие каждого гражданина в трудовых отношениях гарантируется государством, отсутствие официальной занятости и, соответственно, денежных средств к существованию, является одним из оснований для возникновения социально-обеспечительных правоотношений, которые направлены, прежде всего, на защиту граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию. Более того, определенные права в сфере социального обеспечения, такие как право на установление страховой пенсии, право

на получение пособия по временной нетрудоспособности, пособия в связи с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием, пособия по беременности и родам и ряд других напрямую зависят от юридического факта официальной занятости гражданина, за которого работодатель уплачивает страховые взносы во внебюджетные фонды. Следовательно, возникновение определенных прав в сфере социального обеспечения находится в прямой зависимости от реализации человеком своего права на труд.

Следовательно, государство закрепляет «привязку» большинства социальных благ к факту официального трудоустройства. Более того, утрата работы выступает фактором социального риска, который может повлечь негативные последствия как для самого гражданина, так и для членов его семьи. Утрата работы может произойти по различным причинам объективного и субъективного характера, к которым, прежде всего, можно отнести ухудшение состояния здоровья, инвалидность, достижение пенсионного возраста, рождение ребенка (детей) и другие причины. Наличие родственника, который нуждается в постороннем уходе, может повлечь изменение режима работы, графика работы, что отрицательным образом отразится на размере заработной платы гражданина.

Таким образом, отсутствие возможности трудиться или недостаточно «гибкая» система гарантий прав работников могут негативно сказаться на социальном положении конкретного человека и членов его семьи. В результате возникает необходимость в его социальной защите, которая реализуется посредством предоставления различных мер социальной поддержки, помощи и социального обслуживания. Таким образом, комплексная реализация права на труд обуславливает необходимость применения норм права социального обеспечения в той или иной мере.

Исходя из комплексного анализа трудовых и социально-обеспечительных правоотношений, можно сделать вывод, что именно трудовые правоотношения являются первичными, их надлежащее (или ненадлежащее) исполнение обеими сторонами (работник и работодатель) выступает основанием для возникновения и (или) изменения правоотношений в сфере социального обеспечения:

- граждане, не имеющие официального заработка или дохода (или имеющие низкий уровень дохода – ниже прожиточного минимума), могут быть признаны малоимущими и выступать получателями целого комплекса мер социальной поддержки, а также получать пособие по безработице;

- официально трудоустроенные граждане имеют право на получение целого ряда пособий, связанных с временной нетрудоспособностью и в связи с материнством, а также выплат, связанных с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием;

– официальная занятость обеспечивает реализацию права граждан на получение страховой пенсии по старости и фиксированной выплаты к ней;

– трудовая деятельность на определенных видах работ определенной продолжительности является основанием для предоставления права на досрочное установление страховой пенсии по старости;

– продолжительность страхового стажа напрямую влияет на размер выплаты пособия по временной нетрудоспособности и др.

Рассматривая пенсионные правоотношения, как наиболее объемную часть права социального обеспечения, следует отметить, что возникновение права на страховую пенсию по действующему законодательству поставлено в прямую зависимость от наличия у гражданина страхового стажа определенной продолжительности. Только официально работающие граждане, а также индивидуальные предприниматели и ряд других категорий граждан имеют право на получение страховой пенсии по старости и фиксированной выплаты к ней как основной гарантии по обязательному пенсионному страхованию от наступления нетрудоспособности вследствие старости.

С 2024 г. обязательным условием для назначения страховой пенсии выступает наличие страхового стажа продолжительностью 15 лет [4]. Для того, чтобы у гражданина формировался страховой стаж, необходимо соблюдать несколько условий, которые закреплены в ст. 11 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – ФЗ «О страховых пенсиях»):

– работа и (или) иная деятельность осуществлялись на территории Российской Федерации (за некоторыми исключениями);

– гражданин должен быть застрахован в соответствии с Федеральным законом от 15.12.2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в РФ») [7];

– за периоды работы и (или) иной деятельности начислялись или уплачивались страховые взносы в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации.

К гражданам, застрахованным в системе обязательного пенсионного страхования, ст. 7 ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» относит достаточно большое количество граждан, в том числе следующие категории:

– работающие по трудовому договору, в том числе руководители организаций, являющиеся единственными участниками (учредителями), членами организаций, собственниками их имущества;

– работающие по договору гражданско-правового характера, предметом которого являются выполнение работ и оказание услуг (за исключением лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»), получающих выплаты за деятельность по

гражданско-правовым договорам и не работающих по трудовому договору, а также лиц, получающих страховые пенсии в соответствии с законодательством Российской Федерации, являющихся опекунами или попечителями, исполняющими свои обязанности возмездно по договору об осуществлении опеки или попечительства, в том числе по договору о приемной семье);

– работающие по договору авторского заказа, а также авторы произведений, получающие выплаты и иные вознаграждения по договорам об отчуждении исключительного права на произведения науки, литературы, искусства, издательским лицензионным договорам, лицензионным договорам о предоставлении права использования произведения науки, литературы, искусства (за исключением лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»);

– самостоятельно обеспечивающие себя работой (индивидуальные предприниматели, адвокаты, арбитражные управляющие, нотариусы, занимающиеся частной практикой, и иные лица, занимающиеся частной практикой и не являющиеся индивидуальными предпринимателями), за исключением лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» или являющихся получателями пенсии за выслугу лет или пенсии по инвалидности в соответствии с Законом РФ от 12.02.1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» и не вступивших добровольно в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию или прекративших такие правоотношения;

– являющиеся членами крестьянских (фермерских) хозяйств;

– применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в случае уплаты страховых взносов и др.

Исходя из анализа приведенного перечня можно сделать вывод, что «застрахованные лица» – понятие значительно более широкое по сравнению с понятием «работник», используемым в трудовом праве, поскольку трудовое право регулирует отношения, охватываемые исключительно официальной занятостью и возникающие на основании трудового договора между работником и работодателем. Пенсионные правоотношения в праве социального обеспечения не находятся в прямой зависимости от официальных трудовых отношений, однако предполагают, что гражданин имеет определенный вид деятельности (занятости) и связан с государством правоотношениями по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.

В правоотношениях по обязательному пенсионному страхованию также наблюдается тесная связь положений трудового права и права социального обеспечения. В соответствии со ст. 1 Трудового кодекса РФ в качестве одной из основных задач трудового законодательства выделена задача по правовому регулированию трудовых отношений и непосредственно связанных с ними отношений по обязательному социальному страхованию в случаях, предусмотренных федеральными законами [2]. Обязательное социальное страхование в соответствии с абз. 3 ст. 1 Федерального закона от 16.07.1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» представляет собой систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию или минимизацию последствий изменения материального и (или) социального положения работающих граждан, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, иных категорий граждан вследствие достижения пенсионного возраста, наступления инвалидности, потери кормильца, заболевания, травмы, несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, беременности и родов, рождения ребенка (детей), ухода за ребенком в возрасте до полутора лет и других событий, установленных законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании [8].

Социальное страхование по действующему законодательству представлено тремя направлениями:

1. Обязательное пенсионное страхование (регулируется ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в РФ»).

2. Обязательное социальное страхование, которое предполагает осуществление двух видов страхования:

– обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством (регулируется Федеральным законом от 29.12.2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [6]);

– обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (регулируется ФЗ от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [9]).

3. Обязательное медицинское страхование (регулируется Федеральным законом от 29.11.2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [5]).

В соответствии с требованиями действующего законодательства каждый работодатель обязан уплачивать за каждого работника страховые взносы. Размер взносов не включается в заработную плату и исчисляется исходя из положений ст. 420 Налогового кодекса РФ: «объектом

обложения страховыми взносами признаются выплаты и иные вознаграждения в пользу физических лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию в рамках трудовых отношений, по гражданско-правовым договорам, предметом которых являются выполнение работ, оказание услуг, по договорам авторского заказа в пользу авторов произведений, по договорам об отчуждении исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности» [3]. Тарифы страховых взносов установлены ст. 425 Налогового кодекса РФ для всех видов обязательного социального страхования:

- на обязательное пенсионное страхование – 22 %;
- на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством – 2,9 %;
- на обязательное медицинское страхование – 5,1 % [3].

Таким образом, периоды работы и (или) иной деятельности могут быть включены в страховой стаж только при условии уплаты страховых взносов. Уплата страховых взносов за работника влияет на формирование страхового стажа, а по достижении пенсионного возраста будет влиять как на факт назначения страховой пенсии по старости, поскольку страховой стаж выступает обязательным условием для назначения страховой пенсии по старости, так и на ее размер. Следовательно, надлежащее исполнение работодателем своих обязанностей по уплате страховых взносов за работника напрямую влияет на формирование социальных прав граждан, в рассматриваемом случае – на формирование прав пенсионных.

В случае, если работодатель по тем или иным причинам не уплачивает за работника страховые взносы или уплачивает их не в полном объеме, данный факт влияет не только на включение того или иного периода работы в страховой стаж, но и на формирование индивидуального пенсионного коэффициента будущего пенсионера. Согласно ч. 3 ст. 8 ФЗ «О страховых пенсиях» для приобретения права на страховую пенсию индивидуальный пенсионный коэффициент гражданина должен быть не менее 30 [4]. Размер индивидуального пенсионного коэффициента рассчитывается исходя из суммы страховых взносов, уплаченных за работника в соответствующем календарном году, поэтому напрямую зависит от размера заработной платы работника.

Размер индивидуального пенсионного коэффициента за весь период работы (или иной деятельности) непосредственно влияет на размер страховой пенсии. Таким образом, при нарушении трудовых прав работника (оформление трудовых отношений с нарушением положений Трудового кодекса РФ, оформление на неполный рабочий день, неофициальная занятость и пр.) нарушаются права граждан в сфере пенсионного обеспечения, а именно право на получение достойной пенсии по достижении пенсионного возраста, поскольку

индивидуальный пенсионный коэффициент работника будет существенно ниже.

Влияние размера индивидуального пенсионного коэффициента (далее – ИПК) на размер будущей пенсии человека очевидно исходя из того, что формула, по которой рассчитывается размер страховой пенсии по старости, включает два элемента: индивидуальный пенсионный коэффициент гражданина и стоимость пенсионного коэффициента, которые составляют размер пенсионных отчислений путем умножения (ч. 1 ст. 15 ФЗ «О страховых пенсиях»). Стоимость ИПК – фиксированная величина, которая ежегодно утверждается Правительством РФ, соответственно, на этот множитель будущий пенсионер повлиять не может. Вместе с тем, размер индивидуального пенсионного коэффициента – величина, которая формируется исходя из размера страховых взносов и продолжительности их уплаты (продолжительности трудовой деятельности), поэтому от размера официальной заработной платы (иных вознаграждений) напрямую зависит размер соответствующего коэффициента за соответствующий календарный год. По итогам учета всех периодов трудовой и иной социально полезной деятельности гражданина все ИПК за каждый календарный год суммируются и составляют итоговую сумму, используемую при расчете размера страховой пенсии по старости.

Аналогичным образом рассчитываются размеры иных видов страховых пенсий – страховая пенсия по инвалидности и страховая пенсия по случаю потери кормильца. Это означает, что соблюдение прав работника в сфере социального страхования является залогом достойного пенсионного обеспечения не только по достижении им пенсионного возраста, но и в случае наступления инвалидности, а для членов семьи умершего работника – залогом достойного пенсионного обеспечения по случаю потери кормильца.

Подводя итог следует отметить, что нарушение прав работника, такие как неофициальное трудоустройство (фактические трудовые отношения, которые не оформлены надлежащим образом), оформление работника «на полставки», на неполный рабочий день с выплатой части заработной платы неофициально, а также иные подобные случаи существенно нарушают права работника и членов его семьи на социальное обеспечение, поскольку приводят к тому, что работник «недополучает» определенное количество индивидуальных пенсионных коэффициентов. Вместе с тем, работодатель таким образом избегает необходимости уплаты страховых взносов за работника за весь период работы в полном объеме. Поэтому необходимо обеспечивать контроль за надлежащим оформлением занятости граждан, что обеспечит в будущем реализацию их пенсионных прав в полном объеме.

В настоящее время контроль возложен на учреждения Фонда пенсионного и социального страхования РФ, налоговые органы, которые

осуществляют администрирование соответствующих платежей, контроль учета работников и надлежащего исполнения работодателями своих обязанностей по уплате страховых взносов за работников. При этом существенным является контроль самих работников за уплатой страховых взносов, который может осуществляться путем получения выписки из индивидуального лицевого счета в СФР. Поэтому важнейшим элементом соблюдения прав граждан в рассматриваемой сфере выступает правовое просвещение с целью повышения пенсионной грамотности населения, поскольку своевременное обнаружение нарушений прав работников может предотвратить возникновение спорных ситуаций при назначении пенсионного обеспечения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «Гарант».
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // СПС «Гарант».
3. Налоговый кодекс РФ: часть первая от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // СПС «Гарант».
4. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // СПС «Гарант».
5. Федеральный закон от 29.11.2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
6. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // СПС «Гарант».
7. Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
8. Федеральный закон от 16.07.1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» // СПС «Гарант».
9. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // СПС «Гарант».
10. Федеральный закон от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
11. Федеральный закон от 03.12.2012 г. № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» // СПС «Гарант».

Об авторе:

АФТАХОВА Александра Васильевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5140-5804, AuthorID: 648735; e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

The right to an insurance pension in relation to the realization of labor rights of citizens

A.V. Aftakhova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the analysis of the relationship between labor and social rights of citizens in the field of pension provision. The author studies the procedure and conditions for assigning an old-age insurance pension, stipulated by the current legislation, analyzing the problems of their application in connection with the proper fulfillment by the employer of his obligations to pay insurance premiums for compulsory pension insurance. The features of modern employment of the population in connection with the formation of pension rights of citizens are noted. A special emphasis is placed on the need to develop pension literacy of the population.

Keywords: *labor, employment, employee, insurance pension, compulsory pension insurance, insurance contributions, individual pension coefficient.*

About author:

AFTAKHOVA Alexandra – PhD of philosophical sciences, associate Professor, Department of of Environmental Law and Legal Support of Professional Activities of the «Tver state University» (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru, SPIN-code: 5140-5804, AuthorID: 648735;

Афтахова А.В. Право на страховую пенсию во взаимосвязи с реализацией трудовых прав граждан // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 96–105.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

К вопросу о социально-демографических детерминантах преступности женщин, имеющих несовершеннолетних детей

Е.П. Баранова

ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Псков

Основой статьи стала социально-демографическая характеристика осужденных женщин, имеющих несовершеннолетних детей и отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы. Проведен анализ изменения их возрастных показателей и образовательного уровня с 1999 г. до настоящего времени. Изучены особенности трудовой деятельности женщин до осуждения, а также их семейное положение.

Ключевые слова: осужденные женщины, социально-демографическая характеристика преступниц, возрастные параметры осужденных женщин, уровень образования осужденных женщин, семейное положение осужденных женщин.

Личность – одно из центральных понятий, используемых в философии и психологии, имеющее неразрывную связь с человеком. С точки зрения первой науки, это человек, являющийся самостоятельным носителем культурных и иных форм мироотношения. Психология же в большей степени определяет личность человека как совокупность особенностей индивида, влияющих на формы его поведения. Формы поведения могут быть различными. Возможна как одобряемая социумом линия поведения, так и попирающая нормы закона и морали. Говоря о последней, имеется в виду совершение деяний, которые наносят ущерб тем или иным общественным отношениям. Крайней формой нарушения правил является совершение преступления.

Личность преступника – это совокупность объективных и субъективных характеристик отдельно взятого индивидуума или группы индивидуумов, объединенных общими признаками, по отношению к уже совершенному или потенциальному преступному деянию. Изучение личности преступника является одним из важнейших направлений криминологии с самого начала ее становления как самостоятельной отрасли права. К настоящему времени оно не потеряло актуальности. Проведение параллели между конкретными свойствами личности и наступившим негативным результатом, выразившемся в нарушении закона, составляют основу криминологической характеристики личности.

Как отметила Е.Б. Кургузкина, правильное понимание, взвешенная законодательная и правоприменительная оценка характера и степени общественной опасности личности, ее роли в совершенном преступлении чрезвычайно важны для эффективной уголовной политики и превентивной деятельности в отношении уголовно наказуемых деяний [7, с. 22]. Личность преступника остается актуальной темой, находящей свое отражение в научных трудах. Так, данное направление стало основой исследования А.В. Шеслера [10] и других ученых.

Автором статьи было проведено исследование криминологических особенностей осужденных женщин, имеющих несовершеннолетних детей, – направления, исследованного в меньшей степени по сравнению с осужденными мужчинами. Понимание первопричин женской преступности имеет важное значение для разработки предложений по назначению и порядку отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы, а также при организации мероприятий в рамках probation. Изучению личности женщин-преступниц посвящен ряд научных трудов, в том числе диссертационных исследований [1].

В правовой литературе встречаются различные мнения относительно того, какие именно компоненты составляют структуру личности с точки зрения науки криминологии.

В.Н. Бурлаков предлагает выделять в структуре личности преступника следующие группы:

- 1) социальный статус личности – принадлежность лица к определенному классу и группе, социально-демографическая характеристика (пол, возраст, образование, семейное положение и т. д.);
- 2) социальные функции личности – совокупность видов деятельности лица в системе общественных отношений как гражданина, члена трудового коллектива, семьянина и т. д.;
- 3) нравственно-психологические характеристики – отражающие отношение личности к социальным ценностям и выполняемым социальным функциям;
- 4) правовой статус – характеристика человека в качестве правонарушителя [4].

С.И. Курганов предлагает анализировать личность с точки зрения трех основных сфер: потребностно-мотивационной (мотивы, потребности, интересы); ценностно-нормативной (ценностные ориентации, установки, нормы, убеждения) и функционально-ролевой (социальные позиции, статусы, функции) [6, с. 56].

При осуществлении анализа криминологических показателей осужденных женщин автор статьи руководствовался структурой личности, предложенной Н.Ф. Кузнецовой, и включающей в себя следующие элементы:

- 1) социальный статус личности, определяющийся принадлежностью лица к тому или иному социальному слою и группе с социально-

демографической характеристикой (пол, возраст, образование, семейное положение и т. д.);

2) социальные функции (роли) личности, включающие совокупность видов деятельности лица как гражданина, члена трудового коллектива, семьянина и т. д.;

3) нравственно-психологическая характеристика, которая отражает отношение личности к социальным ценностям и выполняемым социальным функциям [5].

В данной статье уделено внимание таким социально-демографическим характеристикам личности осужденных женщин, как возраст и уровень образования. Что касается возраста, интерес вызывает смена его диапазонов при исследовании преступности разных периодов. Распределение возрастов преступниц с 1999 по 2024 гг. представлено в табл. 1. В 2024 г. автором был проведен анализ возраста осужденных женщин, имеющих несовершеннолетних детей.

Таблица 1

Распределение осужденных женщин по возрасту, в %

Возрастная категория	1999	2009	2022	2024 (женщины отбывающие уголовное наказание в виде лишения свободы, имеющие несовершеннолетних детей)
18–19	4,1	2,6	1,0	0
20–24	19,3	19,0	6,7	4,7
25–29	18,6	24,9	11,3	14,2
30–39	28,7	33,1	38,1	51,9
40–49	22,0	13,4	28,5	22,9
50–54	4,3	5,3	7,0	6,3
55–59	1,7	1,9	3,9	0
60 лет и более	1,3	1,1	3,5	0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: [3, с. 11].

Представленные показатели свидетельствуют о том, что возрастные параметры с течением времени претерпели изменения. Так, в период с 1999 по 2022 гг. на 76 % уменьшилось количество преступниц в возрасте 18–19 лет. А по результатам анкетирования 2024 г. они не были представлены вообще. Это связано с тем, что исследование проводилось только среди женщин, имеющих несовершеннолетних детей. Согласно данным официальной статистики, пик рождаемости приходится на возрастной диапазон от 23 до 33 лет, затем происходит ее спад (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение возраста женщин (население России)
и рождения ими детей
(данные по состоянию на 2021 г., государственная статистика
Единой межведомственной информационно-статистической системы
(ЕМИСС))

Возраст женщин, лет	Количество женщин, родивших детей, чел.
18	14 357
19	24 033
20	31 789
23	54 923
25	69 632
29	83 623
31	88 420
33	84 687
35	68 443

Возвращаясь к табл. 1, хочется отметить существенное уменьшение количества преступниц в возрасте от 18 до 24 лет. Такое явление объясняется, в частности, изменением возраста создания семьи. Изучению данного вопроса посвящена научная статья Е.А. Алексеевой. Ею было проведено соответствующее исследование с использованием зарубежного опыта, в результате которого выяснилось, что если в 1980-е гг. трудоустройство, создание семьи и рождение детей приходилось на возрастной период от 18 до 24 лет, то в 2019 г. – от 25 до 34 лет. Средний возраст матери для городского населения увеличился с 20–24 лет (1985 г.) до 30–34 лет (2019 г.) [2, с. 140].

Сниженный коэффициент рождаемости в период с 1995 до 2003 г. (1,2) способствовал тому, что количество детей в семьях в среднем не превышало одного-двух. А значит, у родителей имелось больше, в сравнении с многодетными семьями, материальных возможностей для обеспечения комфортных условий жизни, воспитания детей и контроля за их поведением [2, с. 140].

Попеременный рост и снижение количества осужденных наблюдается в возрастных диапазонах от 25 до 29 лет и с 40 до 49 лет. Причем тенденция такова, что в год, когда в категории 25–29 лет наблюдается прирост, осужденных женщин в возрасте от 40 до 49 лет меньше, и наоборот.

Выявление значительного количества преступниц в возрасте от 40 и старше в период с 1991 по 1999 гг. связано с радикальными реформами в России того периода. Произошли существенные изменения в социально-экономической и политической сферах общества. Как отметила Н.В. Тарасова, принятые политические решения привели к либерализации

экономики и расслоению общества на социальные группы с высоким материальным достатком и малоимущих, что сделало последних подходящим резервом преступности [8, с. 151]. Вероятно, значительное количество преступниц старше 40 лет обусловлено возникшими проблемами в трудоустройстве, отсутствием стабильного достойного заработка и необходимостью поиска финансовых ресурсов для обеспечения семьи. Когда не находилось легальных источников, обращались к нелегальным. Так, в этот период произошел рост проституции, распространения наркотических средств, подпольной торговли дефицитными товарами, вовлечения в преступные группировки и т. д.

В незаконную деятельность были вовлечены как люди старшего поколения, так и совсем юные, в том числе подростки. Значительное количество осужденных старше 45 лет в 2022 г. можно объяснить тем, что люди, рожденные 1977–1973 гг., застали один из самых криминальных периодов жизни нашей страны (с 1991 по 1994 год), в возрасте от 14 лет до 21 года. Существует вероятность того, что они оказались вовлеченными в преступную деятельность и не изменили линию поведения по прошествии времени. Согласно исследованиям отечественных ученых, 50–60 % рецидивистов встали на преступный путь именно в подростковом возрасте, таким образом, в дальнейшем им сложно отказаться от сформировавшегося образа жизни и мышления.

Хотя в результате проведенного автором в 2024 г. анкетирования не были выявлены осужденные женщины в возрасте 60 лет и старше, что связано с меньшей вероятностью наличия у них несовершеннолетних детей, общая тенденция показывает взросление осужденных. Это особенно заметно в возрастном диапазоне от 50 до 59 лет. Количество осужденных рассматриваемого возраста постепенно увеличивалось с 1999 по 2022 гг. Такое явление может быть вызвано как все теми же последствиями нелегального образа жизни, начатого в 1991–1999 гг., так и пенсионной реформой, реализуемой с 2019 г. и предполагающей постепенное увеличение возраста выхода на пенсию, – в 60 лет для женщин и в 65 лет для мужчин. При этом люди старшего возраста являются наиболее социально уязвимыми. Нередко они становятся очевидными кандидатами на увольнение в результате организационно-штатных мероприятий, а устройство на новое, тем более высокооплачиваемое место работы становится труднодостижимым.

По данным табл. 1 видно, что самой многочисленной категорией являются женщины в возрасте от 30 до 39 лет – 51,9 %. Второй по численности является возрастная категория от 40 до 49 лет включительно – 22,9 % опрошенных. Завершает тройку лидеров возрастной диапазон от 25 до 29 лет – 14,2 % осужденных женщин. Самыми немногочисленными категориями оказались женщины в возрасте от 50 до 54 лет (6,3 %), а также от 20 до 24 лет (4,7 %).

Возникает закономерный вопрос о причинах распространенности преступности среди осужденных матерей возрастной категории от 30 до 39 лет. Изучение литературы о психологических особенностях позволило сделать вывод о том, что период с 30 до 40 лет является одним из важнейших в развитии человека. И непростых. Психологи отмечают наибольшую вероятность наступления кризиса при отсутствии у человека внутренней гармонии с самим собой, в случае сомнений, что выбранная профессиональная сфера отвечает его целям и желаниям, при неудовлетворенности семейной жизнью и т. д. Особенность кризиса заключается в том, что долго длятся его последствия в виде внутриличностного конфликта. Внутренняя неуверенность и нестабильность могут стать факторами, располагающими к совершению преступлений.

Одним из значимых криминологических показателей является уровень образования. По данным исследования, проведенного автором в 2024 г., большинство осужденных женщин (43,1 %) имеют среднее профессиональное образование, 13,2 % – высшее образование. Наименьшую категорию составляют лица, получившие лишь начальное общее образование (до 4 классов школы) либо не имеющие его вообще – 3,9 %. Подробная информация представлена в табл. 3. Для сравнения добавлена информация об уровне образования осужденных в предыдущие годы [3, с. 13].

Таблица 3

Распределение осужденных женщин в зависимости от образовательного уровня, в %

Уровень образования	1999 г.	2009 г.	2022 г.	2024 г. (осужденные женщины, содержащиеся в местах лишения свободы, имеющие несовершеннолетних детей)
Начальное общее (начальное)	4,3	4,8	3,6	3,4
Основное общее (неполное среднее)	30,3	25	14,2	16,7
Среднее полное общее (среднее)	45,8	36	25,2	23
Среднее професси- ональное (среднее специальное и незаконченное высшее)	17,8	27,3	42,3	43,1

Высшее профессиональное (высшее)	1,8	3,6	8,1	13,2
Не имеют образования	—	3,3	6,6	0,5

В настоящее время тенденция такова, что осужденных, имеющих низкий образовательный уровень (от начального общего до неполного среднего), стало меньше. Самой многочисленной категорией среди осужденных стали женщины, имеющие среднее профессиональное (среднее специальное) образование. Такая тенденция установилась не так давно. Ранее существенную категорию осужденных составляли лица со средним полным общим (средним) образовательным уровнем.

За последние годы наличие высшего образования было выявлено у большего количества осужденных женщин, в сравнении, например, с периодом 1999–2009 гг. Что толкает образованных женщин на путь беззакония? Думается, что отчасти это связано с ранее упомянутой пандемией COVID-19, которая спровоцировала повсеместное уменьшение количества вакантных рабочих мест и сокращение штатной численности работников. Как показали результаты опроса, проведенного в 2020 г., в каждой третьей российской компании произошло увольнение работников, а в каждой пятой был снижен уровень заработной платы.

На вопрос о трудоустроенности до осуждения 70 % женщин ответили, что имели стабильную работу, остальные 30 % являлись безработными. При этом 92,9 % осужденных отметили, что являются трудоспособными, т. е. отсутствие занятости было связано не с возрастом, состоянием здоровья (например, инвалидностью) или иными причинами, препятствующими осуществлению трудовой деятельности.

Наиболее распространенной сферой, в которой были задействованы женщины до осуждения, являлась сфера оказания услуг (продавцы, повара, парикмахеры, швеи, уборщицы и др.) – 52 % опрошенных. 10,1 % осужденных занимали высокооплачиваемые должности в области финансов и ведения бизнеса.

Исследование вопроса об уровне доходов до совершения преступления показало, что доход ниже среднего (до 15 тысяч рублей) был у 22 % анкетированных женщин, получение среднего уровня дохода (от 15 до 40 тысяч рублей) отметили 51 %, а выше среднего (от 40 тысяч рублей) – 27 % опрошенных.

С учетом того, что многие женщины назвали причиной совершения преступлений низкий доход, при этом большинство из них до осуждения действительно были задействованы на не самых прибыльных видах работ, видится обоснованным мнение ученых о том, что решение проблем трудоустройства и обеспечения достойного уровня оплаты труда способно улучшить криминогенную обстановку в социуме [9, с. 5].

Семейное положение как один из значимых элементов криминологической характеристики осужденных женщин также вызывает интерес. Проведенное во второй половине 2024 г. анкетирование показало, что большинство осужденных женщин не состоит в зарегистрированных отношениях. 29,4 % из них успели побывать замужем, но развелись. У 84 % из них развод произошел до, а у 16 % после осуждения, что является дополнительным стрессовым фактором, влияющим на эмоциональное состояние, что, в свою очередь, может негативно сказываться на процессе отбывания наказания. 7,6 % указывают в качестве брака сожительство с мужчиной. Категорию незамужних составили 32,7 % анкетирруемых. Менее четверти осужденных женщин (22,3 %) состояли в зарегистрированном браке. А 8 % женщин на момент анкетирования являлись вдовами.

Есть ли взаимосвязь между отсутствием у большинства опрошенных женщин официального супруга и совершением преступлений? Вполне возможно. Отсутствие постоянного мужчины свидетельствует о необходимости решать возникающие бытовые проблемы в одиночку, в частности изыскивать способы улучшить финансовое положение. Отсутствие у женщины легального заработка либо его низкий уровень могут стать поводом для поиска альтернативного, противоправного пути выхода из затруднительного положения.

Выявление криминологических параметров, являющихся общими для значительного круга лиц, совершивших преступления, позволяет определить группы риска и применить в отношении них превентивные меры. Помимо этого, криминологическое изучение личности создает фундамент для планирования и реализации мероприятий в отношении лиц, уже совершивших преступления, для предотвращения рецидивов.

Список литературы

1. Абызова Е.Р. Криминологическое исследование личности женщин, совершающих преступления, и предупреждение их преступного поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 21 с.
2. Алексеева Е.А. Трансформация возрастной структуры преступников в России и за рубежом // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 1. С. 135–145 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-vozrastnoy-struktury-prestupnikov-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 25.03.2025).
3. Казакова В.А., Белова Е.Ю. Характеристика женщин, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): монография. М.: Проспект, 2024. 79 с.
4. Криминология: учеб. для вузов / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб.: Питер, 2002. 422 с.

5. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунеев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. 629 с.

6. Курганов С.И. Основы криминологии: Учебное пособие. М.: Издательский Дом «NOTA BENE», 1998. 142 с.

7. Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2003. 423 с.

8. Тарасова Н.В. Причинный комплекс преступности России периода реформ 90-х годов // Вестник БГУ. 2008. № 2. С. 150–154 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichinnyy-kompleks-prestupnosti-rossii-perioda-reform-90-h-godov> (дата обращения: 25.03.2025).

9. Швецов А.В. Статистический анализ влияния социально-экономических факторов на уровень преступности в регионе: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2006. 22 с.

10. Шеслер А.В. Личность преступника в криминологических исследованиях советского периода // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 2. С. 193–204 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-v-kriminologicheskikh-issledovaniyah-sovetskogo-perioda> (дата обращения: 25.03.2025).

Об авторе:

БАРАНОВА Екатерина Павловна – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского университета ФСИН России, Псковский филиал (180014, г. Псков, Зональное шоссе, д. 28), SPIN-код: 3157-8598, AuthorID: 1208137, e-mail: ekaterinabaranova961@gmail.com

On the issue of socio-demographic determinants of crime among women with underage children

E.P. Baranova

St. Petersburg University of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Pskov

The article is based on the socio-demographic characteristics of convicted women, in particular, those with minor children, and those serving criminal sentences in the form of imprisonment. The analysis of changes in their age indicators and educational level from 1999 to the present has been carried out. The peculiarities of women's labor activity before the conviction, as well as their marital status, were studied.

Keywords: *convicted women, socio-demographic characteristics of criminals, age parameters of convicted women, educational level of convicted women, marital status of convicted women.*

About author:

BARANOVA Ekaterina – a lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov Branch (28 Zonalnoe Shosse, Pskov, 180014), SPIN-code: 3157-8598, AuthorID: 1208137, e-mail: ekaterinabaranova961@gmail.com

Баранова Е.П. К вопросу о социально-демографических детерминантах преступности женщин, имеющих несовершеннолетних детей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 106–115.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Социально-экономические детерминанты профессиональной преступности в России в современных условиях развития общества и государства¹

К.А. Зарубина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

В статье рассматриваются отдельные вопросы детерминирования профессиональной преступности в современной России. Установлено, что ввиду особой корыстной ориентации указанной разновидности преступной деятельности значимую роль имеют детерминанты роста криминального профессионализма в социально-экономической сфере. Целью настоящего исследования является определение ключевых социально-экономических детерминант профессиональной преступности в современном российском государстве и их анализ. Для достижения поставленной цели в исследовании применялись методы синтеза, анализа, обобщения, систематизации, а также статистический, формально-юридический методы. В ходе исследования установлено, что в современных условиях развития капиталистического общества в России с его активной пропагандой культа потребления и утверждения высоких стандартов материальной жизни человека социально-экономические детерминанты роста криминального профессионализма занимают важное место в иерархии причин, факторов и условий роста профессиональной преступности. Определены следующие детерминанты, характерные для данного вида преступности, обнаруживаемые в социально-экономической сфере жизни: низкий материальный уровень жизни отдельных групп населения; поляризация населения по уровню доходов; высокая прибыльность отдельных преступных промыслов, «покрывающая» различные издержки и риски от совершения преступлений.

Ключевые слова: криминальный профессионализм, профессиональная преступность, детерминанты, рост профессиональной преступности, социально-экономическая сфера.

Профессиональная преступность — это крайне опасное криминальное явление, причиняющее значительный вред обществу и государству. В настоящее время эту разновидность «социальной патологии» справедливо называют высоко организованным и массовым видом преступности [4, с. 132–137], который подрывает сложившийся в государстве правопорядок и оказывает негативное воздействие на общественную мораль, провоцирует дестабилизацию социально-

¹ Работа выполнена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет 2030».

экономических и политических отношений в стране, угрожая тем самым национальной безопасности государства [16, с. 39–58].

Среди признаков криминального профессионализма исследователи выделяют наличие у преступника криминальной специализации, квалификации, связей с преступной средой, а главное, восприятие своей общественно опасной деятельности как средства для получения постоянного и значительного дохода [2]. При этом отдельные криминологи справедливо отмечают особую корыстную направленность рассматриваемой разновидности преступности, подчеркивая возросшую корыстную мотивацию преступной деятельности именно современных преступников-профессионалов [17, с. 120–126]. Учитывая такую «материальную» обусловленность формирования и развития профессиональной преступности, как опасной «социальной патологии», характеризуя систему причин, факторов и условий ее роста, именуемых в рамках данного исследования детерминантами, считаем необходимым особое внимание уделить характеристике именно социально-экономической сферы, возводя данные детерминанты в ранг наиболее важных.

В первую очередь определим, что недостаточно высокий материальный уровень жизни населения, обусловленный значительным уровнем инфляции, безработицы, несоответствием средних заработных плат затратам, необходимым для обеспечения удовлетворения первичных потребностей и т. п., традиционно вызывает рост любой разновидности преступности, особенно преступной деятельности корыстной и корыстно-насильственной направленности, в том числе и деятельности преступников-профессионалов, определяющих в качестве желаемого преступного результата собственное материальное обогащение. Еще в 90-х гг. XX в. вследствие утверждения вместо командно-административной новой рыночной системы хозяйствования общее материальное положение большей части населения России значительно ухудшилось. В 1990-е гг. заработная плата основной массы работников в стране упала до крайне низкого и зачастую недопустимого уровня, который не обеспечивал удовлетворение даже первичных потребностей граждан. Исследователь В.Г. Ярмольчук справедливо указывал, что в 1999 г. уровень реальной заработной платы в стране составил всего 35 % объема 1990 г., что меньше уровня зарплаты периода Великой Ответственной войны 1941–1945 гг. [19, с. 49–57]. Вследствие падения уровня доходов большей части населения, а равно и невозможности в короткие сроки быстрого переформатирования экономических отношений на «рыночный лад», а значит, и обострения социального неравенства, многие граждане РФ за неимением средств к существованию обратили свои взоры к преступной деятельности, позволяющей пусть и незаконным способом, но все же обеспечить себе постоянный доход. Это послужило толчком к всеобщей криминализации

общества постсоветской России, росту корыстной преступности, активно перерастающей в организованную и профессиональную. По справедливому замечанию отдельных исследователей, в это время в российском государстве значительно увеличилось число криминальных лидеров. Так, если в 1988 г. в СССР органами внутренних дел было выявлено более 20 тыс. преступных авторитетов, из них примерно 500 «воров в законе», то с началом 2000-х гг. число криминальных авторитетов приблизилось к 100 тыс. человек, из них «воров в законе» – около 1500 [6, с. 404–414]. Это указывает на то, что нестабильное материальное положение граждан являлось непосредственной причиной криминализации российского общества и ее профессионализации. И особо интенсивно данный процесс протекал в кризисных условиях «лихих 90-х» годов.

Несмотря на то что в 2000-х гг. экономическая ситуация в стране нормализовалась, в настоящее время в России у ряда категорий населения также отмечается низкий уровень доходов. Так, согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики РФ, хотя в 1995–2013 гг. в целом в России наблюдалось уменьшение численности населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) с 24,8 % в 1995 г. до 10,8 % от общей численности населения страны в 2013 г., то далее снова стала определяться тенденция к росту численности данной категории населения, что вызывает определенную обеспокоенность [10]. Как справедливо заключают отдельные современные исследователи, это привело к активизации преступности корыстной и корыстно-насильственной направленности, поскольку лица, не имеющие постоянного источника дохода и зачастую находящиеся за чертой бедности (их доход определяется ниже прожиточного минимума согласно официальным сведениям Федеральной службы государственной статистики РФ), нередко стремятся повысить свое материальное положение именно за счет совершения преступных посягательств на собственность [13, с. 57–66].

В подтверждение этому обозначим, что согласно официальным данным судебной статистики учета преступности РФ, в структуре преступности России удельный вес преступлений, совершенных лицами, не имеющими постоянного дохода, всегда был стабильно высоким. Так, в 2003 г. он составил 53,7 %, в 2008 г. – 60,8 %, в 2013 г. – 65,7 %, в 2018 г. – 64,6 %, в 2023 г. – 63,7 % [12, 24–28]. При этом традиционно большая часть совершаемых такими лицами преступлений – это посягательства на чужое имущество (хищения).

Кроме того, подчеркнем, что отсутствие постоянного источника дохода нередко толкает этих преступников не только на разовое совершение преступлений корыстной или корыстно-насильственной направленности с целью материального обогащения, но и на

систематическое занятие преступной деятельностью, т. е. на профессиональной основе. В качестве примера можно привести дело о карманных кражах, совершаемых на территории автовокзала г. Ростова-на-Дону (см. Приговор № 22-190/2020 22-7659/2019 от 03.02.2020 г. по делу № 1-264/2019), где участники организованной преступной группы на протяжении 5 лет занимались таким профессиональным преступным промыслом, как карманничество. В состав данной группы входило около 10 членов. Примечательно, что члены этой преступной группы не имели легального источника дохода и находились в тяжелом материальном положении, согласно материалам следствия, а также имели специальные криминальные умения и навыки, позволяющие им длительное время получать постоянные доходы преступным путем и оставаться неуязвимыми к уголовному преследованию, что можно определить, как наличие у данных лиц признаков криминального профессионализма [21].

Также приведем пример дела о совершении гражданином Н. восьми квартирных краж с использованием особых криминальных умений и навыков (промысел профессионального домушника). Согласно материалам следствия, гражданин Н. обладал преступной специализацией и квалификацией, позволяющими длительное время совершать преступления, а главное, не имел постоянного источника дохода, официально в период совершения преступлений был безработным и нуждался в денежных средствах, что стало одним из определяющих факторов, повлиявших на выбор данным лицом в качестве средства для получения дохода преступного промысла домушника, позволяющего «поправить» свое материальное положение и обеспечить себе и своей семье нормальное существование. В результате гражданин Н. был осужден Приговором № 1-105/2016 от 03.06.2016 г. по делу № 1-105/2016 Сормовского районного суда (г. Нижний Новгород) [23]. За каждое из восьми преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) по совокупности преступлений ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 4 года 6 месяцев [1].

Так, рассматриваемые примеры наряду с ранее приведенными статистическими сведениями указывают, что отсутствие средств к существованию, низкий уровень доходов отдельных категорий населения можно оценивать как детерминанту роста профессиональной преступности.

Другим важным аспектом, характеризующим социально-экономическое положение отдельных групп населения в современном российском обществе, можно назвать не только низкий уровень доходов у некоторых социальных групп, но и поляризацию населения по уровню доходов. Характеризуя степень расслоения современного российского общества в количественных эквивалентах, укажем, что согласно официальным сведениям, коэффициент Джини, используемый для

оценки экономического неравенства в социуме, в России, начиная с 1990-х гг. и по настоящее время, с незначительными колебаниями растет. Так, если в 1995 г., по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, этот коэффициент составлял 0,387, то, например, в 2023 г. он уже составил 0,405 [10], что указывает на большую концентрацию доходов в руках отдельных групп населения (в идеальном варианте индекс Джини должен стремиться к нулю). В подтверждение данного утверждения также укажем, что, если, например, в 2015 г. практически половина совокупного денежного дохода в России была сосредоточена у наиболее обеспеченных слоев населения, то у беднейших 20 % – лишь 5,3 % национального дохода [11, с. 206–211]. А доходы 10 % самых богатых россиян в среднем в настоящее время превышают доходы 10 % самых бедных россиян в 16 раз, хотя согласно рекомендациям ООН, данный коэффициент не должен превышать 8–10 во избежание социальных катаклизмов [7, с. 795–805]. Также отметим, что, согласно сведениям Всемирного банка, положение граждан российского государства по неравенству в доходах населения хуже, чем в континентальных европейских странах и США [8, с. 8], что указывает на значительное имущественное расслоение в России.

Как видим, сегодня в российском обществе отмечается устойчивая поляризация населения по уровню доходов, которая, с одной стороны, является закономерным явлением для рыночной системы хозяйствования, однако с другой стороны, оказывает негативное влияние на развитие общества, усиливая его криминализацию.

Еще во второй половине XIX в. известный немецкий философ и экономист К. Маркс в работе «Наемный труд и капитал» справедливо отмечал: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съеживается до размеров жалкой хижины...» [9]. В продолжение темы современные исследователи верно указывают, что имущественная поляризация населения значительно усиливает социальную дисгармонию, которая, в свою очередь, приводит к увеличению нарушений закона, порождая протестные настроения среди общественных масс и обуславливая рост преступности корыстной или корыстно-насильственной направленности, где основной целью совершения преступлений является значительное улучшение своего материального положения [3, с. 63–74]. Еще больше ситуацию осложняет современный культ потребления, вытесняющий собой нравственные нормы, свойственный капиталистическому обществу и активно пропагандируемый современными СМИ, телевидением, социальными сетями и т. п. [5, с. 175], поскольку так называемых высоких стандартов потребления в настоящее время законными средствами и методами достичь достаточно проблематично, вследствие чего некогда

законопослушные граждане нередко выбирают материальное обогащение за счет совершения преступного деяния корыстной или корыстно-насильственной направленности не единожды, а систематически или, другими словами, на профессиональной основе.

Для подтверждения данного факта укажем, что эта тенденция в развитии криминальных отношений начала обнаруживаться еще в период 1990-х гг., когда «новые» «воры в законе» («элита» профессионального преступного мира) ввиду ярко выраженного имущественного расслоения стремились к значительному материальному обогащению в погоне за высокими стандартами жизни капиталистического общества, активно развивающегося после распада СССР. Так, если средний преступный доход советского «вора в законе», по сообщению исследователя А.И. Гурова, был умеренным и не отличался высоким уровнем, то доходы «новых» «воров в законе», появившихся с переходом отечественной экономики к рыночной системе хозяйствования, позволяли таким преступникам не просто обеспечивать собственное существование, но и вести действительно «респектабельный, роскошный образ жизни» [2].

Сегодня же отдельные законопослушные граждане в погоне за высоким материальным благосостоянием, видя значительную разницу между собственным уровнем доходов и доходами наиболее обеспеченных слоев населения, также встают на путь криминала. В подтверждение укажем, что при выборе преступных «профессий» современные правонарушители все чаще осваивают криминальные промыслы, которые позволяют получать значительную прибыль от совершения преступлений. К таким современным преступным «профессиям» относятся «профессии» изготовителя и сбытчика поддельных ценных бумаг, кредитных карт, иных платежных документов [14, с. 97–99], профессионального браконьера [4, с. 134], киллера, торговца оружием и наркотиками, сутенера, содержателя притона, контрабандиста, скиммера (лица, совершающего на постоянной основе хищения денежных средств с банковских карт (счетов) граждан) и др. [18, с. 50–55]. При этом менее прибыльные криминальные специализации, которые не приносят значительных доходов и не позволяют лицам существенно обогатиться, такие как, например, «наперсточник», «ломщик», «медвежатник» и некоторые другие, по справедливому замечанию отдельных исследователей, в настоящее время исчезают [4, с. 134].

Так, помимо низкого уровня жизни отдельных категорий населения в современных условиях утверждения высоких стандартов потребления отмечается укрепление в сознании некоторых социальных групп состояния экономической депривации (ощущения собственной обездоленности в сравнении с другими индивидами или же с принятыми в обществе стандартами), вследствие чего многие граждане в поисках

«роскошной жизни» встают на криминальный путь преступника-профессионала.

Еще одним важным аспектом формирования в социально-экономической сфере жизни общества детерминант роста профессиональной преступности является высокая прибыльность отдельных преступных промыслов (в отличие от законных источников заработка), которая превышает различные издержки и риски от совершения преступлений и позволяет преступникам приблизить свое материальное положение к высоким стандартам жизни капиталистического общества. Так, в настоящее время наблюдается ситуация, когда лица, склонные к совершению преступлений, все чаще выбирают противозаконный путь получения доходов, определяя для себя значительную выгоду даже в случае неблагоприятного исхода событий и обнаружения себя правоохранительными органами.

Подтверждая данный факт, укажем, что неслучайно, характеризуя тип личности преступника-профессионала, некоторые современные исследователи в настоящее время к типичным чертам характера многих современных профессиональных преступников относят личную рациональность и расчетливость, которая выражается в оптимальной оценке рисков от совершения преступлений и результатов достижения преступных целей [15, с. 94–95].

В качестве примера можно привести дело о незаконной рубке леса, совершенной в составе организованной группы в особо крупном размере при следующих обстоятельствах. Согласно материалам следствия, гражданин Ф. осознавал, что незаконная рубка леса с последующей его перепродажей принесет ему значительную прибыль. При этом данное лицо имело судимость, а значит, и «опыт» взаимодействия с правоохранительными органами, вследствие чего гражданин Ф. реально оценивал имеющиеся риски при совершении преступления (быть задержанным сотрудниками полиции либо работниками лесного отдела), однако, осознавая высокую прибыльность данного криминального промысла, покрывающую издержки от преступной деятельности, все же приступил к реализации своего преступного умысла. В результате гражданин Ф. и его пособники, применяя специальные криминальные умения, навыки, совершили шесть преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260 УК РФ, получили значительную прибыль, но были задержаны сотрудниками правоохранительных органов и осуждены Приговором № 1-3/50/2018 от 08.11.2018 г. по делу № 1-3/50/2018, Котельничского районного суда (Кировская область) [22].

Другой пример – дело о действиях организованной преступной группы, члены которой, имея необходимый опыт в проведении и юридическом сопровождении сделок с объектами недвижимости, особые криминальные умения и навыки «работы» с собственниками недвижимости, в течение нескольких лет осуществляли мошеннические

действия в этой сфере на территории Белгородской области, преследуя корыстную цель извлечения значительной финансовой выгоды от незаконных сделок с недвижимостью в крупных и особо крупных размерах. По материалам следствия, указанные мошеннические действия члены преступной группы совершали систематически и получали от этой деятельности систематический доход, подтверждая тем самым свой «статус» профессиональных преступников, а главное, данные лица осознавали повышенный риск их разоблачения, но извлечение от этих сделок значительной имущественной выгоды (по данным следствия, преступная группа причинила потерпевшим ущерб в размере 3 450 000 рублей) стало определяющим фактором при совершении преступниками данных мошеннических действий. В итоге Старооскольский городской суд Белгородской области 10.01.2024 г. вынес по делу обвинительный приговор [20].

Как видим, высокая прибыльность отдельных криминальных промыслов, которая по усмотрению самих преступников «покрывает» риски и издержки от преступной деятельности, также способствует вовлечению правонарушителей в занятие криминальной деятельностью на профессиональной основе.

Таким образом, в современной системе развития рыночных отношений и капиталистического общества с его активной пропагандой культа потребления и утверждения высоких стандартов материальной жизни человека социально-экономические детерминанты занимают важное место в иерархии причин, факторов и условий роста рассматриваемой разновидности преступности. Подытоживая все ранее сказанное, определим, что современные тенденции развития профессиональной преступной деятельности указывают на следующие детерминанты роста криминального профессионализма, существующие в социально-экономической сфере и оказывающие в той или иной степени влияние на дальнейшую «профессионализацию» криминальных отношений в обществе: низкий уровень жизни отдельных групп населения; поляризация населения по уровню доходов, обуславливающая необходимость искать дополнительные, хоть и нередко незаконные источники заработка; высокая в отличие от законных источников заработка прибыльность отдельных преступных промыслов, «покрывающая» различные издержки и риски от совершения преступниками-профессионалами преступлений. Считаем, что выявленные детерминанты обуславливают необходимость выстраивания специфической системы предупреждения профессиональной преступности в современности, которая должна быть ориентирована в первую очередь на противодействие укреплению обнаруженных зависимостей и нивелирование их негативного влияния на развитие криминогенной ситуации в преступной среде «профессионалов».

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Электронный ресурс]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/04.htm> (дата обращения: 18.10.2024).
3. Зубова Ю.А. Социально-экономические детерминанты современной российской преступности // Финансы и управление. 2021. № 2. С. 63–74.
4. Ишигеев В.С., Романова Н.Л., Бондарь А.Я. Криминальный профессионализм в XXI веке как объект криминологического исследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 132–137.
5. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Науч. эксперт, 2013. 264 с.
6. Клейменов М.П., Корнеев Д.В. Криминальные лидеры вчера и сегодня // Вестник ОмГУ. 2012. № 3 (65). С. 404–414.
7. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социально-экономические детерминанты преступности в современном российском обществе // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6. С. 795–805.
8. Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности: аналитический доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 30 с.
9. Маркс К. Наемный труд и капитал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politpros.com/library/14/33/> (дата обращения: 19.10.2024).
10. Неравенство и бедность // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 19.10.2024).
11. Новокшенова Е.Н., Найденова Т.А. Социальное неравенство в России: современное состояние // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: сб. материалов II ежегодной научно-практической конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений». Вологда, 2017. С. 206–211.
12. Общие сведения о состоянии преступности [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/import/f0a65b9851.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).
13. Подольный Н.А., Подольная Н.Н. Взаимосвязь уровня преступности и экономической пассивности населения на рынке труда // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1 (45). С. 57–66.
14. Сурнаков Е.В. Проблемы профессиональной преступности в настоящее время и пути их решения // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы научно-практической конференции / отв. ред. А.Г. Антонов. Новокузнецк: изд-во Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С.97–99.
15. Тулегенов В.В. Киберпреступность как форма выражения криминального профессионализма // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2 (33). С. 94–95.

16. Фадеев В.Н., Тэсс Л.В. Онтология и антология криминологии будущего (профессионально-организованная преступность – часть 3 – XXI в.) // Вестник экономической безопасности. 2019. № (3). С. 39–58.

17. Фарышев Е.В. Криминологическая оценка форм и масштабов проявления профессиональной преступности в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 120–126.

18. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4 (18). С. 50–55.

19. Ярмольчук В.Г. Динамика жизненного уровня населения в условиях рыночных реформ // Социология власти. 2006. № 6. С. 49–57.

20. Приговор Старооскольского городского суда (Белгородская область) № 1-41/2024 1-644/2023 от 10.01.2024 г. по делу № 1-41/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/M0U9ttbuzpa/> (дата обращения: 09.10.2024).

21. Приговор Ростовского областного суда № 22-190/2020 22-7659/2019 от 03.02.2020 г. по делу № 1-264/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/26w2ggsn0DNX/> (дата обращения: 15.07.2023).

22. Приговор Котельничского районного суда (Кировская область) № 1-3/50/2018 от 08.11.2018 г. по делу № 1-3/50/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oP4fmuP2X8Vp/> (дата обращения: 09.10.2024).

23. Приговор Сормовского районного суда г. Нижний Новгород (Нижегородская область) № 1-105/2016 от 03.06.2016 г. по делу № 1-105/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/32sHxv6hv2b8/> (дата обращения: 19.10.2024).

24. Состояние преступности – январь–декабрь 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 20.09.2024).

25. Состояние преступности – январь–декабрь 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/16053092/> (дата обращения: 20.09.2024).

26. Состояние преступности – январь–декабрь 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/1609734/> (дата обращения: 20.09.2024).

27. Состояние преступности – январь–декабрь 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/209652/> (дата обращения: 20.09.2024).

28. Состояние преступности – январь–декабрь 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/209710/> (дата обращения: 20.09.2024).

Об авторах:

ЗАРУБИНА Кристина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября 94), SPIN-код: 6376-0807, AuthorID: 1058731, e-mail: kris1996z@mail.ru

Socio-economic determinants of professional crime in Russia in modern conditions of development of society and the state

K.A. Zarubina

Southwest State University, Kursk

This article discusses some issues of determining professional crime in modern Russia. It has been established that, due to the special selfish orientation of this type of criminal activity, the determinants of the growth of criminal professionalism existing in the socio-economic sphere play a significant role. The purpose of this study is to identify the key socio-economic determinants of professional crime in the modern Russian state and analyze them. To achieve this goal, the research used methods of synthesis, analysis, generalization, systematization, as well as statistical, formal and legal methods. The study found that in the modern system of development of capitalist society in Russia with its active promotion of the cult of consumption and the establishment of high standards of human material life, the socio-economic determinants of the growth of criminal professionalism occupy an important place in the hierarchy of causes, factors and conditions for the growth of professional crime. The following determinants characteristic of this type of crime, found in the socio-economic sphere of modern Russian society, are identified: low material standard of living for individual groups of the population; polarization of the population by income level; high profitability of individual criminal trades, «covering» various costs and risks from committing crimes.

Keywords: *criminal professionalism, professional crime, determinants, growth of professional crime, socio-economic sphere.*

About author:

ZARUBINA Kristina – PhD in Historical Sciences, Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Southwest State University (Russia, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya 94), SPIN-code: 6376-0807, AuthorID: 1058731. e-mail: kris1996z@mail.ru

Зарубина К.А. Социально-экономические детерминанты профессиональной преступности в России в современных условиях развития общества и государства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 116–126.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Актуальные аспекты взаимодействия подразделений охраны с оперативными и режимными службами в уголовно-исполнительной системе

А.В. Орлов¹, В.А. Коркодинов²

¹ Санкт-Петербургский университет ФСИН России,
г. Псков

² Пермский институт ФСИН России, г. Пермь

Предупреждение и пресечение преступлений и правонарушений со стороны осужденных и лиц, содержащихся под стражей, обеспечение их надежной изоляции от общества, профилактика поступления на территорию учреждений запрещенных предметов – это далеко не исчерпывающий перечень задач, которые возлагаются на подразделения охраны и оперативно-режимные службы территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний России. Без взаимодействия вышеуказанных служб нормальная организация служебной деятельности уголовно-исполнительной системы невозможна, однако существующие особенности коммуникации между ними имеют свои аспекты, которые будут рассмотрены в данной статье. Целью написания научной статьи является определение аспектов взаимодействия между подразделениями охраны с оперативными и режимными службами в УИС, а также поиск способов их совершенствования. Методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают эмпирический и системно-структурный методы.

Ключевые слова: взаимодействие, оперативные подразделения, организация взаимодействия в ИУ, отдел охраны ИУ, отдел безопасности, оперативные подразделения УИС.

Наиболее приоритетной задачей, которую выполняет Федеральная служба исполнения наказаний России (далее – ФСИН России), является исполнение уголовных наказаний в виде лишения свободы. Для осуществления данного вида наказания используются учреждения, на территории которых содержатся осужденные и лица, заключенные под стражу. В целях недопущения побегов с территории этих учреждений, соблюдения осужденными установленного порядка отбывания наказания, а также для профилактики совершения ими преступлений и правонарушений в структуре ФСИН России создаются оперативные отделы, а также отделы безопасности (режима) и охраны.

Говоря о взаимодействии, целесообразно будет обратиться к источникам, определяющим фразеологические аспекты русского языка, например к таким, как словарь С.И. Ожегова, в котором слово

«взаимодействие» определяется как взаимная поддержка войск (согласованные действия войск при выполнении боевой задачи) [4, С. 106–109]. В рамках служебной деятельности уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) взаимодействие является процессом, который обеспечивает нормальное и бесперебойное функционирование учреждения УИС, определяющее его способность к выполнению внезапно возникающих задач, т. е. является одним из элементов рабочего процесса.

В функциональные задачи отделов охраны включены мероприятия по обеспечению и организации физической защиты учреждений ФСИН России, сотрудники которых призваны не только не допустить побегов спецконтингента с охраняемого объекта, но и предотвратить проникновение на территорию учреждения посторонних лиц и запрещенных предметов, вынос с территории учреждения материальных ценностей, они осуществляют пропускной режим и иные оперативно-режимные функции, направленные на безопасность в органах и учреждениях ФСИН России. Таким образом обеспечивается безопасность населения, в первую очередь граждан, находящихся рядом с учреждением, ведь риск того, что бежавший совершит повторное преступление, достаточно велик.

По мнению О.Г. Ковалева и А.В. Щербакова, «безопасность уголовно-исполнительной системы генетически связана с общей системой национальной безопасности, поскольку включает в себя комплекс нормативно-правовых и организационно-правовых сил и средств, направленных на противодействие угрозам нормальному развитию Российского государства и общества, правоохраняемым интересам граждан» [8, с. 109–116]. Исходя из этого, считаем, что взаимодействие подразделений безопасности, оперативных подразделений, отделов охраны необходимо рассмотреть как в узком, так и в широком смысле с целью обеспечения безопасности в местах лишения свободы. Также считаем необходимым проанализировать организацию взаимодействия отделов безопасности по отношению к оперативной работе учреждения и службы охраны в системе УИС, т. к. это является основной работой по обеспечению безопасности в местах лишения свободы и в системе УИС в целом.

Взаимодействие заключается в своевременном обмене предупреждающей информацией о готовящихся противоправных деяниях со стороны спецконтингента, совместном планировании мероприятий проверочного характера, организации совместных действий при происшествиях и не только. Координация взаимодействия между отделами и службами является неотъемлемой частью работы начальников учреждений и органов ФСИН России, потому что каждое структурное подразделение имеет конкретное направление служебной

деятельности и обладает своими особенностями в организационно-штатной структуре.

Согласно сведениям ведомственных статистических отчетов, можно сделать выводы о том, что количество особо учитываемых преступлений и правонарушений, связанных с обеспечением охранных, режимных и оперативных служб в органах и учреждениях УИС, продолжает увеличиваться. Так, за 9 месяцев 2024 г. было совершено 5 побегов из-под охраны, тогда как за аналогичный период прошлого года всего 1 побег. Также за 9 месяцев 2024 г. было допущено 45 фактов отсутствия осужденных на месте, впоследствии возбуждено более 30 уголовных дел [3]. Данные факты оказывают достаточно большое влияние на общую безопасность в УИС сотрудников, персонала учреждения, а также лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Одной из основных причин допущения указанных особо учитываемых преступлений, по мнению Главного оперативного управления ФСИН, является неэффективное взаимодействие заинтересованных в профилактике преступлений отделов и служб учреждений и органов УИС.

Отделы безопасности (режима) и оперативные отделы обеспечивают безопасность как внутри учреждения, так и на режимной прилегающей территории. Функционал сотрудников отделов безопасности, как и оперативных подразделений УИС, закреплён в их должностных инструкциях, которые составляются с учётом действующего федерального законодательства и направлены в первую очередь на обеспечение безопасности персонала, работников, сотрудников исправительного учреждения, а так же спецконтингента, осуждённого к лишению свободы в УИС.

Задачи оперативных подразделений УИС по профилактике правонарушений и преступлений, связанных в том числе с общей профилактикой и взаимодействием для обеспечения правопорядка в исправительном учреждении (далее – ИУ) со службой охраны, службой безопасности в ИУ, закреплёны ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

Указанные в федеральном и ведомственном законодательстве задачи оперативных подразделений УИС имеют непосредственное отношение ко всем взаимодействующим отделам и службам того или иного исправительного учреждения и направлены на профилактику правонарушений и преступлений как в самом учреждении, так и на прилегающих режимных территориях и объектах УИС, имеющих прямое отношение к тому или иному исправительному учреждению.

Служебная деятельность подразделений охраны включает в себя комплекс мероприятий, проводимых во взаимодействии с другими службами УИС, в частности с отделами безопасности (режима) и оперативными службами учреждений и органов ФСИН России.

Эффективное взаимодействие отделов охраны, безопасности и оперативного отдела принципиальным образом влияет на физическую безопасность должностных лиц и граждан, которые несут службу на территории учреждения или осуществляют там свою трудовую деятельность, недопущение совершения преступлений и правонарушений этими лицами, а также способность учреждения своевременно реагировать на внезапно возникающие угрозы.

Реализация функциональных обязанностей сотрудниками подразделений охраны сопряжена с использованием огнестрельного оружия. Огнестрельное оружие является основным средством выполнения задач, возложенных на службу охраны, и имеет высокую степень опасности, т. к. несоблюдение мер безопасности при обращении с оружием может повлечь за собой крайне тяжелые последствия. Для организации хранения вооружения и боеприпасов в учреждениях УИС создаются специально оборудованные для этих целей места – комнаты хранения оружия.

В целях обеспечения надежной охраны комнат хранения оружия, организации контроля над соблюдением предъявляемых к ним требований и исключения фактов утраты вооружения и боеприпасов, которые находятся на хранении в этих комнатах, между отделом охраны и оперативным отделом учреждения осуществляется взаимодействие, в рамках которого проводятся совместные комиссионные обследования комнат хранения оружия на предмет сохранности вооружения и боеприпасов, соблюдения условий их хранения.

Такой подход к организации совместной работы позволяет осуществлять профилактику фактов хищения вооружения и боеприпасов, а также случаев их нецелевого использования. Помимо этого, при осуществлении взаимодействия отделов охраны и оперативных отделов в этой сфере служебной деятельности учреждений УИС стимулируется правопослушное отношение сотрудников к работе с оружием и соблюдение ими мер безопасности при обращении с ним.

Ключевым направлением служебной деятельности подразделений охраны УИС является работа по организации пропускного режима в исправительных учреждениях. Как уже упоминалось ранее, взаимодействие представляет собой важную составляющую в организации трудовых процессов, осуществляемых учреждениями УИС.

Тяжело не согласиться с мнением Н.Б. Лелик, которая полагает, что целью организации пропускного режима является то, чтобы совместно с оперативными, режимными и другими службами учреждения не допустить побегов из-под охраны (покушений на побег из-под охраны), проникновения запрещенных к использованию осужденными предметов, веществ и продуктов питания, а также обеспечить сохранность материальных ценностей [1, с. 107]. Для того чтобы организовать выполнение вышеперечисленных задач, сотрудники оперативных

отделов, отделов охраны и безопасности коллегиально планируют тактику и методику осуществления досмотров, определяют круг должностных лиц, которые привлекаются к их проведению, разрабатывают планирующие документы, в которых определяется порядок досмотра транспортных средств и грузов, а также определяется алгоритм действий должностных лиц при возникновении происшествий.

Однако в таком сложном и многогранном процессе взаимодействия между службами происходит сбой, то рано или поздно это приведет к возникновению неспособности осуществлять пропускной режим должным образом, что повлечет за собой появление потенциальной возможности поступления на территорию учреждения запрещенных предметов. За 2023 г., исходя из основных показателей деятельности УИС, было зарегистрировано 230 фактов нарушений пропускного режима [6, с. 620], что свидетельствует о наличии определенных проблем в этой сфере.

Основными нарушениями требований пропускного режима являются:

- несоблюдение алгоритма досмотра сотрудниками, входящими в состав досмотровой группы;
- использование неисправного досмотрового инструмента;
- нарушение последовательности досмотра;
- привлечение к досмотровым мероприятиям неподготовленных сотрудников;
- пропуск людей и транспорта на территорию учреждения по неправильно оформленным документам.

Вышеуказанный перечень недостатков, имеющих место быть в организации пропускного режима, не исчерпывающий, но если осуществлять своевременную профилактику их возникновения, не исключая элементы взаимодействия между заинтересованными отделами и службами, то их количество можно свести к минимуму, а в долгосрочной перспективе – исключить, применяя новые технические средства надзора и контроля как за спецконтингентом, так и за иными лицами, посещающими учреждение.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на высокий уровень неуккомплектованности учреждений УИС сотрудниками отделов безопасности, охраны, а также оперативной службы. Данный фактор негативным образом влияет на способность сотрудников осуществлять эффективное взаимодействие при осуществлении своих полномочий, что чаще всего ведет к ослаблению их бдительности при несении службы, а так же сказывается на его качестве.

Еще одним актуальным аспектом взаимодействия между отделами охраны и безопасности, а также оперативным отделом можно считать совместную работу по соблюдению требований информационной безопасности на территории учреждения. В эпоху цифровой

трансформации ФСИН России это направление служебной деятельности является одним из приоритетных. При организации этой работы формируются единые системы хранения видеоархивов, полученных как со стационарных средств видеонаблюдения, так и с переносных. Помимо этого, осуществляются мероприятия, направленные на исключение возможности получения доступа спецконтингента к системам хранения видеоинформации, как на аппаратном, так и на техническом уровнях, проводится профилактика нарушений требований информационной безопасности со стороны сотрудников УИС.

Нельзя не сказать о взаимодействии в сфере профилактики поступления средств сотовой связи на охраняемую территорию. В соответствии с требованиями действующего законодательства осужденным и лицам, содержащимся под стражей, сотовыми телефонами пользоваться запрещено, но несмотря на это, они используют все возможные способы для того, чтобы заполучить средство связи, нередко применяя его для совершения повторных преступлений. А.А. Нуждин в своем исследовании типичных способов совершения мошенничеств, реализуемых осужденными в учреждениях УИС с помощью средств сотовой связи, выделял следующие их виды: отправление (передача) сообщения с просьбой пополнить лицевой счет телефона; розыгрыш мобильной лотереи; передача информации на абонентский номер потерпевшего с целью введения в заблуждение о якобы совершенном его родственником преступления и др. [2, с. 11].

Средства сотовой связи попадают на территорию исправительного учреждения различными способами. Среди основных можно выделить переброс через ограждения запретных зон, использование тайников в посылках и передачах, укрытие сотовых телефонов в автомобильном транспорте, заезжающем на территорию учреждения, доставка квадрокоптером.

Возвращаясь к вопросу актуальности взаимодействия отделов охраны, безопасности и оперативного отдела в сфере профилактики поступления средств сотовой связи на территорию учреждения, необходимо отметить, что без организации взаимодействия выстроить правильную, а самое главное эффективную работу по этому вопросу не представляется возможным ввиду того, что пресечь передачу средства сотовой связи можно на разных этапах его доставки: на стадии подготавливаемого преступления, при наличии упреждающей информации, при ведении качественной обысково-досмотровой работы, а так же с помощью профилактических мероприятий, направленных на своевременное обслуживание инженерных сооружений и технических средств на «периметре» учреждения [5, с. 58–67].

Если говорить о деятельности оперативного отдела, то это проведение работы по получению информации о готовящихся попытках передачи сотовых телефонов на территорию учреждения и направление

ее в отдел охраны. В свою очередь, основной задачей отдела охраны будет грамотное и эффективное использование заранее известной информации, которая позволит своевременно обнаружить запрещенные предметы и правильно провести мероприятия по фиксации нарушений.

Согласно исследованию А.В. Дергачева, В.В. Федерова и В.П. Семенова, «с появлением сотовой связи насущной проблемой любого исправительного учреждения стало наличие у осужденных средств мобильной связи. Используя средства мобильной связи, осужденные налаживают каналы поступления в исправительные учреждения запрещенных предметов, устанавливают преступные связи с лидерами уголовно-преступной среды, совершают мошеннические действия, причиняя значительный материальный ущерб потерпевшим, делают заведомо ложные сообщения об актах терроризма, готовящихся взрывах и поджогах, которые впоследствии имеют большой общественный резонанс. Ежегодно сотрудниками исправительных учреждений изымается более 60 тысяч сотовых телефонов, и несмотря на предпринимаемые меры значительно снизить количество находящихся в пользовании у осужденных средств мобильной связи пока не удастся» [7, с. 18].

В ходе эмпирического исследования на базе ФКУ ИК-4 УФСИН России по N-й области, были сделаны следующие выводы. Осужденные, лица, прибывающие на краткосрочные, длительные свидания, а зачастую вольнонаемный персонал ИУ с корыстными намерениями, как правило, используют следующие способы доставки запрещенных предметов на режимную территорию:

- перебросы через ограждения запретной зоны учреждения;
- доставка запрещенных предметов по средствам провоза на режимную территорию автотранспорта;
- сокрытие запрещенных предметов в труднопросматриваемых продуктах питания посредством посылок и бандеролей;
- сокрытие запрещенных предметов в труднопросматриваемых предметах бытового оборота посредством посылок и бандеролей.

Также при опросе сотрудников учреждения было выявлено, что отделы безопасности, владея упреждающей информацией по профилактике поступления запрещенных предметов, при взаимодействии с оперативными подразделениями и отделами охраны сталкиваются с проблемами:

- отсутствие упреждающей информации по факту доставки запрещенных предметов;
- слабая воспитательная работа, проводимая отделами по воспитательной работе с осужденными;
- недостаточно качественный досмотр посылок и передач, приходящих в адрес ИУ, в связи с повышенной служебной нагрузкой на сотрудников всех вышеупомянутых отделов и служб, а вследствие –

отсутствие оперативного перекрытия указанного объекта и качественного досмотра при въезде на режимную территорию автомобиля с посылками и передачами;

– в силу высокого уровня неукомплектованности сотрудниками для несения службы в отделах безопасности на объектах надзора ИУ, а также при осуществлении охраны на периметре учреждения, отсутствия упреждающей информации у оперативных подразделений, зачастую переброшены запрещенных к хранению осужденными предметов через участки запретных зон остаются вне поля зрения сотрудников отделов охраны, что также отражается и на качестве взаимодействия указанных подразделений.

Руководствуясь вышеизложенным, представляется возможным выделить актуальные аспекты взаимодействия подразделений исправительных учреждений для более качественной организации их совместной работы с целью профилактики правонарушений и преступлений в органах и учреждениях УИС:

– повышение престижа уголовно-исполнительной системы с целью укомплектования указанных отделов и служб, проектирование новых законопроектов по нормативному урегулированию социальных гарантий УИС, направленных на повышение самих социальных гарантий в современных реалиях, выражающихся в первую очередь в повышении денежного довольствия сотрудников УИС;

– обмен информацией об оперативной обстановке в учреждениях УИС между указанными отделами;

– обмен оперативной информацией с заинтересованными отделами и службами территориального органа УИС, в том числе в отношении лидеров уголовно-преступной среды, организованных преступных сообществ;

– учет «воров в законе», лидеров отрицательных группировок, лиц, склонных к различным противоправным действиям, своевременное занесение их на стенды с актуальными фото и иными ориентировками;

– выявление лидеров уголовно-преступной среды, нейтрализации их противоправной деятельности по совместному согласованию оперативными, режимными и иными заинтересованными службами ИУ;

– участие в расследовании чрезвычайных происшествий и преступлений в учреждении и выработка мер по их профилактике по совместному согласованию оперативными, режимными и иными заинтересованными службами ИУ;

– выявление, сбор и анализ сведений о коррумпированных лицах в учреждении, неслужебных связях персонала учреждения со спецконтингентом;

– оказание помощи территориальным органам внутренних дел в раскрытии преступлений;

- профилактика преступлений и правонарушений среди спецконтингента по совместному согласованию оперативными, режимными и иными заинтересованными службами ИУ;
- обеспечение безопасности сотрудников учреждения и членов их семей, должностных и иных лиц, находящихся на территории учреждения, а также осужденных;
- организация системы охраны и надзора за осужденными в учреждении; профилактика побегов и других преступлений среди осужденных;
- обеспечение учреждения инженерно-техническими средствами охраны, надзора, связи и сигнализации;
- обмен информацией об оперативной обстановке в учреждении; организация своевременного этапирования осужденных;
- обеспечение учреждения вооружением, специальными средствами; совершенствование тактики действий при чрезвычайных происшествиях (побегах, захватах заложников и т. д.), проведение тренировок и тактико-специальных учений;
- обмен информацией по дисциплинарной практике среди осужденных; своевременный перевод осужденных с одного вида режима отбывания наказания на другой по совместному согласованию оперативными, режимными и иными заинтересованными службами ИУ;
- организация и проведение профориентационной работы, направленной на привлечение кадров для прохождения службы в УИС с участием представителей заинтересованных отделов и служб;
- проработка вопроса по внесению изменений в порядок начисления денежного довольствия сотрудникам УИС, позволяющего производить его перераспределение с вакантных должностей на укомплектованные;
- развитие системы социальных гарантий сотрудникам УИС путем увеличения их количества;
- рассмотрение возможности премирования сотрудников, достигших высоких показателей в служебной деятельности, за счет средств, полученных в результате производственной деятельности учреждения;
- модернизация комплекса инженерно-технических средств охраны и надзора (ИТСОН), применяемых в учреждениях;
- совершенствование кадрового потенциала УИС путем увеличения качественной составляющей при организации воспитательной работы в образовательных организациях ФСИН России, направленной на патриотическое воспитание;
- предоставление дополнительных выплат сотрудникам, получившим право выхода на пенсию, что будет являться существенным стимулом продолжить службу в УИС, а также способствовать формированию кадрового резерва, состоящего из особо подготовленных и опытных сотрудников.

Подводя итог, целесообразно обратить внимание на то, что безопасность сотрудников, персонала и самих осужденных играет ключевую роль для достижения целей уголовно-исполнительного права. Наличие у осужденных запрещенных предметов способствует усложнению криминогенной и оперативной обстановки внутри учреждения, провоцирует нарушение правил внутреннего распорядка, а также служит катализатором для совершения преступлений вне исправительного учреждения. Качественное взаимодействие указанных нами отделов и служб в частности и повышение престижа системы в общем должно способствовать качественной профилактике правонарушений как внутри учреждения, так и за его пределами.

Список литературы

1. Лелик Н.Б. Особенности организации пропускного режима в учреждениях УИС // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: Материалы Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию со дня рождения профессора Александра Львовича Ременсона – юриста, ученого-пенитенциариста, педагога, основателя Томской школы исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права, Томск, 27–28 апреля 2023 года. Выпуск 11. Томск: ФКУ ДПО «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний», 2023. С. 106–109.
2. Нуждин А.А. Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи: дис. ... канд. юрид. Наук. Рязань, 2013. 232 с.
3. Обзор о состоянии преступности и правопорядка в учреждениях и органах ФСИН России исх-02-91709 от 11.11.2024 г. (не публиковался).
4. Ожегов С.И. Словарь Русского языка. М.: Русский язык, 1981. 814 с.
5. Орлов А.В. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе на современном этапе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 58–67.
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь–декабрь 2023 г.: информационно-аналитический сборник. Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2024. 664 с.
7. Ухищрения применяемые для сокрытия запрещенных предметов в учреждениях ФСИН России: учебно-практическое пособие / М.В. Овечкин [и др.]. Рязань: УФСИН России по Рязанской области, Академия ФСИН России, 2016. 100 с.
8. Щербаков А.В. Особенности функционирования отечественной пенитенциарной системы: организационно-правовой аспект // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 109–116.

Об авторах:

ОРЛОВ Антон Владимирович – старший преподаватель кафедры организации режима, Санкт-Петербургский университет ФСИН России (Псковский филиал), SPIN-код: 4740-3652, AuthorID: 1159430, e-mail: antoneagle92@mail.ru

КОРКОДИНОВ Вячеслав Алексеевич – преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования, Пермский институт ФСИН России, SPIN-код: 1645-1425, AuthorID: 1268798, e-mail: korkodinov32@yandex.ru

Current aspects of interaction between security units with operational and security services in the penal system

A.V. Orlov¹, V.A. Korkodinov²

¹ St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov

² Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm

Prevention and suppression of crimes and offenses by convicts and persons in custody, ensuring their reliable isolation from society, preventing the entry of prohibited items into the territory of institutions - this is far from an exhaustive list of tasks assigned to security units and operational and security services of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia. Without the interaction of the above services, normal organization of official activities of the penal system is impossible, however, the existing features of communication between them have their own aspects, which will be discussed in this article. The purpose of writing a scientific article is to determine the aspects of interaction between security units with operational and security services in the penal system, as well as to find ways to improve them. The methodological basis of this study is a set of methods of scientific knowledge, among which the main place is occupied by empirical and system-structural methods.

Keywords: *interaction, operational units, organization of interaction in the penal institution, penal institution security department, security department, operational units of the penal system.*

About authors:

ORLOV Anton – Senior Lecturer, Department of Regime Organization, St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov Branch), SPIN-code: 4740-3652, AuthorID: 1159430, e-mail: antoneagle92@mail.ru

KORKODINOV Vyacheslav – Lecturer, Department of Regime Organization, Security and Escort, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, SPIN-code: 1645-1425, AuthorID: 1268798, e-mail: korkodinov32@yandex.ru

Орлов А.В., Коркодинов В.А. Актуальные аспекты взаимодействия подразделений охраны с оперативными и режимными службами в уголовно-исполнительной системе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 127–137.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Особенности развития преступности несовершеннолетних и способы ее предупреждения с использованием новых технологий¹

Е.О. Яковлева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Рассматриваются актуальные вопросы развития преступности несовершеннолетних в России. Определена специфика ее проявления с учетом совершенствования современных технологий, а также неблагоприятные итоги для российского общества в контексте обеспечения национальной безопасности. Изучены официальные статистические данные о количественно-качественных показателях преступности несовершеннолетних, что позволило определить отдельные прогнозные значения в ее дальнейшем развитии. Обосновывается необходимость совершенствования действующей системы предупреждения преступности несовершеннолетних путем использования новейших технологий с применением методов искусственного интеллекта.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, тенденции, криминальная субкультура, делинквентное поведение, агрессия, киберпреступность, предупреждение, искусственный интеллект.

Многонациональный российский народ в своих убеждениях склонен исходить из ответственности к нынешнему и будущему поколениям, воспринимая их неотъемлемой частью процветания, благополучия и развития России как целостного суверенного демократического государства. Поэтому одним из приоритетных направлений страны является помощь в социальной идентификационной ориентации наиболее восприимчивой и уязвимой к внешнему воздействию группы – несовершеннолетних.

Препятствием на пути к формированию надежного поколения по-прежнему остается преступность среди несовершеннолетних, выступая, по сути, одной из современных угроз национальной безопасности России. Тревожность вызывает особый характер совершаемых несовершеннолетними преступных деяний в последние годы, их коварство, агрессия и хладнокровие. Особенно примечательны деяния, совершаемые группой несовершеннолетних, в том числе лицами женского пола, влекущие тяжкие последствия. Складывающаяся

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.

ситуация не может не диктовать необходимость в своевременном предупреждении таких правонарушений, что невозможно представить без использования средств уголовно-правового реагирования. Однако их реализация должна строго соответствовать характеру и степени вины несовершеннолетнего, а также учитывать конкретные жизненные условия формирования его личности. Как известно, являясь составной частью общей преступности, преступность несовершеннолетних обладает специфическими особенностями, обусловленными, прежде всего, возрастными характеристиками субъектов, что позволяет рассматривать ее как самостоятельное криминологическое явление [12, с. 8]. Научные исследования в части изучения личности современного преступника в несовершеннолетнем возрасте как никогда необходимы криминологической науке. Ведь отсутствие выработанных адекватных мер реагирования и коррекции асоциального поведения может привести к эффекту, верно обозначенному О.В. Зайцевым, говорящему о «риске распространения идеи изоляционизма, базирующейся на представлении о необходимости защиты общества от лиц с девиантным поведением» [2, с. 107].

Динамика преступности несовершеннолетних за последние годы демонстрирует тенденцию к снижению. Для понимания текущей ситуации необходимо рассмотреть ее за последние десять лет (рис. 1) [17]. Статистические данные за период 2014–2024 гг. представляют собой следующую хронологическую последовательность: в 2014 г. зафиксировано 36 574 преступления, совершенных несовершеннолетними, что представляет собой пиковое значение в рассматриваемом временном интервале. Последующие годы характеризуются поступательным снижением: 2015 г. – 35 924 преступления (снижение на 1,8 %), 2016 г. – 35 205 преступлений (снижение на 2,0 %). Особенно заметное сокращение наблюдается с 2017 г., когда количество преступлений снизилось до 30 023 (снижение на 14,7 %) по сравнению с предыдущим годом. Тенденция к снижению сохранилась в 2018 г. – 27 833 преступления (снижение на 7,3 %) и в 2019 г. – 25 835 преступлений (снижение на 7,2 %).

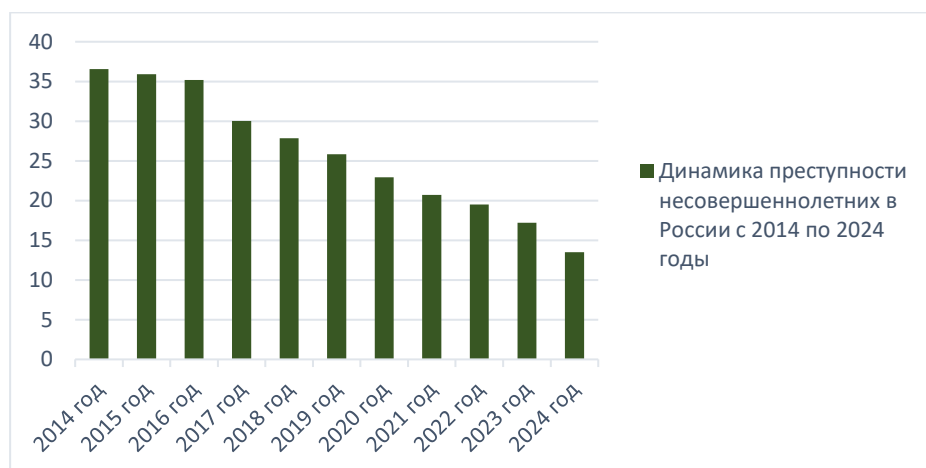

Рис. 1. Динамика преступности несовершеннолетних в России с 2014 по 2024 гг.

Примечательно, что в период пандемии COVID-19 темпы снижения подростковой преступности ускорились: в 2020 г. зарегистрировано 22 942 преступления (снижение на 11,2 %), что возможно связать с режимом самоизоляции и дистанционным обучением. Последующие годы демонстрируют продолжение тенденции: 2021 г. – 20 711 преступлений (снижение на 9,7 %), 2022 г. – 19 489 преступлений (снижение на 5,9 %), 2023 г. – 17 200 преступлений (снижение на 11,7 %). Стоит отметить, что статистические данные отражают количество преступлений в 2024 г. лишь за первые восемь месяцев – 13 500, что составляет 78,5 % от общегодового показателя 2023 г. При сохранении текущих тенденций прогнозируемое количество преступлений по итогам 2024 г., вероятно, превысило показатель предыдущего года, что сигнализирует о возможном прерывании долгосрочной тенденции снижения преступности несовершеннолетних и требует особого внимания со стороны правоохранительных органов и системы профилактики.

Таким образом, как мы видим по данным официальной статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ, количество зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними на территории России, в последние десять лет имеет тенденцию к снижению. Однако этот показатель, вероятно, не связан напрямую с эффективностью превентивных мер, а может быть обусловлен объективными причинами, такими как демографический кризис, высокая латентность данного вида преступности и повышение криминальной активности детей младше 14 лет.

Согласно статистическим данным Следственного комитета РФ за 2024 г. следует отметить зафиксированный рост особо тяжких преступлений несовершеннолетних – на 22 % по сравнению с

аналогичным периодом 2023 г. [15]. Кроме того, для наглядного примера можно провести сравнение с тем же 2014 г. Так, по мнению отдельных авторов «в 2014 году доля преступлений, повлекших тяжкие телесные повреждения, составила 21,2 %, а убийств – 26,9 %. В 2015 году эти показатели составили 22,7 % и 27,3 %» [8, с. 188]. Данная статистика свидетельствует о высоком уровне общественной опасности преступности среди несовершеннолетних.

Значительная часть преступлений несовершеннолетних совершается в группе, что обусловлено психологическими особенностями подросткового возраста, стремлением к самоутверждению в кругу сверстников и подверженностью влиянию масс. В подобных криминальных группах часто формируется своя система ценностей, противоречащая общепринятым нормам морали и права, что способствует закреплению противоправных установок у их участников. Если несколько лет назад несовершеннолетние совершали преступления индивидуально или в небольшой по составу группе по 2–3 человека, то в настоящее время все чаще фиксируются преступления, совершенные организованными группами, состоящими более чем из 5–6 человек. По информации Следственного комитета РФ, доля групповых преступлений среди несовершеннолетних составила свыше 40 % в общем массиве совершенных преступлений. Согласно анализу статистических данных Судебного департамента при Верховном суде РФ о групповой преступности несовершеннолетних за последние три года: в 2022 г. зафиксировано 7 622 преступления в составе группы несовершеннолетних, в 2023 г. этот показатель составил 6 601 единицу, а за первые восемь месяцев 2024 г. зарегистрировано 3 037 групповых преступлений рассматриваемого типа. Поэтому, несмотря на количественное снижение групповой преступной активности, ее качественные показатели имеют обратный смысл. Возможно, такая динамика связана с активным вовлечением несовершеннолетних в различные группы, особенно в этно-религиозные конфликты, экстремистские и националистические движения. В поддержку данного вывода выступают Н.Н. Окутина и Л.В. Забелич, выражающие особую обеспокоенность вовлечением несовершеннолетних в рассматриваемую преступную деятельность и утверждающие, что «согласно статистическим данным 30,4 % от общего числа лиц, совершающих убийства по экстремистским мотивам, – несовершеннолетние» [5, с. 116].

В общей структуре преступности несовершеннолетних традиционно преобладают имущественные преступления, такие как кражи, грабежи и разбои. Вместе с тем наблюдается тенденция к увеличению доли насильственных преступлений, в том числе особо тяжких. Как отмечалось выше, в 2024 г. зафиксирован рост особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, на 22 %. Этот

показатель свидетельствует о качественном изменении характера рассматриваемой преступности, что может быть отчасти связано с усилением агрессивности в подростковой среде, вызванной влиянием информационного контента в СМИ и сети Интернет, оказывающего деструктивный характер на поведение несовершеннолетних. Это информационное поле действия имеет колоссальное давление на слабую и еще не окрепшую психику ребенка. Деструкция сознания у подростков – это процесс разрешения их моральных ориентиров под воздействием различных факторов, где интернет, по нашему мнению, играет ключевую роль, ведь несовершеннолетний в силу возрастных психологических особенностей подвержен крайне острому воздействию со стороны окружающей его обстановки [4, с. 104].

Новой тенденцией последнего пятилетия стало качественное изменение преступности несовершеннолетних, совершаемой с использованием IT-технологий. Так, начиная с 2020 г., общее число преступлений, совершенных с использованием информационных технологий лицами не старше 18 лет, увеличилось примерно в 74 раза. В течение 2023 г. правоохранительными органами было выявлено около 4 000 киберпреступлений, которые были совершены подростками, при этом в 2020 г. таких случаев было зафиксировано только 54 [16]. Резкое увеличение данного показателя обусловлено, прежде всего, стремительным развитием компьютерных технологий. Кроме того, преступники активно вовлекают подростков в сферу киберкриминала, обещая им быстрый и большой доход, при этом не рассказывая о возможных последствиях в виде уголовного преследования.

Тревожной тенденцией является увеличение числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними в состоянии алкогольного, токсического и наркотического опьянения. Особое внимание следует обратить на категорию преступлений, совершенных в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Так, в 2022 г. зарегистрировано 1 537 таких преступлений, в 2023 г. – 1 232. Следует отметить, что установить факт опьянения на момент совершения преступления довольно сложно, поэтому реальный показатель может быть значительно выше. Опасность представляет проблема, которая заключается в том, что пользователям глобальной информационной сети буквально навязывается информация о положительном действии наркотиков, появлении «легальных порошков», а также предоставляется возможность быстро и недорого приобрести психотропное или наркотическое средство либо заработать на этом. Так, наблюдается рост количества преступлений по факту сбыта наркотиков через интернет – их число выросло на 19 % (с 5 885 до 6 998 единиц) [14].

В структуре преступности несовершеннолетних в 2024 г. также необходимо выделить значительную долю преступлений, совершенных несовершеннолетними мигрантами. По словам А.И. Бастрыкина: «В 2024

году количество преступлений, совершенных несовершеннолетними мигрантами, увеличилось на 10 % по сравнению с предыдущим годом» [3]. Особенно тревожным является более чем двукратное увеличение числа особо тяжких деяний – с 53 до 108 случаев. Стоит заметить, что некоторые мигранты сплачиваются на почве русофобии. Эта тенденция может свидетельствовать о проблемах адаптации и интеграции несовершеннолетних мигрантов в российское общество, языковых барьерах, культурных различиях, а также недостаточной эффективности существующих механизмов их социализации.

В последние годы в ряды преступных групп несовершеннолетних все активнее вовлекаются лица женского пола. Преступность среди данной группы несовершеннолетних обладает высокой латентностью. Качественно она становится все более опасной, с переходом от менее серьезных к более тяжким преступлениям. Кроме того, необходимо отметить циклический, т. е. волнообразный характер изменения доли женской преступности, периоды пиков сменяются спадом и новым пиком. Так, в период с 2011 по 2015 гг. рассматриваемый показатель увеличился на 11,1 % (с 10,8 % до 12,0 %), а затем сократился на 23 % (с 12,0 % до 9,2 %) [3, с. 480]. В 2022 г. зафиксировано около 1 260 преступлений, совершенных несовершеннолетними девушками, в 2023 г. показатель был примерно такой же – 1 236 преступлений [17].

Современное состояние преступности несовершеннолетних в России характеризуется рядом сложных и взаимосвязанных проблем. Одной из ключевых является недостаточная эффективность существующей системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Несмотря на наличие разветвленной системы субъектов профилактики, включающей комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и попечительства, образовательные учреждения, органы внутренних дел и другие, их деятельность зачастую носит формальный характер и не учитывает индивидуальные особенности несовершеннолетних, находящихся в группе риска. Отсутствие системного подхода к выявлению и сопровождению таких подростков приводит к тому, что профилактические меры применяются несвоевременно или не в полном объеме. «По данным на апрель 2024 г. в России на профилактическом учете состоят более 400 тысяч подростков, при этом четверть из них повторно совершают правонарушения» [15].

Особую проблему представляет недостаточная эффективность мер ресоциализации несовершеннолетних, совершивших преступления. В 2024 г. за 8 месяцев 832 несовершеннолетних совершили преступление повторно [17]. После отбытия наказания подростки нередко сталкиваются с трудностями в продолжении образования, трудоустройстве, восстановлении социальных связей, что повышает риск рецидива. Отсутствие целостной системы постпенитенциарного

сопровождения несовершеннолетних не позволяет обеспечить их успешную реинтеграцию в общество.

Значимой проблемой является также распространение особой субкультуры среди подростков, пропаганда криминальных ценностей и образа жизни в СМИ и сети Интернет. «Закономерности отклоняющегося поведения несовершеннолетних кроются в культурной архаизации ввиду растущего динамизма социальных контактов и интенсификации информационных обменных процессов, что приводит к появлению различных субкультур в молодежной среде, способных выступать самостоятельным криминогенным фактором» [13, с. 616]. В последние годы отмечается романтизация криминального образа жизни в молодежной среде, что способствует формированию деструктивных поведенческих установок у подростков, создающих ложное представление о понятии морали и общественной нравственности.

Проблемы семейного неблагополучия, включая алкоголизм и наркоманию родителей, домашнее насилие, отсутствие должного контроля за поведением детей, также являются значимыми факторами риска совершения преступлений несовершеннолетними. Семья как один из ключевых социальных институтов оказывает существенное влияние на формирование личности несовершеннолетнего. В семье подросток приобретает первые навыки общения, учится справляться со стрессом и реагировать на внешние раздражители, а также адаптируется к различным жизненным ситуациям. Если семья функционирует нормально, ее функции выполняются ответственно и дифференцированно, то это способствует удовлетворению потребностей в развитии как всей семьи, так и каждого ее члена. Неблагополучный опыт семьи в преодолении социальных проблем имеет негативные последствия, способные в будущем проявиться в делинквентном поведении несовершеннолетнего по аналогии с законными представителями. По мнению М.С. Авакян, есть несколько условий, связанных с семьей ребенка, которые могут предопределять преступное поведение: большая семья, антиобщественное поведение родителей, злоупотребление или пренебрежение со стороны родителей, определенные методы воспитания; разрушение семьи [1, с. 9]. По данным на октябрь 2024 г. в стране насчитывалось более 200 тысяч несовершеннолетних, живущих в семьях, которые находятся в условиях социального неблагополучия, а 220 тысяч таких семей состоят на учете [7]. Неблагоприятный семейный микроклимат, отсутствие положительных моделей поведения и эмоциональной поддержки со стороны родителей существенно повышают вероятность формирования девиантного поведения у подростков.

Рассуждая о современных методах предупредительного воздействия, особенное внимание стоит уделить совершенствованию нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы профилактики

безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Важным шагом в этом направлении является развитие системы ювенальной юстиции, ориентированной на реабилитационный, а не карательный подход к несовершеннолетним правонарушителям [11, с. 165]. Такая система должна включать специальные программы реабилитации и ресоциализации подростков, совершивших преступления. Особое внимание следует уделить профилактике преступности несовершеннолетних мигрантов. Необходимо разработать и внедрить специальные программы социальной адаптации и интеграции несовершеннолетних мигрантов, включающие изучение русского языка, основ отечественного законодательства, культурных норм и традиций. Немаловажным направлением является развитие межкультурного диалога в образовательных учреждениях и формирование толерантного отношения к представителям различных национальностей.

В социальной сфере необходимо развитие системы социальной поддержки семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации, включая материальную помощь, социально-психологическое сопровождение, содействие в трудоустройстве родителей, а также развитие института социального наставничества для несовершеннолетних, находящихся в группе риска, и несовершеннолетних, освободившихся из мест лишения свободы. Социальное наставничество позволяет обеспечить индивидуальное сопровождение подростка, оказание ему психологической поддержки и помощи в социализации.

Важно разработать и внедрить специализированные образовательные программы, направленные на получение востребованных профессиональных навыков в целях повышения грамотности подрастающего поколения. Такие программы должны включать практическую деятельность и сотрудничество с потенциальным работодателем. При этом следует скоординировать деятельность всех организаций и структурных воспитательных подразделений. Это может быть региональный совет по молодежи, включающий представителей образовательных учреждений, правоохранительных органов, служб занятости и общественных организаций.

К значимым направлениям можно отнести противодействие распространению деструктивного контента в сети Интернет. Необходимо совершенствовать механизмы и скорость его блокировки, повышение цифровой грамотности несовершеннолетних и их родителей, формирование у них критического мышления и способности противостоять манипуляциям злоумышленников в информационном пространстве. Повысить эффективность профилактической работы можно посредством использования цифровых платформ для мониторинга поведения несовершеннолетних, входящих в

потенциальные группы преступного риска. В данном ключе отдельную роль играет применение методов искусственного интеллекта (далее – ИИ) в целях раннего выявления признаков девиантного поведения в социальных сетях. Так, по мнению П.Т. Савина, совершенствование компьютерных программ противодействия преступности несовершеннолетних может заключаться в «развитии приложения с ИИ, который, изучая уже отработанные и вновь поступившие запросы, сможет прогнозировать те или иные преступления, в том числе осуществляя мониторинг судьбы наиболее проблемных несовершеннолетних, своевременно сообщая об этом компетентному должностному лицу» [10, с. 86]. М.С. Орловой указывается на значимость исследований вербальных и невербальных признаков потенциально опасных индивидов с использованием нейросети в вопросах предупреждения массовых убийств в образовательных учреждениях [6, с. 99]. Е.И. Рябцев считает необходимым «внедрение системы ИИ, выявляющего группы риска по агрессивному поведению среди детей и подростков» [9, с. 127]. Таким образом, внедрение интеллектуальных систем, несмотря на пока еще не оформленную организационную структуру и отсутствие правового сопровождения допустимых границ их использования в системе мер предупреждения преступности среди несовершеннолетних в информационном пространстве, находит поддержку отдельных авторов и, вероятно, может претендовать на дальнейшее развитие.

Таким образом, проведенный анализ преступности несовершеннолетних в России позволяет сделать ряд важных выводов. Несмотря на устойчивую тенденцию к снижению общего количества преступлений, наблюдаются качественные изменения в структуре преступности среди несовершеннолетних. Обеспокоенность вызывает рост особо тяжких преступлений, увеличение киберпреступности в десятки раз, а также повышение криминальной активности несовершеннолетних мигрантов с двукратным ростом особо тяжких деяний.

Сохраняется высокий уровень групповой преступности несовершеннолетних, что свидетельствует о социально-психологических особенностях подросткового возраста и влиянии криминальной субкультуры. Статистические данные показывают, что групповые преступления составляют свыше 40 % от общего массива преступлений несовершеннолетних. Современная преступность несовершеннолетних характеризуется также сохранением значимой доли преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, и постепенным увеличением числа преступлений, совершаемых лицами женского пола.

Анализ современного состояния преступности несовершеннолетних и тенденций ее развития позволяет сформулировать прогнозы

относительно перспектив ее снижения и обозначить ключевые направления работы в этом направлении. При условии совместной реализации предложенных мер можно в среднесрочной перспективе ожидать продолжения снижения общего уровня преступности несовершеннолетних.

Список литературы

1. Авакян М.С. Организованная преступность несовершеннолетних // Евразийский союз ученых. 2020. № 4–10 (73). С. 7–11.
2. Зайцев О.В. Тенденции развития судебной практики по защите прав несовершеннолетних при профилактике антиобщественного и противоправного поведения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 106–115.
3. Кузьмина Я.К. Характеристика основных криминологических показателей преступности несовершеннолетних в Российской Федерации // Аллея наук. 2021. № 9 (60). С. 475–484.
4. Макашева М. Н. Криминогенное влияние сети Интернет на преступное поведение несовершеннолетних // StudNet. 2020. № 3. С. 102–109.
5. Окутина Н.Н., Забелич Л.В. Преступность несовершеннолетних в России: состояние и меры профилактики // Вестник УЮИ. 2023. № 1 (99). С. 114–121.
6. Орлова М.С. Некоторые меры по предупреждению массовых убийств обучающимися в образовательных организациях // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 99–102.
7. Почтарук Алексей. Омбудсмен назвала число детей в РФ, живущих в социально опасном положении [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/10/22/24205357.shtml> (дата обращения: 17.03.2025).
8. Рыжова А.А., Гармышев Я.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: состояние, тенденции и связь с иными видами преступности // Евразийский научный журнал. 2016. № 10. С. 188–190.
9. Рябцев Е.И. Использование искусственного интеллекта в целях предупреждения преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 124–128.
10. Савин П.Т. Перспективы применения искусственного интеллекта для предупреждения преступлений несовершеннолетних // Право: история и современность. Т. 8, № 1. 2024. С. 81–88.
11. Султанова А.Р. Социальное значение института ювенальной юстиции // Молодой ученый. 2023. № 36 (483). С. 164–166.
12. Шульга А.Е., Сарана В.А. Преступность несовершеннолетних как угроза общественной безопасности России // История государства и права. 2006. № 9. С. 8–10.
13. Яковлева Е.О., Серенко Р.С. Современные закономерности делинквентного поведения и криминогенные факторы в системе предупреждения преступности несовершеннолетних // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 6. С. 614–623.

14. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web> (дата обращения: 17.03.2025).

15. Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1921268/> (дата обращения: 17.03.2025).

16. Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://15.mvd.rf/news/item/49894680> (дата обращения: 17.03.2025).

17. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.04.2025).

Об авторе:

ЯКОВЛЕВА Елена Олеговна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94), ORCID: 0000-0003-1733-3904, SPIN-код: 5738-8660, AuthorID: 738734, e-mail: pragmatik-alenka@yandex.ru

Features of juvenile delinquency development and ways to prevent it using new technologies

E.O. Yakovleva

Southwest State University, Kursk

The current issues of juvenile delinquency development in Russia are considered. The specifics of its manifestation are determined, taking into account the development of modern technologies, as well as unfavorable results for Russian society in the context of ensuring national security. The official statistical data on the quantitative and qualitative indicators of juvenile delinquency have been studied, which made it possible to determine certain forecast values in its further development. The necessity of improving the current juvenile delinquency prevention system through the use of the latest technologies using artificial intelligence methods is substantiated.

Keywords: *juvenile delinquency, trends, criminal subculture, delinquent behavior, aggression, cybercrime, prevention, artificial intelligence.*

About author:

YAKOVLEVA Elena – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University (94, 50 let Oktyabrya str., Kursk, 305040), ORCID: 0000-0003-1733-3904, SPIN-code: 5738-8660, AuthorID: 738734, e-mail: pragmatik-alenka@yandex.ru

Яковлева Е.О. Особенности развития преступности несовершеннолетних и способы ее предупреждения с использованием новых технологий // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 138–148.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Вопросы истории государства и права

УДК 94(470):271.2:34

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.3.149

Императорское Православное Палестинское Общество: развитие нормативной базы, организационно-правовой формы и региональной организационной структуры (конец XIX – начало XXI веков)¹

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть ключевые характеристики нормативно-правового регулирования деятельности Императорского Православного Палестинского Общества на разных исторических этапах развития страны, смену организационно-правовых форм данного Общества, изменение структур Общества в регионах страны. Настоящее исследование выполнено в рамках историко-правовой науки. Методологию работы составляют примененные на основе цивилизационного подхода диалектический, исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы. Охарактеризованы основные этапы развития организационно-правовой формы и региональной структуры Общества.

Ключевые слова: *Императорское Православное Палестинское Общество, общественные организации, законодательство, правовой статус, государственные полномочия, региональная структура.*

Актуальность исследования заявленной темы определяется необходимостью анализа отечественного опыта нормативного регулирования и успешных практик взаимодействия государственной власти и общественных организаций для решения актуальных задач развития страны. Императорское Православное Палестинское Общество (далее – ИППО, Общество) представляет собой организацию, соединяющую государственную и общественную инициативу в интересах реализации актуальных направлений государственной политики и в целях достижения государственно и общественно значимых результатов. Более чем 140-летняя история данного Общества (с момента его создания и до наших дней) предоставляет исследователям возможность провести диахронный научный анализ и рассмотреть политику отечественного законодателя по нормативному регулированию деятельности указанного Общества на разных этапах развития

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания № 0817-2023-0013 «Деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в Тверском крае в XIX – XXI вв.».

отечественного государства и права.

Императорское Православное Палестинское Общество является одной из самых известных отечественных общественных организаций, созданных в рассматриваемый исторический период. Уставная деятельность ИППО включала в себя такие поощряемые государственной властью направления, как научные исследования, просвещение, паломничество и др. В научной литературе отмечается, что его деятельность и наследие в истории отечественной национальной культуры уникальны по своему значению [13, с. 3].

Степень изученности отдельных аспектов темы можно оценить как высокую, однако с определенными оговорками. Применительно к изучению темы отечественными авторами отметим следующее. Историография указанной темы формировалась на протяжении около полутора столетий. Она представлена трудами представителей истории, культурологии и других наук. При этом степень исследования темы с позиций историко-правовой науки представляется недостаточной.

Начало исследованию деятельности Общества положили ученые и общественные деятели второй половины XIX в. В их числе прежде всего следует назвать В.Н. Хитрово, одного из инициаторов и организаторов ИППО. Первым комплексным научным исследованием монографического характера стал труд А.А. Дмитриевского, увидевший свет в 1907 г.

В советский период истории деятельность ИППО не находилась в центре внимания исследователей. Работы комплексного характера по истории Общества выходили в свет к его юбилейным датам. Со второй половины 1980-х гг. научные исследования деятельности ИППО в отечественной историографии активизируются.

Как весьма значительный следует оценить вклад в изучение различных аспектов деятельности Общества заместителя председателя ИППО Н.Н. Лисового. В числе центральных направлений его научной работы – изучение наследия Русской Палестины и деятельности руководителей и видных его представителей, а также комплексное исследование истории Общества.

Одной из центральных фигур в научном исследовании проблематики, связанной с деятельностью Общества, является в настоящее время С.Ю. Житенёв, руководитель Научной секции ИППО, советник директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.

В последние годы в России в свет вышли и другие интересные исследования по истории Императорского Православного Палестинского Общества.

В зарубежной историографии выделяются работы Ф.Дж. Ставра и Д. Хопвуда по истории ИППО.

Одним из наименее изученных аспектов заявленной темы является

развитие региональной организационной структуры Общества. Подробное рассмотрение данного аспекта наиболее целесообразно в ходе комплексного анализа деятельности подразделений ИППО. На примере Тверского края такое исследование осуществляется в настоящее время в рамках проекта, посвященного изучению деятельности ИППО в XIX–XXI вв. Данный проект имеет не только фундаментальный, но и прикладной характер. Его материалы уже используются в просветительской и воспитательной работе со школьниками и студентами.

Объектом исследования в настоящей работе являются действия отечественного законодателя по нормативному закреплению деятельности ИППО, развитие организационно-правовой формы Общества и его региональной организационной структуры. При этом организационная структура Общества, сформировавшаяся за рубежом, в настоящем исследовании не рассматривается.

Предмет исследования составляют нормативная база, обеспечивающая функционирование Общества, а также деятельность его органов управления по формированию и изменению своей организационной структуры.

Хронологические рамки исследования охватывают период от создания Общества (в конце XIX в.) до настоящего времени. Материал рассматривается в хронологическом порядке по историческим периодам: деятельность ИППО в период Российской империи (1882–1917 гг.); деятельность ИППО в период Российской республики (1917 г.); деятельность ИППО в советский период (1917–1991 гг.); деятельность ИППО в современный период (с 1992 г.). Нетрудно заметить, что данная периодизация в своих основных характеристиках совпадает с некоторыми вариантами периодизации, предложенными в научной литературе. Прежде всего, необходимо отметить периодизацию деятельности Общества, представленную и аргументированную Н.Н. Лисовым [13, с. 5–6].

Теоретическую базу исследования составляют научные достижения в общей теории права и философии права. Эмпирическую базу исследования составляют документы рассматриваемого исторического периода, включая нормативно-правовые акты, иные официальные документы и статистические материалы Российской империи, Российской Республики, РСФСР и СССР. Помимо законодательных актов в состав эмпирической базы настоящего исследования входят иные документы.

Основой российского законодательства XIX – начала XX в. являлись Основные государственные законы, существенно обновленные в редакции 1906 г. В Своде основных государственных законов юридически закреплялось право на объединение: «российские

подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам» (ст. 80 Свода) [6].

Отечественный законодатель во второй половине XIX в. юридически закрепил определенные возможности создания подданными негосударственных организаций различного рода. В отношении некоторых видов организаций эти возможности были существенно расширены, а некоторые виды негосударственных организаций законодательно были признаны впервые в российской истории. В годы великих реформ императора Александра II государственное регулирование деятельности общественных организаций в России выходит на новый уровень. Во второй половине XIX в. наряду с государственной инициативой, развивается практика создания общественных организаций исключительно по инициативе и на средства частных лиц.

Российское законодательство второй половины XIX в. стало базой для реализации инициативы по созданию Восточного общества (первоначальный рабочий вариант названия ИППО) как частной, а не государственной организации. А.А. Дмитриевский приводит такие размышления В.Н. Хитрово: «Часто приходило мне на мысль: отчего бы нам не образовать свой Палестинский комитет – не официальный, заседающий неведомо где и творящий неведомо что, а частный...» [12, с. 137 и след.].

Впрочем, постепенно расширяющийся состав инициаторов и деятельных сторонников проекта по созданию Палестинского Общества уже с первых месяцев включал в себя преимущественно высокопоставленных должностных лиц органов государственной власти. В этот состав, помимо самого В.Н. Хитрово, последовательно входили член Государственного совета граф Е.В. Путятин, Обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев, бывший Министр народного просвещения А.В. Головнин, генерал-адъютант Д.С. Арсеньев, великий князь Константин Николаевич и др. Так что элемент «публичности», «государственности» присутствовал в непростой работе по организации Общества практически с самого начала.

Однако «частный» характер инициативы и организационно-подготовительной работы не вызывает сомнений в том смысле, что верховная государственная власть Российской империи в данном случае (в отличие от некоторых других случаев) не выступала инициатором создания Палестинского Общества в задуманном В.Н. Хитрово формате. В этом плане организационно-правовая форма Общества значительно отличалась от организационно-правовой формы, например, Ведомства учреждений императрицы Марии. В отличие от данного Ведомства, Палестинское Общество с самого начала не имело правовой природы специализированного государственного института, рассчитанного на содействие со стороны частных лиц и общественных объединений.

Правовая природа Палестинского Общества была ближе к правовой природе общественной (а не государственной) организации. При этом правовой статус Палестинского Общества сознательно проектировался В.Н. Хитрово и другими инициаторами близким к правовому статусу Императорского Русского географического общества, основанного в годы правления императора Николая I.

Широкой публике концептуальные и фактологические основы своего проекта по созданию негосударственного Палестинского Общества В.Н. Хитрово изложил в марте 1880 г. при организационном участии Императорского географического общества и Общества любителей духовного просвещения на заседании в Санкт-Петербурге в присутствии великого князя Константина Николаевича, членов Государственного совета и Сената, ряда иных высокопоставленных государственных служащих и других представителей, по выражению В.Н. Хитрово, «отборной публики» [12, с. 154]. Обратим внимание на факт взаимодействия различных общественных организаций и определенного содействия с их стороны в деле продвижения инициативы по созданию Палестинского Общества.

Несмотря на усилия В.Н. Хитрово и других сторонников идеи создания Палестинского Общества, организационная работа шла непросто и достаточно медленно. Кроме этого, негативно отразились на результативности этой работы трагические события, связанные с убийством императора Александра II.

Лишь в апреле 1882 г., когда великий князь Сергей Александрович согласился занять должность председателя Палестинского Общества, а Министерство иностранных дел согласовало проект по созданию Общества, дело стало продвигаться быстрыми темпами.

Основу локальной нормативной базы деятельности ИППО составляет его устав. Устав Общества был утвержден императором Александром III 8 мая 1882 г. Документально-правовое оформление данного решения императора было осуществлено двумя правовыми актами. Высочайшим повелением было объявлено об утверждении устава Общества и о согласии императора на принятие великим князем Сергеем Александровичем (как членом императорской фамилии) звания председателя [4]. Второй правовой акт представлял собой утвержденный императором проект устава [5].

Общество было создано, как указывается в его уставе, с ученой и благотворительной целями. При этом Общество должно было взаимодействовать с государственными структурами. Для обозначения характера этого взаимодействия в тексте устава используются выражения «восполнять деятельность», «согласовать действия».

21 мая 1882 г. состоялось первое заседание Православного Палестинского Общества. Местом проведения торжественного мероприятия стал дворец великого князя Николая Николаевича. На этом

заседании были избраны руководящие органы Общества. Председателем Общества стал великий князь Сергей Александрович. Звание почетных членов Общества было предложено шести великим князьям, великой княгине, герцогу, двум принцам...[12, с. 193].

Постепенно формировалась организационная структура общества, прежде всего – вокруг его центральных органов управления. В марте 1883 г. при Совете Общества открыты отделения: ученых изданий и исследований; пособия паломникам; поддержания православия [12, с. 200].

Общество проводило научную и просветительскую работу. С 1881 г. издавался Православный Палестинский сборник в качестве периодического научного издания. В 1887 г. ИППО организовало собственную библиотеку на базе приобретенного личного книжного собрания В.Н. Хитрово [19, с. 308].

Отдельные аспекты деятельности Общества, прежде всего по организации паломничества на Святую Землю, регулировались договорами Палестинского Общества с транспортными компаниями, обеспечивающими перевозку пассажиров по железным дорогам, Черному и Средиземному морям [7].

Относительно правовой природы Общества и его организационно-правовой формы высказана точка зрения об Обществе как о частной, негосударственной организации. При этом исследователи, в частности, А.Г. Грушевой, акцентируют внимание на частной природе «с формально-юридической точки зрения»; по существу же, с учетом роли в руководстве членов императорской фамилии и с учетом факта получения значительной регулярной государственной субсидии, Православное Палестинское Общество, по их мнению, являлось «одним из составляющих звеньев российской государственной бюрократии» [9, с. 483].

Полагаем, что правовой статус Общества не был статичным феноменом, а обладал определенной динамикой. В момент составления В.Н. Хитрово проекта создания Общества, оно мыслилось как частная организация. Возможно, поиск сторонников среди высокопоставленных государственных служащих был в какой-то степени вынужденной мерой. Очевидно, в тех условиях создать крупную, влиятельную, эффективно действующую, обладающую прочной финансовой базой организацию без использования ресурсов государственного аппарата было невозможно. Выше мы отмечали, что сторонники реализации этой идеи занимали, как правило, весьма высокое положение в государственном аппарате Российской империи и в целом ряде случаев использовали это положение (другими словами, свой административный ресурс) для продвижения проекта. Таким образом, уже на подготовительном этапе была заложена тенденция развития правового статуса Общества в направлении появления некоторых характеристик государственной организации.

Следующий этап в развитии правового статуса и организационно-правовой формы Общества начался в момент создания органов управления, в мае 1882 г. Ключевой факт – занятие поста председателя Общества великим князем Сергеем Александровичем, представителем императорской фамилии. Кроме этого, некоторые другие руководящие позиции в Обществе заняли лица, облеченные государственной властью. Так, в Совет Общества вошли представители Святейшего синода, Министерства иностранных дел, Министерства народного просвещения.

Важным этапом в развитии правового статуса Общества стал 1889 г. В этом году Общество получило наименование Императорского, а в ведение Общества были переданы «обязанности, дела и капитал упраздненной Палестинской комиссии» [8, с. 52].

Обратим внимание на правовое оформление указанной меры. Решение было принято лично императором Александром III на основании доклада председателя Общества великого князя Сергея Александровича. Другими словами, председатель общественной организации предлагает проект решения вопроса, находящегося в компетенции Министерства иностранных дел и прямо затрагивающего структуру последнего; при этом в тексте высочайшего повеления не упоминается о каком-либо предварительном согласовании доклада с указанным ведомством. Оба решения императора – о закрытии Палестинской комиссии и о присвоении Обществу наименования «Императорского» – содержатся в тексте одного повеления [2].

Палестинская комиссия действовала при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, выполняя государственные функции. Законодатель отнес реализацию передаваемых государственных полномочий к ведению Совета Общества (п. 2, подп. «г» повеления): «дела, передаваемые Совету Православного Палестинского Общества и донныне находившиеся в ведении Палестинской комиссии, не подлежат обсуждению общего собрания Общества» [2].

Передача указанных функций Императорскому Православному Палестинскому Обществу существенно повлияла на правовой статус Общества, усилив его государственно-правовую основу. Другими словами, ИППО с точки зрения его правового статуса был сделан шаг в сторону государственного учреждения с «общественным участием». Очевидно, верховная государственная власть Российской империи взяла курс на использование потенциала ИППО для решения государственных задач как внутри страны, так и за ее пределами. «Геополитическая значимость духовных факторов не могла остаться без внимания российского государства и церкви» [17, с. 260].

Не менее важное значение для развития организационно-правовой формы Общества имели утвержденные указанным выше повелением изменения в Уставе, усилившие прямое участие верховной государственной власти в делах Общества. С этого момента вице-

председатель Общества и представители в Совете Общества от Святейшего синода и Министерства иностранных дел назначались лично императором по представлению председателя Общества; ежегодные сметы и отчеты Общества стали поступать лично императору [2]. Неизбежным следствием указанных решений стало уменьшение значения общего собрания Общества.

В результате издания законодателем указанного выше правового акта 1889 г. возникла определенная дихотомия организационно-правовой формы ИППО. Высшие органы управления (за исключением общего собрания) оказались под непосредственным контролем верховной государственной власти России в лице императора. Эти органы получили определенные государственные полномочия. Сложилась ситуация, характерная для таких организаций, как Ведомство учреждений императрицы Марии, имевшее правовой статус государственного учреждения. Общее собрание ИППО и его региональные подразделения функционировали в режиме, характерном для общественной организации и не участвовали в реализации переданных на основании повеления 24 марта 1889 г. государственных полномочий.

В научной литературе отмечается, что «Общество с самого начала приобрело характер официального учреждения, близкого к правительству. Оно находилось под покровительством членов императорской фамилии, его первым официальным председателем стал великий князь Сергей Александрович. Благодаря этому обстоятельству, а также тому, что материальная сторона была обеспечена частично ежегодной правительственной субсидией в 130 000 золотых рублей, Православное палестинское общество смогло осуществлять свою работу по разным направлениям программы, разработанной В. Н. Хитрово» [14, с. 5].

События 1889 г. можно охарактеризовать не как превращение ИППО в государственную организацию, в компонент государственного аппарата, а как наделение его государственными полномочиями. Различие, прямо сказать, «малозаметное», но, тем не менее, оно имеет место. В частности, это различие прямо влияет на развитие структуры Общества «на местах».

Формирование региональной организационной структуры Общества началось вскоре после его образования. Однако в течение значительного времени региональная структура была представлена отдельными представителями общественности, уполномоченными Обществом. Действовавшая первые несколько лет нормативно-правовая база не предусматривала создание каких-либо организационных структур на местах. Предусматривалось лишь «прямое членство» и взаимодействие напрямую с центральными органами управления Общества.

В различных регионах Российской империи появились уполномоченные Общества. Их иначе называли агентами Общества. В

сентябре 1884 г. уполномоченный Общества в Перми Д.Д. Смышляев внес на рассмотрение Совета Общества предложение о создании в городах империи отделов Общества с определенными полномочиями на действия от имени Общества.

Вскоре Совет и общее собрание Общества поддержали предложение и одобрили текст дополнений в Устав Общества. 2 марта 1885 г. император Александр III утвердил дополнительные статьи к Уставу Общества [3].

Отделы Общества могли открываться «в городах империи». Также в тексте повеления упоминаются понятия «данная местность», «определенный им (т.е. отделам – С.С.) район». Таким образом, региональная организационная структура Общества формально не была «привязана» ни к административно-территориальному делению Российской империи, ни к структуре епархий Русской православной церкви. Отметим, что на практике образование отделов происходило с учетом административно-территориальной организации страны. Отделы получили именно региональный характер. Для открытия отделов, согласно данному повелению, требовалось согласие Совета Общества и «местного начальства». Общее собрание Общества лишь заслушивало информацию об открытии отделов.

Кадровые и другие вопросы решали общие собрания отделов. В частности, они избирали должностных лиц отделов на следующие административные позиции: председателя, товарища председателя (т.е. заместителя председателя), казначея, кандидата (т.е. заместителя) казначея. Все указанные должностные лица подлежали утверждению Советом Общества.

Открытие отделов Общества в регионах Российской империи способствовало привлечению общественных деятелей к его работе. Активное участие в его деятельности представителей различных сословий и субсословных групп в регионах страны позволяло сохранить в его правовой природе «общественный» компонент.

Как правило, к работе по созданию местных отделов подключалось руководство губерниями и областями, главы епархий Русской православной церкви, предводители дворянства, представители торгово-промышленной элиты региона. Например, во Владимире в числе учредителей отдела Общества (1895 г.) были архиепископ Владимирский и Суздальский Сергей, губернатор М.Н. Теренин, вице-губернатор Н.П. Урусов, губернский предводитель дворянства М.М. Леонтьев, купцы губернского центра [7]. Организационную работу по созданию Тверского отдела (1895 г.) возглавил архиепископ Тверской и Кашинский Савва.

Анализируя ход открытия региональных отделов, М.Ю. Нечаева пишет: «даже при первом взгляде можно отметить, что в этой динамике нет географической последовательности, соответственно, время открытия отделов не определялось какой-либо продуманной политикой

постепенного расширения ареала деятельности общества» [16, с. 112]. К 1917 г. в Российской империи работал 51 отдел [7].

Для организационного сопровождения сбора денежных средств в церквях (посредством установленных там специальных кружков) на нужды Общества, в январе 1883 г. была образована комиссия по кружечному сбору пожертвований. Комиссия действовала на основе инструкции, одобренной Советом Общества. Первые кружки были поставлены в церквях Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Оренбурга, Риги, Таганрога [12, с. 202–203].

По ходатайству Общества Святейший синод в 1885 г. разрешил проводить один раз в год в церквях империи сбор денежных средств в пользу Общества. С целью организации данного сбора уполномоченные и отделы Общества взаимодействовали с епархиальными архиереями, благочинными и церковными старостами. 10 % собранной суммы надлежало перечислить в пользу приходских благотворительных обществ [12, с. 207].

За период с 1882 г. по начало 1917 г. нормативная база (как на уровне законодательства, так и на уровне локальных актов), регулировавшая деятельность ИППО, организационно-правовая форма Общества и его региональная структура проделали значительную эволюцию. Это позволило ИППО организовать разностороннюю масштабную деятельность и выполнять как функции общественной организации, так и переданные ему некоторые государственные функции. Эти годы стали временем постепенной трансформации организационно-правовой формы Общества в направлении от общественной организации к организации государственной с общественным участием. Учитывая юридически закрепленную форму Общества как негосударственной организации, функции общего собрания, широкое представительство частных лиц и некоторые другие факторы, можно сделать вывод о том, что полностью правовая природа Общества как общественной организации изменена не была. Общество не стало ординарным компонентом государственного аппарата Российской империи.

Создание ИППО было подготовлено многолетними усилиями многих российских политических и общественных деятелей. В их числе необходимо назвать великого князя Константина Николаевича, продвигавшего проект создания в Святой Земле инфраструктуры по приему паломников и поддержке православия. Таким образом, учреждение ИППО явилось шагом по закреплению цивилизационного присутствия России на Ближнем Востоке [11].

Краткий исторический период, связанный со свержением монархии и конституированием Российской Республики (февраль–октябрь 1917 г., ст. стиль) принес существенные изменения в правовом статусе и деятельности Общества. Оно утратило наименование Императорского: в марте 1917 г. Совет Общества решил ввиду «изменений в

государственном строе России» принять название «Православное Палестинское Общество». Великая княгиня Елизавета Федоровна сложила с себя обязанности руководителя. 9 апреля 1917 г. председателем Православного Палестинского Общества был избран князь А.А. Ширинский-Шихматов [10, с. 19].

В связи с данными переменами прекратилось прямое участие в управлении Обществом носителей высшей государственной власти. Соответственно, в правовом статусе исчезла одна из основных характеристик, сближавших Общество с государственной организацией.

В связи с восстановлением патриаршества в России, Православное Палестинское Общество (в лице своего председателя) обратилось с просьбой к патриарху Тихону взять Общество в патриаршее попечение.

Советский период истории отмечен коренным обновлением нормативной базы и принципиальным изменением организационно-правовой формы Общества.

С первых дней установления в столицах советской власти, Общество должно было выстраивать свою деятельность с учетом соответствующих идеологических, политических, социальных и правовых реалий. Оно оказалось под достаточно жестким контролем новых властей.

В декабре 1917 г. было принято решение об официальном прекращении работы русских школ (закрытых властями Османской империи в сентябре 1914 г.) в Сирии и Ливане.

Возникла реальная угроза ликвидации Общества. В частности, к нему могли быть применены меры, предусмотренные декретом Совета народных комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20.01.1918 г. для религиозных организаций. Эти меры включали лишение таких организаций прав юридического лица и национализацию имущества. Избежать данной угрозы можно было путем декларирования светского характера организации. Несколько месяцев органы управления Общества пытались решить вопрос о придании Обществу характера научной организации в системе Академии наук.

В 1918 г. Общество отказалось от наименования Православного и приняло новое наименование «Русское палестинское общество», которое вскоре было изменено на название «Российское палестинское общество». Выполнение многих функций прекращалось; провозглашался исключительно научный характер Общества. В мае 1920 г. Российское палестинское общество (далее – РПО) было включено в состав Объединенного совета научных учреждений и высших учебных заведений. 29 октября 1925 г. устав РПО был зарегистрирован органами Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) [13, с. 14]. На основании советского законодательства все имущество Российского палестинского общества признавалось государственной собственностью.

В декабре 1917 г. в Петрограде прошло последнее заседание Совета Общества под председательством А.А. Ширинского-Шихматова. В начале 1918 г. председатель уехал в Москву.

Осенью 1918 г. председатель РПО князь А.А. Ширинский-Шихматов выехал за границу. В Германии он создал Совет Православного Палестинского Общества с участием членов Общества, эмигрировавших из России. На основе этого Совета было образовано зарубежное Православное Палестинское Общество [10, с. 19]. В дальнейшем Совет Общества переехал из Германии во Францию.

В октябре 1918 г. Совет Общества, продолжавший работу в Петрограде, избрал председателем академика В.В. Латышева, известного ученого, организатора народного образования, многолетнего главу Петербургского общества классической филологии и педагогики.

Относительно деятельности Общества в Советском Союзе в последующие годы приведем точку зрения Н.Н. Лисового: «РПО плавно переходит в совершенно виртуальный режим существования: никем формально не закрытое, оно мирно прекращает функционирование» [13, с. 6]. Можно выразить эту мысль другими словами: в 1920–1930-х гг. деятельность Палестинского общества сужается. Новое оживление в его работе приходится на рубеж 40–50-х гг. [14, с. 8].

В связи с изменением политической ситуации на Ближнем Востоке, в частности, с учетом образования государства Израиль, верховная власть СССР приняла решение о возобновлении деятельности Общества. 25 сентября 1950 г. было издано постановление Совета министров СССР о возобновлении деятельности Палестинского общества. Была проведена короткая, но интенсивная и результативная кампания по подбору новых членов РПО.

В январе 1951 г. состоялось первое общее собрание нового состава членов РПО. Председательствовал главный ученый секретарь Академии наук А.В. Топчиев. Собрание приняло новый устав Общества. Согласно уставу, РПО входило в систему Академии наук СССР. В числе его целей указывалась следующая: организация образовательных экскурсий граждан СССР для знакомства с достопримечательностями и историческими памятниками стран Ближнего Востока. Любопытная формулировка! По сути, представляет собой светский аналог паломнического туризма. Председателем РПО стал директор Института этнографии, директор Института востоковедения АН СССР, руководитель Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР С.П. Толстов.

Таким образом, на рубеже 1940–1950-х гг. верховная власть СССР приняла решение об использовании потенциала Общества для продвижения государственных интересов. Мы видим здесь некоторые аналогии с временем 1880-х гг., когда при создании Общества в 1882 г. и при наделении его государственными полномочиями в 1889 г.

принимались такого рода решения. Вместе с тем организационно-правовой статус Общества в середине XX в. существенно отличался от организационно-правового статуса Общества в конце XIX в.

В императорский период верховная государственная власть России, укрепляя положение и расширяя компетенцию Общества, рассматривала его как центр принятия решений, центр координации определенного направления государственной политики. Влиятельный член императорской фамилии во главе Общества, государственные полномочия, прочная материальная база, политическая, финансовая поддержка со стороны государства призваны были помочь Обществу эффективно выполнять возложенные на него функции. Этой же цели должны были способствовать поддержка Общества со стороны общественности, развитие региональной структуры и вовлечение в жизнь общества максимально возможного количества подданных. Общество также получало организационную и идеологическую поддержку от Русской Православной Церкви.

В середине XX в. Общество не было и не могло быть центром принятия решений, не выполняло координационных и иных государственных функций. От РПО советскому государству требовалась «родословная» (правовая связь с ИППО) и «вывеска» (статус негосударственной организации) для участия в реализации принятых вне Общества решений. Никакими сколько-нибудь значительными материально-финансовыми ресурсами Общество не располагалось. Никакая развитая региональная структура в этих условиях ему не была нужна. Поставленные перед Обществом государственные задачи вполне можно было решить с помощью центрального аппарата Общества.

Тем не менее с точки зрения развития научных исследований, просветительской деятельности, научных связей с учеными зарубежных стран возобновление деятельности РПО явилось позитивным фактором. В 1954 г. возобновилось издание «Палестинского сборника».

Академик С.Л. Тихвинский (руководитель РПО в 1971–1975 гг.) следующим образом охарактеризовал правовой статус и деятельность Общества в советский период истории (по состоянию на 1972 г.): «Российское палестинское общество, одно из научных обществ при Академии наук СССР, ведет большую научную работу по Палестине, Ближнему Востоку и прилегающим к ним районам, содействуя укреплению дружественных связей народов Ближнего Востока с СССР» [18, с. 7]. В числе задач Общества он называет научные исследования, популяризацию научных знаний, охрану памятников мировой культуры, укрепление научных и культурных связей с общественностью Ближнего Востока, продолжение издания выпусков «Палестинского сборника» и т.п. [18, с. 9]. Как мы видим, среди задач Общества в советский период истории отсутствуют задачи по содействию паломничеству, по управлению имущественными объектами, по взаимодействию с

религиозными организациями.

РПО имело отделения, открытые в Москве, Ленинграде, Ереване, Тбилиси, Горьком. В ходе научной деятельности отделения Общества контактировали с представителями духовных учебных заведений. Так, в апреле 1982 г. доклад ректора Ленинградской духовной академии архиепископа Выборгского Кирилла, посвященный историческим памятникам Палестины, был заслушан на заседании Ленинградского отделения Общества.

Новый этап в деятельности Общества наступил в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Перемены в политической системе СССР, изменение внешнеполитической концепции позволили не только активизировать работу Общества, но и изменить сложившуюся в советский период истории его организационно-правовую форму. Произошло обновление руководства; председателем был избран ректор Дипломатической академии МИД СССР О.Г. Пересыпкин. Осенью 1990 г. была осуществлена первая после многолетнего перерыва паломническая поездка членов Общества в Святую Землю. С.Ю. Житенёв отмечает: «именно в этот период произошли ключевые для РПО события: Общество получило самостоятельность, т.е. вышло из-под опеки Академии наук в 1991 г., вернуло свое историческое название, стало работать по-новому, максимально приближенному к первоначальному, уставу, восстановило одну из своих основных функций – содействия православному паломничеству» [10, с. 25]. Другими словами, к концу советского периода истории произошло восстановление правового положения Общества как самостоятельной общественной организации. Общество стало выполнять в почти полном объеме функции, которые в свое время предусматривались В.Н. Хитрово в период его создания.

Значительные перемены в нормативно-правовой базе, организационно-правовой форме Общества произошли на современном этапе. Конституирование России как суверенного государства коренным образом поменяло нормативно-правовую базу деятельности общественных организаций.

В мае 1992 г. Президиум Верховного совета Российской Федерации принял постановление «Об Императорском Православном Палестинском Обществе», на основании которого Общество переходило в российскую юрисдикцию со своим историческим именем и получало статус международной организации [1]. Обратим внимание на формулировку в преамбуле этого постановления: «В целях содействия общественным инициативам по укреплению позиций России на Ближнем Востоке и в Средиземноморье и дальнейшему развитию отношений России с народами этого региона». По сути, российский законодатель указывает на государственные интересы и на необходимость продвижения их с помощью общественных инициатив.

Положение и авторитет ИППО укрепились в связи с

восстановлением взаимодействия с Русской Православной Церковью. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II принял Общество под свое покровительство и возглавил Комитет почетных членов ИППО [15].

В 2005 г. ИППО как международная неправительственная организация получило статус члена-наблюдателя при Экономико-социальном совете Организации Объединенных Наций. В 2004 г. были образованы Международная, Научная и Паломническая секции ИППО.

Новый импульс в своей деятельности ИППО получило в 2007 г., когда на пост председателя был избран известный государственный и общественный деятель С.В. Степашин. Общество активно восстанавливает свое присутствие на всем протяжении традиционного пространства деятельности, как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами. Развиваются научная, просветительская, паломническая, гуманитарная и другие сферы деятельности Общества. За последние годы был реализован целый ряд крупных проектов как внутри страны, так и в зарубежных странах.

В 2021 г. по инициативе Императорского Православного Палестинского Общества и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации была запущена совместная программа фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи». Программа реализуется при экспертном участии Российской академии наук. При реализации научных проектов в рамках указанной программы осуществляется взаимодействие научных и образовательных организаций с центральными органами управления и региональными структурами ИППО. Например, в Тверской области такое взаимодействие в ходе работы над исследовательским проектом осуществляют ученые Тверского государственного университета и представители регионального отделения ИППО (руководитель – И.Н. Аксёнова).

В настоящее время в структуре ИППО действуют пять секций: Международная, Научная, Паломническая, Культурно-просветительская, Молодежная. Активно развивается региональная структура Общества. В субъектах Российской Федерации были созданы региональные отделения. Действуют 55 региональных отделений на территории Российской Федерации, а также 27 зарубежных представительств и отделений. Популярность ИППО в России и за рубежом возрастает; за последние 5 лет Общество по своему составу увеличилось более чем в два раза [10, с. 58].

В настоящее время ИППО представляет собой эффективную и авторитетную международную неправительственную организацию с развитой региональной организационной структурой, с налаженным взаимодействием с органами государственной власти, общественными организациями, с впечатляющими результатами международного

сотрудничества, прежде всего, в странах Ближнего Востока.

За время, прошедшее с момента основания ИППО, неоднократно менялась нормативная база его деятельности, не раз менялось его название, существенные перемены происходили с точки зрения развития организационно-правовой формы Общества, его центральной и региональной структуры. В качестве константы отметим соединение государственной и общественной природы в деятельности Общества, его нацеленность на решение государственных задач.

Список литературы

1. Постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 25.05.1992 г. № 35-1 «Об Императорском Православном Палестинском Обществе» // Правовой портал Сборник законов [Электронный ресурс]. URL: <https://sbornik-zakonov.ru/260890.html?id=260890> (дата обращения: 25.08.2025).
2. Высочайшее повеление от 24.03.1889 г. «О закрытии состоящей при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Палестинской комиссии и о некоторых изменениях в Уставе Православного Палестинского Общества» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. IX. 1889. СПб., 1891. № 5 874.
3. Высочайшее повеление от 02.03.1885 г. «О дополнительных статьях к Уставу Православного Палестинского Общества» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. V. 1885. СПб., 1887. № 2 787.
4. Высочайшее повеление, сообщенное Сенату ведением Святейшего синода от 08.05.1882 г. «Об утверждении устава Православного Палестинского Общества и о принятии его высочеством, великим князем Сергеем Александровичем звания председателя сего Общества» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1886. Т. II. № 855.
5. Высочайше утвержденный проект устава Православного Палестинского Общества от 08.05.1882 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1886. Т. II. № 857.
6. Свод основных государственных законов // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. I. Основные государственные законы. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1857.
7. Балдин К.Е. Создание местных организаций Императорского Православного Палестинского Общества (1890-е гг.) // Императорское Православное Палестинское Общество. История создания ИППО. Организация отделов ИППО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ippo.ru/> (дата обращения: 25.08.2025).
8. Горелова Л.Е., Афанасьева Л.А. Значение деятельности Императорского Православного Палестинского общества для развития медицины на Ближнем Востоке (к 130-летию создания) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/Ogarkova.NO/Downloads/znachenie-deyatelnosti-imperatorskogo-pravoslavnogo-palestinskogo-obschestva-dlya-razvitiya-meditsiny-na-blizhnem-vostoke-k-130-letiyu-sozdaniya.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

9. Грушевой А.Г. Императорское Православное Палестинское Общество. Обзор истории до 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. 2013. С. 472–497 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperatorskoe-pravoslavnoe-palestinskoe-obschestvo-obzor-istorii-do-1917-g/viewer> (дата обращения: 25.08.2025).
10. Житенёв С.Ю. Краткая история Императорского православного Палестинского Общества: 160-летию Великой Княгини Елизаветы Федоровны, председателя ИППО в 1905-1917 гг., посвящается. М.: Изд-во «Индрик», 2024. 88 с.
11. Житинёв С.Ю. Цивилизационное присутствие России в мире: к 135-летию начала деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Российской империи и на Ближнем Востоке // Культурное наследие России. 2017. № 1 [Электронный ресурс]. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://manage.nasledie-journal.ru/files/file/26_05_2017-07_04_47_hij_2017_2_jitenev_pdf_1495782287.pdf (дата обращения: 25.08.2025).
12. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907 гг.): историческая записка, сост. по поручению Совета Общества А.А. Дмитриевским. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1907. 382 с.
13. Лисовой Н.Н. Императорское Православное Палестинское Общество: XIX–XX–XXI вв. // Отечественная история. 2007. № 1. С. 3–22.
14. Мещерская Е.Н., Юзбашян К.И. Столетие Российского палестинского общества // Палестинский сборник. Выпуск 28 (91). Культура Ближнего востока древнего и раннесредневекового времени. Л.: Изд-во «Наука», Ленингр. отд., 1974. С. 3 – 9.
15. Министерство иностранных дел России. Представительство Российской Федерации при ПНА. Императорское православное палестинское общество [Электронный ресурс]. URL: https://pna.mid.ru/ru/rossiya_palestina/ippo_i_russkaya_palestina/ (дата обращения: 25.08.2025).
16. Нечаева М.Ю. Открытие епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1 (5). 2013. С. 107–133 [Электронный ресурс]. URL: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.ippo.ru/uploads/Nechaeva_otd-IPPO-vestnik_ed5-2013_1\(5\)-2013-P107-133.pdf](chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.ippo.ru/uploads/Nechaeva_otd-IPPO-vestnik_ed5-2013_1(5)-2013-P107-133.pdf) (дата обращения: 25.08.2025).
17. Сторчак В.М. Государственная и конфессиональная политика России в имперский период // Религия в истории народов России и Центральной Азии: материалы II Международной научной конференции / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 378 с.
18. Тихвинский С.Л. 90-летие Российского палестинского общества // Палестинский сборник. Выпуск 25 (88). Культура Ближнего Востока древнего и раннесредневекового времени. Л.: Изд-во «Наука», Ленингр. отд., 1974. С. 3–9.
19. Чумакова Т.В., Терюкова В.А., Шахнович М.М. История книжного собрания Императорского Православного Палестинского общества в 1917– 954

гг. / Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 307–331 [Электронный ресурс]. URL: <https://roii.ru/r/1/59.19> (дата обращения: 25.08.2025).

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры теории права, директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

Imperial Orthodox Palestinian Society: development of the regulatory framework, organizational and legal form and regional organizational structure (late 19th - early 21st centuries)

S.N. Smirnov

Tver State University, Tver

The purpose of the study is to consider the key characteristics of the regulatory and legal regulation of the activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society at different historical stages of the country's development, the change in the organizational and legal forms of this Society, and the change in the structures of Society in the regions of the country. The present study was carried out within the framework of historical and juridical science. The methodology of the work consists of dialectical, historical, formal-legal, comparative-legal and statistical methods applied on the basis of the civilizational approach. The main stages of the development of the organizational and law form and the regional structure of the Society are characterized.

Keywords: *Imperial Orthodox Palestinian Society, public organizations, legislation, legal status, state powers, regional structure.*

About author:

SMIRNOV Sergey – Doctor of Law, professor of the department of Legal Theory, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-code: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

Смирнов С.Н. Императорское Православное Палестинское Общество: развитие нормативной базы, организационно-правовой формы и региональной организационной структуры (конец XIX – начало XXI веков) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 149–166.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Проблемы организации учебного процесса

УДК 378.035.6

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.3.167

Патриотическое воспитание и воспитание чувства гражданственности при формировании компетенций будущего юриста

Е.А. Рязанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье уделено внимание формированию гражданственности и патриотизма у студентов 1 курса, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», на практических занятиях по дисциплине «Конституционное право». Объектом исследования служат формы практической деятельности, дидактического и воспитательного характера, направленные на формирования гражданственности и патриотизма. Предметом исследования являются конституционные ценности и принципы, правовые нормы федеральных государственных образовательных стандартов. Цель исследования – соотношение конституционных принципов образования и воспитания с федеральными образовательными стандартами и поиск оптимальных образовательных форм практических занятий по дисциплине «Конституционное право» для формирования гражданственности и патриотизма.

Ключевые слова: *воспитание, гражданственность, конституционные принципы, патриотизм, формы работы на практических занятиях, стандарт.*

Дисциплина «Конституционное право» осваивается студентами на первом курсе в течение двух семестров. Особенностью начала освоения правовых дисциплин является их базирование на общих сведениях о государстве, праве, общественных отношениях, полученных первокурсниками во время обучения в школе. На первый взгляд, многим из них кажется, что информация о конституционном праве является повторением школьной программы. Зачастую они воспринимают учение о конституционном праве как школьные предметы: запомни информацию, воспроизведи. Для понимания фундаментального значения конституционного права для юриста, в какой бы сфере правоприменительной, правотворческой деятельности он не практиковал, необходимо формирование достаточно высокого уровня правовой культуры. Формирование компетенций, предусмотренных программой бакалавриата 40.03.01 «Юриспруденция» [2] по профилю «Правопользование и правоприменение» включает универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции.

Следует отметить, что в наборе компетенций отсутствует направленность обучения на формирование идеи общественной

полезности и значимости профессии юриста, его высоконравственных начал, которые по своей сущности вытекают из одного из главных принципов российского государства, закреплённого в ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1]. Несомненно, что такие компетенции как УК-11 (способен проявлять нетерпимое отношение к коррупционному поведению) или ОПК-7 (способен соблюдать принципы этики юриста, в том числе в части антикоррупционных стандартов поведения) направлены на выработку устойчивого поведения в интересах общества, что создает социальную гуманистическую составляющую для построения правового государства. Фактом является то, что иные требования морально-нравственного содержания в программу бакалавриата не включены, но они есть часть профессионального поведения юриста.

Так, в профессиональных стандартах требования к некоторым юридическим профессиям прямо указывают на необходимость наличия знаний кодексов этики (адвоката, судейской этики). А этические кодексы включают и требования, непосредственно связанные с воспитанием в юристах чувства гражданственности и патриотизма. Так, например, Кодекс этики и поведения гражданских служащих Российской Федерации и муниципальных служащих предписывает соблюдать беспристрастность, исключающую возможность влияния на служебную деятельность решений политических партий и общественных объединений (п. 10 «з»); проявлять корректность и внимательность в обращении с гражданами и должностными лицами (п. 10 «к»); проявлять терпимость и уважение к обычаям и традициям народов России и других государств, учитывать культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп и конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию (п. 10 «л»); воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнение в добросовестном исполнении должностных обязанностей, избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа либо органа местного самоуправления (п. 10 «м») [9].

Следовательно, только силами самих образовательных организаций в рамках обозначения ими профессиональных компетенций (которые, согласно п. 3.4 Федерального государственного образовательного стандарта – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция определяются организацией самостоятельно) можно ставить задачу формирования личности будущего юриста не только на том, что он способен осуществлять (или не совершать) определенные действия, но он должен формировать правовые позиции на высоком

уровне правовой культуры, сформированной в соответствии с конституционными предписаниями.

Помимо названной в ст. 2 ценности, в конституционном тексте имеется ряд ценностей, приоритеты государственной политики, принципов воспитания, образования и качеств человека и гражданина, без которых невозможно представить процесс формирования высокого уровня правовой культуры. К ним, несомненно, можно отнести сохранность памяти предков, защита исторической правды, приоритет государственной политики – дети. К принципам воспитания отнесен принцип комплексного подхода к развитию личности и ее гармоничного воспитания: «Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей» (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ). Отдельным приоритетом названо семейное воспитание.

Как воспитатели своих детей, родители, в силу конституционных установлений должны принять государственные устои, позиционируемые как варианты желательного и должного формирования личности гражданина. Образование детей не стихийно. Оно не отдано на откуп родителям. Оно контролируется государством как на уровне получения объема (ч. 4 ст. 43 Конституции РФ закрепляет обязанность общего среднего образования), так и его качество (принимая государственные образовательные стандарты образования).

Стандарт начального общего образования [6] направлен на становление основ гражданской идентичности и мировоззрения, на духовно-нравственное развитие и воспитание, предусматривающее принятие учениками моральных норм, нравственных установок, национальных ценностей (п. 8) и на становление личностных характеристик ученика, названных в стандарте «портрет выпускника начальной школы». По окончании обучения по данному стандарту предполагается, что формируется человек, в том числе любящий свой народ, край, Родину; уважающий ценности семьи и общества, готовый самостоятельно действовать и отвечать за свои поступки перед семьей и обществом. Личностные результаты освоения программы основного общего образования, согласно п. 9 Федерального стандарта основного общего образования [5], должны отражать «воспитание гражданской идентичности: патриотизма, уважения к Отечеству, прошлое и настоящее многонационального народа России; осознание своей этнической принадлежности... усвоение гуманистических, демократических и традиционных ценностей многонационального российского общества; воспитание чувства ответственности и долга перед Родиной» (пп.1 п. 9). На заключительном этапе общего образования – завершении курса среднего общего образования, ставится задача формирования осознанного, уважительного и доброжелательного уважения к другому человеку, его мнению, мировоззрению, языку, культуре, вере,

гражданской позиции, к истории, культуре традициям, языкам, ценностям народов России и народов мира... «Портрет выпускника школы» (личностные характеристики) ориентирован на формирование таких характеристик, при которых он будет «любящий свой край и свою Родину, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции; осознающий и принимающий традиционные ценности семьи, российского гражданского общества, многонационального российского народа, человечества, осознающий сопричастность судьбе Отечества; осознающий себя личностью, социально активный, уважающий закон и правопорядок, осознающий ответственность перед семьей, обществом, государством, человечеством...» (п. 5 Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования [4]).

Предыдущий образовательный стандарт программы бакалавриата по направлению подготовки «Юриспруденция», устанавливал требования к освоившим программу в виде сформированных общепрофессиональных (п. 5.3), профессиональных (п. 5.4) компетенций, некоторые из которых напрямую соответствуют конституционным ценностям, принципам и положениям, направленным на формирование гражданственности и патриотизма. К таким положениям можно отнести соблюдение законодательства Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права; способность работать на благо общества и государства, добросовестно исполнять профессиональные обязанности, принципы этики юриста. Программа предполагала сформированность у выпускников способностей: «осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры (ПК-2); обеспечивать соблюдение законодательства Российской Федерации субъектами права (ПК-3); принимать решения и совершать юридические действия в точном соответствии с законодательством Российской Федерации (ПК-4); быть готовыми к выполнению должностных обязанностей по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества, государства (ПК-8); уважать честь и достоинство личности, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ПК-9); выявлять, давать оценку коррупционному поведению и содействовать его пресечению (ПК-12)» [3].

Таким образом, видно, что предыдущий стандарт логически продолжал политику государства, направленную на обучение и воспитание с учетом не только комплексного подхода к формированию личности подрастающего гражданина, но и с учетом продолжения формирования личности на уровне получения профессионального образования. Воспитательная компонента явно не прописана в новом стандарте. Можно отметить, что на уровне получения профессионального образования личностные характеристики уступают место профессиональным качествам. Но воспитание патриотизма и

гражданственности, как конституционных предписаний, должно быть составляющими элементами комплексного подхода в образовательном процессе.

Дисциплина «Конституционное право» не может отказаться от формирования мировоззрения юриста. На проходившей в октябре 2024 г. в Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы преподавания конституционного права» (в рамках государственной программы «Приоритет 2030») [7] было отмечено, что дисциплина «Конституционное право» не может абстрагировано изучаться, ведь целью отрасли конституционного права является регулирование политических общественных отношений. Для понимания политики государства, соотношения прав человека с интересами общества и гармонизации этих интересов, выпускнику юридического факультета необходимо быть патриотом своей Родины, иметь чувство гражданственности и понимать значимость своей профессии для людей, общества и государства. Вопросы формирования у подрастающих поколений граждан должно отношения к государству и обществу злободневны и актуальны. Это подтверждает и наличие исследовательских статей, посвященных данной теме: только на сайте научной электронной библиотеки «elibrary.ru» размещено более 50 тысяч публикаций по теме воспитания гражданственности и патриотизма обучающихся.

Освоение дисциплины «Конституционное право» перманентно, от темы к теме, пронизывает идея формирования гражданственности. С первых практических занятий студенты получают задания соотнести различные сообщения средств массовой информации (далее – СМИ), публикации в информационных источниках и конституционные положения. Как правильно излагать или толковать факт, основывая его на принципах российского государственного устройства – такая задача ставится для письменного ответа. Умение сформулировать в письменной форме собственный взгляд на разные события и сообщения СМИ, используя полученные примеры, рассматриваемые преподавателем совместно со всей группой, исключает неуверенность, помогает преодолеть возможную стеснительность или боязнь неточно высказаться вслух. Первые занятия проходят по принципу «анонимного» опроса. Задания, выполненные студентами на обычных тетрадных листах, где не проставлены фамилии, зачитываются преподавателем вслух, который может задавать вопросы, разделяют ли они точку зрения автора, могут ли что-то добавить к высказанной позиции или наоборот, опровергнуть ее. Если в группе нет желающих высказать свое мнение публично, то предлагается выбрать одну из выслушанных позиций с которой согласен (или не согласен) студент и написать свое мнение.

Еще одной формой работы на практических занятиях являются «конституционные чтения». Конечным итогом задания является устное выступление с опорой на краткий конспект, в котором студент должен изложить увиденную в научной публикации проблему и пути ее решения. Работа предполагает самостоятельный поиск научной статьи, утверждение выбранной статьи с преподавателем, самостоятельная работа над поиском проблемы и предлагаемыми вариантами ее решения, ознакомление преподавателя с результатами работы, написание конспекта для выступления. Одной из целей является умение увидеть подход к анализируемым учеными явлениям конституционно-правовой действительности. Это помогает обучающимся видеть гражданскую позицию конституционалистов, понимать на чем основаны выводы, как можно толковать происходящие в обществе события. Можно полагать, что данный вид заданий способствует формированию современного научного подхода к теории и практике конституционного права, постепенно формирует гражданскую позицию.

В 2025 г. была апробирована комплексная работа, в рамках которой задачи становления патриотического воспитания и формирования гражданственности были объединены в проекте, носившем характер исторической преемственности. Все студенты 1 курса присутствовали на Всероссийской научно-практической конференции «Ценности патриотизма, гражданственности и исторической памяти в современном конституционном праве» [9], проводимой кафедрой конституционного, административного и таможенного права. Конференция была посвящена 80-летию Победы в Великой отечественной войне. Задачей студентов было прослушать выступления ведущих ученых-конституционалистов, представителей смежных наук: теоретиков права, философов, политологов, а также задавать вопросы выступающим. За хорошо сформулированный вопрос преподаватель ставил баллы, соотнося их с баллами на практических занятиях. После конференции студентам была предложена практическая работа в рамках выполнения домашнего задания: на любые два выступления написать перечень вопросов (не менее 5), ответы на которые составили бы изложение выступления (по практике написания изложения по прочтенному рассказу на уроке в школе по литературы). Выполненные задания оценены баллами. Уровень написания был достаточно высокий. Он показал, какие темы выступлений были восприняты лучше, какие хуже, умение слушать и слышать главные мысли, формулировать основные тезисы. Выявлен неподдельный интерес к теме сохранения памяти предков, особенно к объектам культурного наследия, к событиям Великой отечественной войны, к пресечению искажений исторической правды, это указывает на формирование патриотических взглядов будущих юристов.

Способствует формированию гражданственности и занятие, на котором выполняется задание в малых группах (3–4 человека) по

созданию политической партии. Каждая группа студентов должны определить наименование, цели, задачи придуманной ими политической партии и доказать (аргументировать) в пояснительной записке, почему именно такая партия необходима нашему обществу. На первый план группами выделяются вопросы экологического благополучия, защиты Отечества, поддержка малообеспеченных граждан, повышение уровня жизни народа, защита традиционных ценностей.

Формы, используемые на практических занятиях, могут быть различны. Без чувства ответственности за свою страну, за общество, за результаты своей правозащитной деятельности формирование будущего юриста не должно быть. Ведь именно юристы, обладающие высоким уровнем правовой культуры, стоят на защите прав человека и интересов общества и государства. Определение профессиональных компетенций самими образовательными организациями без фиксации в образовательных стандартах воспитательной компоненты является неверным. Необходимым представляется в Федеральный государственный образовательный стандарт бакалавриата по направлению подготовки «Юриспруденция» по профилю «Правопользование и правоприменение» внести положения воспитательного характера, созвучные с конституционными идеями.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Приказ Минобрнауки России от 13.08.2020 г № 1011 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-40-03-01-yurisprudenciya-1011/?ysclid=mezyjl2w2w663524210> (дата обращения: 25.08.2025).
3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 1511 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 юриспруденция (уровень бакалавриата)» [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-40-03-01-yurisprudenciya-1511/> (дата обращения: 25.08.2025).
4. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.05.2012 г. № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (дата обращения: 25.08.2025).
5. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.12.2010 г. № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения: 25.08.2025).
6. Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 г. № 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-noo/> (дата обращения: 25.08.2025).

7. Государственная программа «Приоритет 2030» [Электронный ресурс]. URL: <https://priority2030.ru/> (дата обращения: 25.08.2025).

8. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420254359> (дата обращения: 25.08.2025).

9. Всероссийская конференция «Ценности патриотизма, гражданственности и защиты исторической памяти» // Сайт юридического факультета ТвГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/news/38175> (дата обращения: 25.08.2025).

Об авторе:

РЯЗАНОВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2785-4619, AuthorID: 649710, e-mail: lena_7765@mail.ru

Patriotic education and education of a sense of citizenship in the formation of competencies of a future lawyer

E.A. Ryazanova

Tver State University, Tver

The article pays attention to the formation of citizenship and patriotism in 1st year students studying in the direction of training "Jurisprudence" in practical classes on the discipline "Constitutional Law". The object of the study is the forms of practical activity, didactic and educational nature, aimed at the formation of citizenship and patriotism. The subject of the study is constitutional values and principles, legal norms of federal state educational standards. The purpose of the study is the relationship of the constitutional principles of education and upbringing with federal educational standards and the search for optimal educational forms of practical classes in the discipline "Constitutional Law" for the formation of citizenship and patriotism.

Keywords: *education, citizenship, constitutional principles, patriotism, forms of work in practical classes, standard.*

About author:

RYAZANOVA Elena – PhD in Law, assistant professor of the department of constitutional, administrative and customs law of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d.33), SPIN-code: 2785-4619, AuthorID: 649710, e-mail: lena_7765@mail.ru

Рязанова Е.А. Патриотическое воспитание и воспитание чувства гражданственности при формировании компетенций будущего юриста // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 167–174.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Трибуна молодого ученого

УДК 347.637

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.3.175

Лишение родительских прав как основание для перехода к государству родительских прав и обязанностей

Р.К. Беляев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье раскрывается понятие лишения родительских прав как крайней меры, применяемой для защиты интересов ребенка в ситуациях, когда его безопасность, здоровье и полноценное развитие невозможно обеспечить в родной семье. Это свидетельствует о необходимости вмешательства государства в семейные отношения при наличии серьезных нарушений или неспособности родителей выполнять свои обязанности. Обращено внимание, что лишение родительских прав как мера государственного принуждения возможно только в том случае, если государство берет на себя родительские права и обязанности, обеспечивая тем самым права и законные интересы детей.

Ключевые слова: *родительские права, опекун, попечитель, подопечный, лишение родительских прав, государство.*

Проблема лишения родительских прав – одна из самых острых и важных в современном семейном праве России. Она затрагивает интересы несовершеннолетних детей, которые являются наиболее уязвимыми участниками семейных отношений, а также интересы родителей, государства и общественных организаций, ответственных за воспитание подрастающего поколения.

Лишение родительских прав – это сочетание санкции, применяемой к родителям, и способа защиты прав и интересов детей, который применяет суд, когда родители систематически или грубо нарушают права ребенка и не исполняют обязанности по его воспитанию, образованию и содержанию. Цель этой меры – защитить интересы ребенка и обеспечить его благополучное развитие и социализацию.

Лишение родительских прав неразрывно связано с вопросом о том, кто будет заботиться о ребенке, воспитывать его, обучать и обеспечивать материально. Поэтому необходимо рассматривать институт лишения родительских прав не только в контексте семейного права, но и в контексте применения норм административного и гражданского права, а также в контексте реализации социальной политики государства. Такой междисциплинарный подход позволяет выявить проблемы и найти эффективные способы их решения.

Актуальность этого исследования обусловлена тем, что проблемы с воспитанием детей бывают практически в каждой семье, но родители в

большинстве случаев пытаются изменить ситуацию в общении со своими детьми, добросовестно выполняют родительские обязанности и не злоупотребляют своими правами, а необходимость лишения родительских прав возникает тогда, когда родители злостно уклоняются от надлежащего исполнения своих родительских прав и обязанностей. В результате растет число детей, нуждающихся в дополнительной защите, поддержке и альтернативных формах воспитания. Российское законодательство и практика предусматривают широкий спектр мер для защиты детства и прав ребенка, но в современных реалиях эти меры нуждаются в постоянном совершенствовании и дополнении.

Цель исследования — всесторонне изучить институт лишения родительских прав как крайнюю меру необходимости перехода к государству прав и обязанностей родителей, лишенных родительских прав.

Лишение родительских прав представляет собой правовую категорию, закрепленную в семейном законодательстве Российской Федерации [1]. Именно поэтому его целью является обеспечение защиты интересов несовершеннолетних, а не наказание родителей.

Исследование вопросов лишения родительских прав было предметом научных исследований как в материально-правовых, так и в процессуальных аспектах. Так, У.Р. Родионова отмечает: «Лишение родительских прав – это установленная законом мера семейно-правовой ответственности, применяемая исключительно в судебном порядке к родителям (или одному из них) за виновное поведение, нарушающее права и интересы ребенка, и выражающаяся в полном прекращении родительских прав по отношению к несовершеннолетнему» [6]. Это крайняя форма государственного вмешательства в сферу семейных отношений, допускаемая только в случаях, когда иные способы защиты ребенка исчерпаны или неэффективны.

Лишение родительских прав можно рассматривать с двух сторон: как меру воздействия на недобросовестных родителей и как способ защиты прав ребенка. С одной стороны, это санкция, применяемая к лицам, которые утратили правовое основание для осуществления своих родительских функций. Такая мера служит напоминанием о том, что права родителей не являются абсолютными — они неразрывно связаны с обязанностями, и если эти обязанности систематически не исполняются, государство вправе и должно вмешаться.

С другой стороны, лишение прав – это не просто наказание, но и юридический механизм, который позволяет прервать пагубное влияние родителя на ребенка. Главной целью здесь выступает обеспечение благоприятного развития несовершеннолетнего. Таким образом, речь идет не только о восстановлении справедливости, но и о превентивной функции права – защите интересов ребенка в случае, если родитель

проявляет безразличие, жестокость или иным образом угрожает его благополучию.

Важно отметить, что лишение родительских прав не освобождает родителя от обязанностей. Сохранение обязанности содержать ребенка подтверждает приоритет интереса ребенка при применении данной меры семейной ответственности. Таким образом, государство берет на себя не только функцию контроля, но и функцию обеспечения исполнения родительских обязанностей несовершеннолетних лицами, лишенными родительских прав.

В целом, мнения юристов-теоретиков права сходятся в вопросе определения понятия лишения родительских прав. Однако необходимо понимать, в каком именно смысле данный институт рассматривается в том или ином случае.

Следует обратить внимание, что институт лишения родительских прав имеет двойственную правовую природу. Важно упомянуть, что лишение родительских прав не освобождает родителей от их ответственности. Эта двойственная природа, по мнению Л.В. Тумановой, заключается в том, что, с одной стороны, лишение родительских прав разрывает правовую связь между родителем и ребенком в части личных неимущественных прав: лишенный родитель не имеет права участвовать в воспитании ребенка, видеться с ребенком без разрешения и принимать участие в его жизни. С другой стороны, несмотря на утрату родительских прав, лицо сохраняет обязанность по содержанию ребенка, и это подчеркивает, что государство не рассматривает лишение родительских прав как способ освободить человека от ответственности за судьбу своего ребенка [7].

Таким образом, лишение родительских прав — это не только реакция на виновное поведение родителей, но и гарантия обеспечения права ребенка на надлежащее воспитание, защиту и развитие.

Лишение родительских прав выполняет важную социальную и правовую функцию. Это подчеркивает, что статус родителя — это не просто формальное право, предоставленное по факту рождения ребенка, а прежде всего обязанность. Родительские права зависят от того, насколько ответственно и добросовестно взрослый человек исполняет свои функции по воспитанию, содержанию и защите ребенка.

Такой подход ясно демонстрирует: если родитель уклоняется от своих обязанностей или причиняет вред ребенку, государство через правовые механизмы имеет право вмешаться. Интересы ребенка при этом первостепенны. Они стоят выше личных интересов родителей, в том числе желания сохранить формальную связь с ребенком при отсутствии реального участия в его жизни. Таким образом, лишение родительских прав служит не только средством воздействия на безответственного родителя, но и способом защиты ребенка как самостоятельной личности.

Следует отметить, что лишение родительских прав — это мера защиты детства, имеющая как карательный, так и превентивный характер. Она иллюстрирует принцип социальной ответственности родительства и является важнейшим механизмом обеспечения прав и свобод несовершеннолетних в правовом государстве.

Основания для лишения родительских прав закреплены в ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации. Этот перечень является исчерпывающим, что позволяет исключить произвольность в применении этой меры, гарантируя соблюдение правовых стандартов и процессуальных норм, но при этом следует учитывать, что большинство оснований являются оценочными.

К числу оснований, предусмотренных законом, относится уклонение от исполнения родительских обязанностей, включая не только материальное обеспечение ребенка, но и его воспитание, эмоциональную поддержку и обеспечение условий для всестороннего развития. Нельзя не согласиться с мнением Т.В. Лашкула и О.А. Тарасовой: «Это основание отражает комплексный характер родительской ответственности, учитывающий как физическое, так и психологическое благополучие ребенка, а также его образовательные потребности» [4]. Авторы также отмечают «злоупотребление родительскими правами» [4] в качестве основания для применения мер. Выражается оно в действиях, противоречащих интересам ребенка. К таким действиям относятся: нарушения прав ребенка, в том числе ограничение доступа к образованию, медицинской помощи, или использование ребенка в целях, противоречащих его интересам. Данный аспект требует глубокого юридического анализа, поскольку включает оценку конкретных обстоятельств, отражающих степень вреда, причиненного ребенку в результате таких действий.

У.Р. Родионова в своей работе отмечает: «Одним из ключевых оснований лишения родительских прав является уклонение от выполнения обязанностей, что проявляется в хроническом невыполнении родителями функций по воспитанию, содержанию и образованию ребенка, а также отсутствию необходимой заботы о его здоровье и развитии» [6].

В своих исследованиях У.Р. Родионова называет причиной лишения родительских прав жестокое обращение с детьми, включающее физическое и психическое насилие, а также причинение вреда здоровью ребенка. Данный фактор является одним из наиболее серьезных, поскольку негативно влияет на безопасность и здоровье ребенка.

Согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 14.11.2017 г.: «Решая вопрос об ограничении родительских прав, суду следует исходить из характера и степени опасности, а также возможных последствий для жизни или здоровья ребенка в случае оставления его с родителями (одним из них), а также учитывать иные обстоятельства (в частности, при

виновном поведении родителей (одного из них), создающем опасность для ребенка, – осознают ли родители виновность своего поведения и имеют ли стойкое намерение изменить его в лучшую сторону, какие конкретные меры намереваются предпринять либо предприняли в целях исправления своего поведения)» [2].

Кроме того, У.Р. Родионова отмечает совершение умышленного преступления против жизни или здоровья ребенка либо других членов семьи основанием для применения мер по лишению родительских прав. Такие деяния свидетельствуют о полной утрате родительской ответственности и способности обеспечить безопасные и благоприятные условия для жизни и развития ребенка.

Обратим внимание, что хронический алкоголизм или наркомания родителей также рассматриваются как основания для лишения родительских прав. Эти состояния существенно снижают способность родителей заботиться о ребенке, создавая угрозу для его жизни и здорового развития. По мнению О.В. Люкиной «наличие подобных обстоятельств препятствует выполнению основных родительских функций и ставит под угрозу безопасность ребенка» [5].

Все перечисленные основания, как уже было отмечено, имеют оценочный характер, что требует от судов комплексного анализа ситуации с учетом множества факторов и обстоятельств. Формальные признаки, такие как наличие медицинского заключения об имеющихся, например, хронических заболеваниях (алкоголизм, наркомания и т. п.), служат важным, но не единственным критерием. Судебная практика ориентирована на всестороннюю оценку семейных условий, отношений между родителями и ребенком, а также общего уровня рисков для жизни ребенка.

В науке ведутся дискуссии о возможности расширительного толкования перечня оснований для лишения родительских прав. Обсуждается вопрос о включении в данный перечень не только явно негативных действий родителей, но и так называемой пассивной родительской некомпетентности – неспособности полноценно выполнять родительские функции в силу различных психологических, социальных и когнитивных факторов. Такой подход предполагает более гибкое реагирование на современные изменения в семейных отношениях и учитывает сложности, с которыми сталкиваются семьи в современном обществе.

Правовая природа оснований лишения родительских прав выражается в необходимости гармонизации двух фундаментальных правовых ценностей: защиты интересов и благополучия ребенка с одной стороны, и уважения к правам и свободам родителей – с другой. Указанные основания не представляют собой формальные критерии для автоматического применения санкции, а требуют тщательного,

индивидуального анализа, позволяющего принять обоснованное и справедливое решение в каждой конкретной ситуации.

Устанавливая такие меры родительской ответственности, государство берет на себя заботу о ребенке и, как следует из Конституции, государству переходят различные права и обязанности.

Исследуя переход родительских прав и обязанностей к государству, важно опираться на то, что неотъемлемым следствием лишения родительских прав служит комплексный процесс, включающий прекращение юридических отношений между родителями и ребенком и передачу ответственности за его воспитание, содержание и защиту государственным органам. Это обусловлено необходимостью обеспечения стабильных условий для развития ребенка, лишенного родительского попечения, и гарантии реализации его прав и интересов в полной мере.

Согласно положению ст. 123 Семейного кодекса Российской Федерации, основным приоритетом в устройстве таких детей является их размещение в семьях, поскольку семейная среда считается наиболее благоприятной для полноценного развития личности ребенка. Закон предусматривает несколько форм семейного устройства, включая усыновление, опеку и приемную семью, которые обеспечивают ребенку необходимую заботу, внимание и социальную поддержку. По мнению О.В. Люкиной «такая политика направлена на создание условий, максимально приближенных к естественным семейным отношениям, что способствует гармоничному развитию ребенка и его социальной интеграции» [5].

В тех случаях, когда по различным причинам устройство ребенка в семью невозможно, законом предусмотрена временная передача ребенка в специализированные учреждения, такие как детские дома, социально-реабилитационные центры и иные организации, занимающиеся воспитанием и обеспечением детей, оставшихся без попечения родителей. Однако О.В. Люкина призывает учитывать, что пребывание ребенка в подобных учреждениях представляет собой вынужденную меру, применяемую только в случае отсутствия иных вариантов, поскольку длительное нахождение вне семьи может создавать определенные риски для психоэмоционального и социального развития ребенка [5].

Представляется, что реализация государством родительских прав и обязанностей предполагает не просто формальное принятие на себя заботы о ребенке, оставшемся без попечения, но и обеспечение ему полноценных условий для жизни и развития. Речь идет о предоставлении базовых социальных гарантий, таких как доступ к медицинскому обслуживанию, образованию, жилью и поддержке в трудной жизненной ситуации. Эти меры направлены на то, чтобы ребенок не ощущал утраты семьи как утраты защиты.

Особую значимость приобретает комплексный подход, при котором государственные органы сотрудничают с образовательными учреждениями, медицинскими организациями, социальными службами и различными общественными организациями. Такое взаимодействие позволяет не только решать текущие проблемы ребенка, но и формировать для него стабильную среду, способствующую всестороннему развитию. Кроме того, оно играет превентивную роль, снижая риск повторного социального сиротства и предупреждая маргинализацию детей, оказавшихся без родительского попечения.

Таким образом, переход родительских обязанностей к государству представляет собой многоаспектный процесс, в котором сочетаются правовые, социальные и организационные меры, направленные на защиту интересов ребенка и обеспечение его права на полноценное развитие в условиях, максимально приближенных к семейным.

Проблема лишения родительских прав и последующего устройства детей требует комплексного межотраслевого и междисциплинарного подхода, обусловленного многоаспектной природой данного института и его влиянием на различные сферы права и социальной практики.

Л.В. Туманова отмечает: «Семейное право выступает основополагающей отраслью, поскольку именно в его рамках формируются основания и порядок лишения родительских прав, а также закрепляются процедуры и способы устройства детей, оставшихся без попечения родителей» [7]. Семейное право регулирует правоотношения между родителями и детьми, устанавливает меры защиты прав несовершеннолетних и определяет роль государства в обеспечении воспитания и содержания ребенка.

Гражданское же право в данном контексте, по мнению Л.В. Тумановой, регулирует вопросы, связанные с опекой, попечительством и усыновлением, а также вопросы управления имуществом несовершеннолетних детей, утративших родительское попечение. Оно устанавливает правовые механизмы передачи родительских обязанностей и защиты имущественных интересов ребенка, что является важным элементом обеспечения его прав и законных интересов [7].

Л.В. Туманова также отмечает административное право, которое направлено на регулирование деятельности государственных органов, осуществляющих опеку и попечительство, а также контроль за условиями жизни и воспитания детей, находящихся под опекой или в государственных учреждениях. Эта отрасль права устанавливает нормы и процедуры, обеспечивающие государственный надзор за соблюдением прав ребенка и качеством оказания социальной поддержки [7].

Нормы уголовного законодательства применяются в тех случаях, когда действия родителей или иных лиц содержат признаки уголовно наказуемых деяний, влияющих на жизнь и здоровье ребенка, например, при выявлении фактов насилия или иного преступного поведения. По

мнению Л.В. Тумановой, «оно призвано обеспечить уголовно-правовую защиту детей и служит инструментом привлечения виновных к ответственности, что является важной частью системы защиты прав несовершеннолетних» [7].

Необходимость дальнейшего исследования данной проблемы обусловлена необходимостью разработки и совершенствования комплексных механизмов защиты прав детей, в том числе форм семейного устройства, административных процедур и правоприменительной практики. Изучение данной тематики требует интеграции знаний из различных областей юридической науки, а также применения междисциплинарного подхода, включающего исследования в области психологии, социологии и педагогики. Такой подход защиты прав детей, по мнению А.А. Борисова, «позволяет глубже понять процессы адаптации детей в новых условиях, выявить социальные и психологические факторы, влияющие на их развитие, и создать эффективные программы поддержки, направленные на успешную социализацию и гармоничное развитие ребенка после утраты родительского попечения» [3].

Кроме того, нуждается в серьезном исследовании правовая природа перехода родительских прав и обязанностей государству и особенности их реализации.

Изучение международного опыта в сфере лишения родительских прав и защиты прав детей позволяет выделить различные подходы, основанные на особенностях правовых систем, социальной политики и культурных традиций конкретных государств. Эти подходы демонстрируют широкий спектр механизмов, направленных на защиту интересов ребенка, сохранение семейных связей и предотвращение негативных последствий для ребенка, связанных с лишением родительских прав.

Как отмечает Л.В. Туманова, «в зарубежных правовых системах активно используются комплексные модели социальной защиты, которые ориентированы не только на реагирование на нарушения в семье, но и на профилактические меры, направленные на минимизацию риска нарушения прав ребенка» [7]. Такой подход подразумевает создание систем мониторинга семейных ситуаций с целью раннего выявления проблем и оказания своевременной помощи родителям и детям. Важной особенностью является применение ограничений родительских прав в тех случаях, когда это необходимо для защиты ребенка, при этом сохраняется возможность поддержания семейных связей и постепенного восстановления функций родителей.

В международной практике отмечается тенденция к применению временных форм размещения детей, обеспечивающих им безопасность и заботу вне биологической семьи с возможностью последующего возвращения после устранения причин, вызвавших изъятие. Такой

подход позволяет сбалансировать защиту прав ребенка с сохранением его эмоциональной связи с семьей, что способствует успешной адаптации и развитию.

Л.В. Туманова пишет: «Большое внимание уделяется профилактике и раннему вмешательству, направленным на поддержку семей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, еще до возникновения угрозы для ребенка» [7]. Органы социальной защиты используют разнообразные программы, которые, минимально затрагивая родительские права, обеспечивают необходимый уровень защиты и условий для развития ребенка. В рамках этих мер предоставляется психологическая, педагогическая и социальная помощь, направленная на укрепление семейного потенциала и предотвращение более серьезного вмешательства.

Российская правовая система постепенно интегрирует элементы зарубежных практик, особенно в части профилактики, индивидуального сопровождения семей и межведомственного взаимодействия [7]. Несмотря на это, существует необходимость дальнейшего развития механизмов координации между различными органами и службами, а также совершенствования системы раннего вмешательства. Такое развитие позволит повысить эффективность защиты прав детей, улучшить качество поддержки семей и снизить количество случаев лишения родительских прав как крайних мер вмешательства.

Лишение родительских прав рассматривается как крайняя мера, применяемая для защиты интересов ребенка в ситуациях, когда его безопасность, здоровье и полноценное развитие невозможно обеспечить в родной семье. Это свидетельствует о необходимости вмешательства государства в семейные отношения при наличии серьезных нарушений или неспособности родителей выполнять свои обязанности. В таких случаях ответственность за ребенка переходит к государственным структурам и специализированным учреждениям, а родители утрачивают юридические права в отношении него.

Государственное участие в воспитании ребенка выходит за рамки простой передачи его в замещающую семью. Оно включает постоянный контроль за условиями проживания, обеспечение доступа к образованию, медицинским услугам и социальной поддержке. При этом государство обязано создавать условия для успешной адаптации ребенка в новой среде. Возможность восстановления родительских прав при изменении обстоятельств подчеркивает гибкость и динамичность этого правового механизма.

Для эффективного решения задач, связанных с лишением родительских прав и дальнейшим устройством детей, необходим комплексный подход, объединяющий правовые, социальные, психологические и педагогические компоненты. Такой подход позволяет учитывать особенности каждой конкретной семьи и разрабатывать

индивидуальные стратегии поддержки. В современных условиях особую важность приобретает профилактика семейного неблагополучия, а также налаженное взаимодействие между государственными структурами и общественными организациями, ответственными за защиту прав детей.

Международный опыт, как представляется, может демонстрировать высокую эффективность моделей, которые, возможно, основаны на раннем вмешательстве и комплексной поддержке семей, могущих оказаться в трудной ситуации. Есть основания полагать, что такие меры способны сократить количество случаев лишения родительских прав и помочь сохранить семейные связи, что, в свою очередь, могло бы положительно повлиять на эмоциональное и психологическое состояние ребенка. Можно предположить, что внедрение подобных практик в российскую систему защиты детства способствовало бы более гармоничному учету интересов ребенка, семьи и государства и могло бы послужить основой для устойчивого и справедливого развития общества.

Проблема перехода родительских прав и обязанностей в результате лишения родительских прав требует подробного и самостоятельного изучения, а также выработки дополнительной терминологии, поскольку термин «родительские» имеет сугубо внутрисемейное содержание и, возможно, в дальнейшем необходимо будет исследовать формы, способы и пределы реализации государством родительских прав и обязанностей.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Борисов А.А. Лишение родительских прав: проблемы теории и правоприменения // Молодой ученый. 2022. № 5. С. 162–165.
4. Лушкар Т.В., Таасова О.А. Ограничение и лишение родительских прав в условиях повышения социальной роли семьи и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей // Психология и право. 2023. № 13 (4) С. 294–307.
5. Люкина О.В. Актуальные проблемы ограничения родительских прав // Университетская наука. 2024. № 1 (17).
6. Родионова У.Р. Лишение родительских прав как форма защиты несовершеннолетних детей // Современные научные исследования и инновации. 2021. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/03/94914> (дата обращения: 25.08.2025).

7. Туманова Л.В. Лишение родительских прав: исковое производство или применение меры семейно-правовой ответственности // Юридический вестник Самарского университета. 2023. № 4. С. 53–61.

Об авторе:

БЕЛЯЕВ Руслан Камоевич – ассистент кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: Belyaev.RK@tversu.ru

Deprivation of parental rights as a basis for the transfer of parental rights and responsibilities to the state

R.K. Belyaev

Tver State University, Tver

The article reveals the concept of deprivation of parental rights as an extreme measure used to protect the interests of a child in situations where his safety, health and full development cannot be ensured in his native family. This indicates the need for state intervention in family relations in the presence of serious violations or the inability of parents to fulfill their duties. It is noted that deprivation of parental rights, as a measure of state coercion, is possible only under the condition that the state takes on parental rights and responsibilities, thereby ensuring the rights and legitimate interests of children.

Keywords: *parental rights, guardian, trustee, ward, deprivation of parental rights, state.*

About author:

BELYAEV Ruslan – assistant of the civil law department of the law faculty of the Tver State University, e-mail: Belyaev.RK@tversu.ru

Беляев Р.К. Лишение родительских прав как основание для перехода к государству родительских прав и обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 175–185.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Основные модели правового статуса помощника судьи: сравнительно-правовое исследование

М.В. Приймак

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева», г. Москва

В целях более глубокого изучения правового статуса помощника судьи в России, а также перспектив его развития, был проанализирован опыт организации и функционирования схожих институтов в зарубежных странах (Германия, Польша, США, Великобритания, Швейцария, Швеция).

Ключевые слова: государственная служба, судебная служба, аппарат суда, помощник судьи, судебная власть, правосудие.

В настоящей статье автор анализирует опыт работы института помощника судьи в России и схожих институтов в зарубежных странах. Описание и анализ моделей будет производиться от помощников с меньшим объемом процессуальных полномочий, до помощников с большим объемом.

В зарубежной практике можно выделить четыре вида помощников судьи: помощник-ассистент, помощник-консультант, помощник с расширенными полномочиями и помощник-судья. В первом случае речь идет о должностном лице суда, на которого возложены функции по содействию осуществления судом правосудия, которое выражено в выполнении технической работы (направление корреспонденции, делопроизводство, прием граждан, выдача копий судебных актов и др.). Модель помощника-ассистента характерна для таких государств, например, как Россия и США.

В указанных странах помощник судьи (либо его аналог) рассматривается прежде всего, как личный ассистент судьи, который в большинстве случаев (особенно при принятии процессуальных решений) не наделен правом подписи, а выполняет лишь организационные полномочия.

Так, в России правовой статус помощника судьи по большей части закреплен в подзаконных правовых актах: Инструкции по судебному делопроизводству в судах разных уровней, Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29.05.2023 г. № 91 «Об утверждении Положения об аппарате федерального суда общей юрисдикции», Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27.08.2019 г. № 193 «Об утверждении типовых должностных регламентов помощника председателя суда,

заместителя председателя суда, судьи кассационного суда общей юрисдикции, кассационного военного суда, помощника председателя суда, заместителя председателя суда, судьи апелляционного суда общей юрисдикции, апелляционного военного суда, помощника председателя суда (судьи) верховного суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда».

В меньшей части – в федеральном законодательстве (Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Федеральный закон от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»).

Процессуальные законы определяют следующие функции помощника судьи: оказание помощи судье в подготовке и организации судебного процесса, а также в подготовке проектов судебных постановлений. Указанные функции получают свое развитие в должностных регламентах.

Что же касается квалификационных требований, предъявляемых к претендентам на должность помощника судьи в России, то их можно разделить на базовые (образование, знание русского языка, знание основ Конституции Российской Федерации и законодательства, базовые знания и умения, знания в области информационно-телекоммуникационных технологий) и профессионально-функциональные (знания в определенной области права, умение осуществлять правовой анализ, умение составлять проекты процессуальных документов, и т.д.).

Фактически, в рамках российского законодательства, помощник судьи является должностью государственной гражданской службы, относящейся к ведущей группе должностей, и не выделяется в особый вид государственной службы, однако стоит отметить, что в 2013 г. в своем постановлении Президиум Совета Судей Российской Федерации предложил выделить судебные должности государственной гражданской службы в отдельную государственную судебную службу.

В 2016 г. на основании указанного постановления Верховным Судом Российской Федерации в Государственную Думу Российской Федерации был внесен соответствующий законопроект, рассмотрение которого, однако, было отложено в связи с наличием замечаний правового управления. Согласно заключению правового управления представленный законопроект не указывает на такую специфическую роль сотрудника аппарата суда, которая существенно отличается от

работы государственного гражданского служащего, что позволило бы выделить судебную службу в отдельный вид государственной службы.

Действительно, в том виде, в котором функционирует аппарат суда в настоящее время (особенно институт помощника судьи, который и является предметом настоящего исследования), о какой-то особенной специфике деятельности сотрудников аппарата суда говорить не приходится. Во многих случаях они выполняют лишь техническую функцию, не обладая при этом даже правом подписи при ответах на обращения граждан, не говоря уже о каких-то более-менее серьезных процессуальных документах.

В частности, А.В. Сорокопуд, рассуждая о возможности изменения правового статуса помощника судьи в контексте расширения его полномочий, говорит о целесообразности перевода должности помощник судьи из категории «помощники (советники)» в категорию «руководители», тем самым повышая предъявляемые к кандидатам на замещение исследуемой должности требования [6, с. 147].

Если обратиться к опыту США, то можно увидеть, что там, также как и в России, судебный клерк выполняет функции прежде всего ассистента судьи. В США к судебным клеркам предъявляются схожие с российскими квалификационные требования, а именно наличие диплома о юридическом образовании, однако, зачастую судьи заранее обговаривают с помощниками, во-первых, свои особенности и предпочтения в работе, во-вторых, необходимость изучения дополнительных курсов, связанных со специализацией суда или судьи [10, с. 3–5]. Большое внимание также уделяется самоподготовке судебных клерков, которые проходят ее в основном по пособию, подготовленному представителями судебной системы США и адвокатуры и регулярно обновляющемуся.

В отличие от российского подхода, где наиболее тщательно регулируются личностные качества претендента на должность помощника судьи (умение мыслить стратегически, высокая адаптивность и тд.), в США особое внимание уделяется знаниям будущего государственного служащего в области процессуального законодательства, доказательственного права, а также законодательства в сфере банкротства.

Что же касается требований к личностным качествам, то они нигде не описываются. Как пишет Л.А. Прокудина, данное обстоятельство объясняется прежде всего тем, что личностные характеристики претендента на должность судебного клерка в США предъявляется каждым судьей исходя из своих предпочтений, что делает нецелесообразным их закрепление [5].

К сожалению, несмотря на такое подробное закрепление личностных качеств в российских подзаконных актах, законодательно не закреплена необходимость для помощника знать нормы процессуального и

материального права, что исходя из предназначения исследуемой должности, является первостепенной компетенцией.

Конечно, данное упущение нивелируется тем фактом, что при приеме на службу помощник судьи в России проходит беседу с судьей. Между тем, по нашему мнению, функциональная компетенция по глубокому знанию помощником судьи обширного массива законодательства (как материального, так и процессуального), правоприменительной и судебной практики является одной из тех отличительных черт служащего суда, на отсутствие которой указало в своем заключении правовое управление Государственной Думы Российской Федерации.

При разработке типовых должностных регламентов были взяты за основу общие документы, в которых описаны квалификационные требования, установленные для претендентов на замещение государственной гражданской службы [1]. Вместе с тем, такой подход фактически размыл границу между государственным гражданским служащим и судебным служащим, существование которого пытался обосновать Верховный Суд Российской Федерации в своем законопроекте.

Как и в России, в США к компетенции судебных клерков отнесена лишь техническая, вспомогательная сторона обеспечения отправления судьей правосудия. Указанные полномочия можно условно разделить на организационные (отобрание у сторон документов, обеспечение вызова в суд, проверка явки, ведение делопроизводства) и правовые (обсуждение предстоящих к рассмотрению дел, подготовка мотивированных справок по делу и/или мнений по отдельным вопросам) [10, с. 61]. Однако, существенным отличием американского судебного клерка от российского помощника судьи является то, что в первом случае должность занимает целенаправленно отобранный и обученный под конкретного судью мотивированный специалист, в то время как во втором – государственный гражданский служащий, в большинстве случаев ранее работавший в аппарате суда, который может и не иметь опыта работы с правовой информацией.

Следующей моделью помощников судей можно выделить помощников-консультантов. В контексте настоящей модели интересен английский опыт функционирования помощника судьи (судебный клерк), который обусловлен особенностями функционирования мировой юстиции (магистратов) в Англии и Уэльсе, которые в свою очередь обуславливают наличие расширенных консультативных полномочий у сотрудников аппарата магистрата.

Так, большинство магистров в Англии и Уэльсе являются непрофессиональными судьями [4]. В общем виде полномочия судебного клерка отражены в Положении о судебном клерке 2005 г. [17]. К их полномочиям, в частности, относятся:

- организация работы зала суда, ведение расписания судебных заседаний и судебного делопроизводства для обеспечения эффективного судебного разбирательства с точки зрения времени и ресурсов;
- подготовка к судебным заседаниям, проверка судебных документов, ведение списка судов и обеспечение готовности доказательств;
- обеспечение соблюдения кодекса поведения в зале суда и вмешательство при необходимости;
- составление резюме дела (краткой справки по делу) для магистратов и/или окружного судьи.
- объяснение обвиняемым принципа работы суда;
- оглашение обвинения и подготовка повесток в суд;
- выявление и исследование вопросов права во время слушаний;
- разъяснение судьям вопросов права и юридических процедур;
- содействие в принятии судебных решений формальным методом;
- эффективное взаимодействие с другими сотрудниками суда, включая судей, адвокатами, присяжными заседателями и судебными приставами;
- оформление судебных решений в письменном виде;
- обучение судей и административного персонала;
- управление стажерами-юристы-консультантами и консультантами, проходящим обучение.

Судебный клерк наделен полномочиями консультативного характера. Являясь сотрудником Службы судов и трибуналов Его Величества (аналог российского Судебного департамента), придерживаясь принципа независимости, судебный клерк, представляет консультации магистрам (судьям первой инстанции вне зависимости от звена судебной системы) при разрешении ими дела.

Это включает в себя консультации по:

- вопросам права;
- вопросам права и факта;
- практике и процедуре;
- диапазону штрафов;
- соответствующим решениям высших судов и других руководящих принципов;
- других актуальных вопросов;
- порядку принятия решений.

Кроме того, в зале суда судебный клерк и его помощники-юристы-консультанты могут задавать вопросы свидетелям и сторонам для уточнения доказательств и возникающих вопросов. Они должны обеспечивать справедливое ведение каждого дела и помогать обвиняемым без защитника представлять свои дела (не становясь адвокатами).

Судебный клерк имеет некоторые полномочия магистрата, например, вызывать в суд, откладывать судебное разбирательство, продлевать срок залога, выдавать ордер в случае отказа от освобождения под залог, если нет возражений со стороны обвиняемого, отклонять информацию, в случае если она не подтверждена доказательствами, запрашивать предварительный отчет, привлекать подсудимого к суду без рассмотрения доказательств, давать указания в уголовном и семейном судопроизводстве. Судебный клерк может делегировать эти функции юрисконсульту (именуемому в соответствующем законодательстве «помощником судебного клерка») [18].

Судебный клерк назначается в соответствии со ст. 27 (1) Закона о судах 2003 г. лордом-канцлером после консультации с лордом-главным судьей в одном или нескольких местных отделах правосудия [7]. Лицо, претендующее на занятие соответствующей должности, может быть назначено только в том случае, если оно имеет пятилетний стаж работы в суде, было адвокатом или солиситором, проработало не менее 5 лет в качестве помощника судебного клерка или ранее было судебным клерком. Они должны иметь определенную минимальную квалификацию [7].

В отличие от американского и российского помощника судьи судебный клерк в Англии и Уэльсе должен иметь опыт работы, что законодательно зафиксировано как квалификационное требование для замещения соответствующей должности. Такой подход связан со спецификой выполняемых судебном клерком полномочий, которые фактически дополняют полномочия магистрата (мирового судьи) при отправлении им правосудия ввиду отсутствия у последнего юридического образования. В некоторых случаях судебный клерк выполняет функции судьи, что также обуславливает необходимость дополнительных квалификационных требований. Наделяя судебного клерка такими расширенными полномочиями, английский законодатель указал на его независимость в своей деятельности, что, в широком смысле, обуславливает справедливое и беспристрастное судебное разбирательство.

Вместе с тем, говорить о всеобъемлющем исполнении помощником магистрата функций судьи не приходится, поскольку их влияние ограничено тем фактом, что им не разрешается участвовать в принятии решений по фактам или степени наказания. Однако исследование П. Дарбишир показало, что клерки не всегда оставались в пределах этих границ [11].

В отличие от американского и российского аналогов исследуемого института к английским помощникам судей предъявляются требования по наличию опыта юридической работы. Применительно к настоящему исследованию английский опыт интересен тем, что судебный клерк является фактически помощником с расширенными полномочиями.

Такое обстоятельство, очевидно, обусловлено тем, что в английской судебной системе большинство магистратов являются непрофессиональными судьями, вследствие чего часть полномочий, связанной с юридической процедурой, ложится на сотрудника аппарата суда.

Швейцарская модель помощника судьи-консультанта схожа с английской. Зачастую помощники судей занимаются типичными для этой должности обязанностями – ведут протокол судебного заседания, готовят проекты судебных постановлений, однако кроме этого швейцарские судебные служащие, в отличие от уже проанализированных моделей, имеют консультативный голос при принятии решений, который выражается в праве участия в обсуждении будущего решения [16]. В отдельных кантонах, например, в Цюрихе, помощники судей имеют право излагать свое особое мнение [15].

Кроме того, по словам Е. Меркофер, помощника Высокого Суда кантона Аргау, помощники судей также имеют полномочия по рассмотрению дел, слушающихся без проведения судебного заседания по состязательным письмам сторон [12]. Именно на помощнике-консультанте лежит основная обязанность по изготовлению мотивированного судебного акта, несение за это решение ответственности, что выражено в подписании решения не только судьей, но и помощником [12].

Таким образом, полномочия помощника-консультанта шире полномочий помощника-ассистента, что выражено в законодательно закрепленной возможности по консультированию судьи по существу дела. Конечно, говорить о принятии помощником судьи окончательного решения по существу дела не приходится, поскольку окончательное решение принимает судья. Между тем, мнение помощника-консультанта судьи уже не является просто мнением, а представляет собой юридически значимую для рассмотрения дела позицию, которую нельзя игнорировать.

Если говорить о модели помощника судьи с расширенными полномочиями, то ярким примером такого судебного служащего будет являться «рехтсфлегер» (делопроизводитель управленческого аппарата суда) в ФРГ. Рехтсфлегер помимо классических функций помощника судьи выполняет отдельные функции судьи, в том числе по вынесению судебного приказа. Изначально указанная должность вводилась для освобождения судьи от рутинных дел, однако по мере своего развития, рехтсфлегер получал все больше полномочий.

Как указал в своем решении от 10.12.2009 г. – V ZB 111/09 – Пятый Сенат Федерального суда (BGH) в Карлсруэ, будучи своего рода органами правового управления, судебные приставы не осуществляют никакой судебной власти над гражданами по смыслу п. 2 ст. 20, предложения 2 ст. 92 Основного закона ФРГ. Согласно

вышеизложенному, это было бы конституционно недопустимо, если бы рехтсфлегер был приравнен по статусу к судье. Хотя решения судебного исполнителя являются частью отправления правосудия, они по смыслу п. 4 ст. 19 Основного закона ФРГ правосудием не являются и, поскольку они ущемляют права граждан и не принимаются судьей, то обжалование таких решений должно быть доступно в судебном порядке [9].

Рехтсфлегер, как и судья, свободен от указаний в своих решениях и поэтому связан только законом и порядком (так называемая «фактическая независимость»), однако, в отличие от судьи, он не является лично независимым (в немецкой правовой школе независимость судьи носит двоякий характер: фактическая – самостоятельное принятие решений, основываясь на законе, и личная – совпадает по своему смыслу с принципом несменяемости).

Обязанности судебного исполнителя вытекают из Закона о судебных исполнителях [8]. Сюда относится, в частности, деятельность в рамках добровольной и состязательной юрисдикции. Примеры добровольной юрисдикции включают: семейные дела (ст. 25 RPflG (Акт о старших судебных служащих – рехтсфлегер)); вопросы наследования (согласно § 1 ст. 16 RPflG вопросы наследства обычно находятся в ведении судьи. Однако судебный чиновник может, например, выдать свидетельства о наследстве в случае правопреемства (см. п. 3 ст. 16 RPflG). Кроме того, он управляет, среди прочего, открытием завещаний); правила по вопросам опеки и попечительства (ст. 14 и 15 RPflG. В задачи входит, например, выдача разрешений опекунского суда и обязательства опекуна или попечителя, включая надзор за ними); закон о регистрации (задачи, связанные с законом о регистрации, вытекают из ст. 17 RPflG. Сюда входят различные записи в торговом реестре, реестре кооперативов, реестре товариществ, реестре ассоциаций, реестре прав собственности, реестре судов и реестре судостроения) и др.

К состязательной юрисдикции относятся такие производства как: процедура напоминания (аналог судебного приказа); обращение взыскания и принудительное управление (в контексте обращения взыскания рехтсфлегеры обычно принимают решение о запрашиваемом аресте заработной платы, окладов, ипотечных кредитов, акций компании и сберегательных активов); производство по делу о несостоятельности (положения о производстве по делу о несостоятельности можно найти в ст. 18 RPflG. Судья должен открыть разбирательство, а всю дальнейшую процедуру после осуществляет рехтсфлегер. Помимо прочего, он председательствует на собрании кредиторов или контролируют деятельность конкурсного управляющего); вопросы взыскания судебных расходов; исполнение приговоров (рехтсфлегеры обычно контролируют исполнение законно вынесенных приговоров. Для этого они либо собирают штрафы, либо, в случае лишения свободы,

предлагают приступить к отбыванию наказания и в рамках этого контролируют своевременное исполнение назначенного наказания. Они также могут выдавать (исполнительные) ордера на арест осужденных, не выполняющих свои обязательства).

Важно понимать, что в немецком законодательстве различаются старшие судебные служащие, которые выполняют административные функции и выполняющие квазисудебные функции. Так, если старший государственный служащий работает в судебной администрации, например, в сфере управления персоналом, бюджета, информационных технологий или планирования и организации, то он работает не в качестве рехтспфлегера, а только в качестве административного чиновника и не является фактически независимым, поскольку обязан подчиняться указаниям своего начальства [14].

Что же касается обжалования решений рехтспфлегера, то в соответствии с положениями ст. 11 RPflG соответствующие жалобы изначально рассматривает сам судебный чиновник, а в случае несогласия стороны с принятым в результате такого рассмотрения решения – ответственный судья.

Такой широкий круг полномочий рехтспфлегера обусловил отражение правового статуса не в разрозненных правовых актах (как в России и США), а в отдельном законе. Вызывает особый интерес четкое разграничение полномочий рехтспфлегера и судьи при рассмотрении дел, а также механизм урегулирования вопросов о компетенции.

Что же касается квалификационных требований, предъявляемых к рехтспфлегеру, то, в отличие от ранее рассмотренных моделей, обязательным является требование о специальном дополнительном образовании, по итогам которого необходимо сдать квалификационный экзамен.

Такой подход, по нашему мнению, обусловлен тем, что в Германии должность помощника судьи рассматривается не как элемент аппарата суда, а как отдельная должность, обладающая своим правовым статусом (наряду с сотрудником прокуратуры, следствия, дознания и тд.).

Выделение рехтспфлегера из структуры аппарата суда повлекло возникновение такого принципа в его деятельности как независимость. Анализируя американский и российский опыт организации исследуемого института, говорить о независимости судебного клерка/помощника судьи не приходится, хотя бы потому, что в указанных моделях судья ищет для себя личного ассистента, который будет выполнять его поручения. В России, помощник судьи заключает служебный контракт на срок полномочий судьи, которому, в силу должностного регламента он подчиняется. В такой системе взаимодействия говорить о какой-то самостоятельной процессуальной деятельности помощника судьи действительно нельзя.

Если же проводить сравнение с английским опытом, то наличие широких полномочий у помощника магистрата и рехтспфлегера обуславливает внедрение в их деятельность принципа независимости, поскольку представляется, что в таком случае деятельность указанных должностных лиц хоть и не является правосудием, но непосредственно связана с его отправлением.

Модель помощника судьи с расширенными полномочиями была также внедрена в Польше. Профессия помощника судьи появилась в польской судебной системе относительно недавно, в результате реформы, оформленной поправками к закону от 27.07.2001 г. «О системе общих судов». Целью введения этого института в судебную систему было освобождение судей от обязанностей технического характера, связанных с рассмотрением дела по существу.

Ранее польские судьи пользовались помощью сотрудников секретариата, но они оказывали лишь техническую и административную поддержку работы и не были уполномочены осуществлять вспомогательную деятельность в области рассмотрения дел, переданных в суд по существу. В определенной степени такую поддержку оказывали и продолжают оказывать помощники судей, которые после означенной реформы осуществляют не вспомогательную деятельность, а самостоятельную, ведущую к рассмотрению дела по существу, в частности в сфере земельно-ипотечных регистров, вынесение судебных напоминаний (аналог судебного приказа) и т.д. Указанная деятельность осуществляется не самостоятельно, а в рамках поддержки судьи, выносящего решение по делу [13].

Говоря о модели помощника судьи с расширенными полномочиями стоит отдельно отметить ярко выраженный процессуальный характер деятельности, направленной на содействие в рассмотрении судьей дела, что в свою очередь обуславливает законодательное закрепление особой судебной должности помощника судьи. Кроме того, провозглашается также и независимость помощника с расширенными полномочиями в осуществлении своей деятельности. При этом, представляется, что указанная независимость имеет ограниченный характер и направлена, прежде всего, на участников процесса и иных лиц, поскольку руководящие указания по рассмотрению дела все равно дает председательствующий по делу.

Следующей и последней моделью помощника судьи является помощник-судья. Ее отличительной особенностью является фактическое отправление помощником судьи правосудия, замещение судьи на его должности.

Такая модель характерна для Швеции, в которой установлена ступенчатая модель, позволяющая молодому специалисту стажироваться до судьи в судах различных инстанций: 2 года в суде первой инстанции (в основном, выполнение функций секретаря

судебного заседания); затем 1 год в суде апелляционной инстанции в должности стажера судьи. После прохождения указанной стажировки молодой специалист возвращается в суд первой инстанции в качестве судьи-стажера, полномочия которого схожи с помощником судьи. Вместе с тем, он уже в качестве судьи (в зависимости от продолжительности и по мере прохождения стажировки) вправе разрешать ходатайства об отсрочке, рассматривать некоторые категории несложных дел с вынесением окончательного решения (например, расторжение брака), председательствовать по делам, связанным с назначением наказания в виде штрафа и др. [3].

В некоторых странах (например, Словения, Босния и Герцеговина, Хорватия) приравненный к должности судьи статус помощника обеспечивается тем, что помощник судьи фактически является действующим судьей, временно прикомандированным для стажировки в вышестоящий суд [15].

Последние две модели помощника судьи, по нашему мнению, особенно эффективно работают в качестве «кузницы» будущих судей, что было бы крайне полезно для российской судебной системы, которая является источником своих будущих судей [2, с. 94–96].

В заключение представляется необходимым выделить выявленные закономерности.

Во-первых, в зависимости от объема полномочий и вовлеченности в рассмотрение дела, можно выделить четыре вида помощников судей: помощник-ассистент, помощник-консультант, помощник с расширенными полномочиями, помощник-судья.

Во-вторых, с возрастанием объема полномочий помощника судьи, возрастают степень законодательного закрепления статуса соответствующей должности (что актуально для российского опыта в свете законопроекта «О судебной службе») и предъявляемые к должности квалификационные требования.

В-третьих, деятельность помощника с расширенными полномочиями или помощника-судьи является вспомогательной деятельностью, имеющей цель – выполнение рутинных обязанностей по делу, выраженное в содействии судье в отправлении правосудия. Важно отметить, что такая деятельность не подменяет под собой правосудие, а лишь оформляет его процессуальные границы.

В-четвертых, именно особый характер вспомогательной деятельности при осуществлении квазисудебных полномочий позволяет говорить о необходимости применения принципа независимости для должности помощника судьи, что непосредственно связано с законностью процесса в целом. При этом, по нашему мнению, такая независимость должна быть не абсолютной, а связанной мнением председательствующего по делу судьи.

Список литературы

1. Справочник квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (утв. Минтрудом России) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Волков В.В., Дмитриева А.В. Источники рекрутирования и профессиональные субкультуры в российской судебной системе // Социология власти. 2015. Т. 27, № 2. С. 94–134.
3. Кулева Н. Судебная реформа: проблемы, решения, опыт о статусе помощника судьи // Судья. 2008. № 12 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Михайлов А. Мировые судьи в Англии: современное состояние института [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.pravo.ru/blog/3131.html> (дата обращения: 27.08.2025).
5. Прокудина Л.А. Зарубежный опыт подготовки и использования помощника судьи // Российский судья. 2009. № 6. С. 44–46.
6. Сорокопуд А.В. Правовое положение помощника судьи в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 178 с.
7. Правила о секретарях судей (квалификация помощников) 1979 года (SI 1979/570) с поправками). (Justices' Clerks (Qualification of Assistants) Rules 1979 (SI 1979/570)[3] as amended by S.I. 1998/3107, 1999/2814, and 2001/2269 [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukxi/1999/2814/pdfs/ukxi_19992814_en.pdf (дата обращения: 05.08.2025).
8. Act on Senior Judicial Officers in the version of the promulgation of 5 November 1969 (Bundesgesetzblatt [Federal Law Gazette] Part I, page 2065) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_rpflg/englisch_rpflg.html (дата обращения: 05.08.2025).
9. BGH, Beschluss vom 10. 12. 2009 – V ZB 111/09; LG Aachen [Электронный ресурс]. URL lexetius.com/2009,3819 (дата обращения: 25.08.2025).
10. Chambers Handbook for Judges Law Clerks and Secretaries. Federal Judicial Center. Washington, 1994. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.scribd.com/document/96738806/8763668-Chambers-Handbook-for-Judges-Law-Clerks-and-Secretaries> (дата обращения: 29.08.2025).
11. Darbyshire, Penny, 1952-. 1984, The magistrates' clerk / by Penny Darbyshire. B. Rose Chichester [Электронный ресурс]. URL: <https://nla.gov.au/nla.cat-vn384965> (дата обращения: 01.09.2025).
12. Interview MIT Catherine Merkofer, Gerichtsschreiberin Am Obergericht Des Kantons Aargau [Электронный ресурс]. URL: <https://oeffentlichespersonal.ch/interviews/2019/02/beratende-stimme-am-gericht> (дата обращения: 05.08.2025).
13. Izabela Oleksiewicz, Piotr Osowy. Institution of a Polish Judge's Assistant on the Example of Selected European Countries [Электронный ресурс]. URL: <https://czasopisma.marszalek.com.pl/pl/10-15804/ppk/8886-ppk2022421> (дата обращения: 01.09.2025).

14. Rechtspfleger und seine Aufgaben [Электронный ресурс]. URL: <https://www.juraforum.de/lexikon/rechtspfleger> (дата обращения: 01.09.2025).

15. Sanders A. Judicial Assistants in Europe – A Comparative Analysis. International Journal for Court Administration, 2020. 11(3), p.2. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.36745/ijca.360> (дата обращения: 01.09.2025).

16. SAR 155.200 - Gerichtsorganisationsgesetz (GOG) [Электронный ресурс]. URL: https://gesetzessammlungen.ag.ch/app/de/texts_of_law/155.200 (дата обращения: 27.08.2025).

17. The Justices' Clerks Rules 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2005/545/contents/made> (дата обращения: 01.09.2025).

18. The Role of the Justices' Clerk and the Legal Adviser, Justices' Clerks' Society, December 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jc-society.com/> (дата обращения: 01.09.2025).

Об авторе:

ПРИЙМАК Максим Владимирович – помощник судьи Тверского областного суда г. Твери, аспирант кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, e-mail: 79263872801@ya.ru

Basic models of the legal status of a judge's assistant: a comparative legal study

M.V. Priimak

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow

In order to gain a deeper understanding of the legal status of a judge's assistant in Russia, as well as the prospects for its development, the experience of organizing and functioning similar institutions in foreign countries (Germany, Poland, the United States, the United Kingdom, Switzerland, and Sweden) was analyzed.

Keywords: *civil service, judicial service, court staff, assistant judge, judiciary, justice.*

About author:

ПРИЙМАК Maxim – judicial clerk of Tverskoy regional court, postgraduate student of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, e-mail: 79263872801@ya.ru

Приймак М.В. Основные модели правового статуса помощника судьи: сравнительно-правовое исследование // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 186–198.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 3 (83), 2025

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 17.10.2025. Выход в свет 20.10.2025.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,58.

Тираж 500 экз. Заказ № 176.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: 8 (4822) 35-60-63. Цена свободная.